
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 32 АВГУСТ 1979

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 32 (2717)

4 АВГУСТА 1979

ДОРОГ ДЕ

страда в казахстане

Г. РОЗОВ, фото автора

Страда.

Идет хлеб «Каскеленского».

Главный агроном В. С. Новиков.

Комбайнер Геннадий Москвин.

Семья Кучма.

«Поплясала бы баба, да макушка лета настала» — эту старую русскую поговорку я не раз вспоминал на проселках совхоза «Каскеленский» Алма-Атинской области. Не до веселья сейчас здесь людям. Вот даже и помощник прокурора Илийского района Юрий Степанович Кучма, взяв отпуск, отправился... работать комбайнером в родной совхоз. Сейчас он и его старший брат Анатолий, давно работающий здесь механизатором, в числе главных претендентов на приз — один из цветных телевизоров, которые будут вручены победителям соревнования комбайнеров.

Хороший урожай выращен на полях совхоза «Каскеленский»: шестнадцать центнеров с гектара. И это в полупустыне. Можно порадоваться и тому, как ритмично сдают каскеленцы хлеб на Чемалганское хлебоприемное предприятие. Однако рано бить в литавры, подождем конца уборки, а пока...

На завалинке перед одним из домиков пятой бригады отдыхают комбайнеры. Ночью они работали, сейчас делятся новостями: кто сколько гектаров убрал, какие поломки случались. В совхозе заканчивали обмолот ячменя, а завтра большинство комбайнеров перебросят на уборку житняка. Это-то и волновало механизаторов. Житняк — многолетняя трава, ее охотно поедают овцы. Причем овечьи зубы долговечнее сегментов комбайнового ножа. Невелика деталь, но без нее нож как беззубый, а этих самых сегментов не оказалось ни в совхозе, ни в районном отделении «Сельхозтехники». Директор совхоза Владимир Викторович Житников утверждает, что и во всем Казахстане они дефицит. Но вот что настораживает: за три недели до начала уборки в «Каскеленский» приезжал из Москвы председатель Госкомсельхозтехники Александр Александрович Ежевский. При осмотре совхозного склада запасных частей он обнаружил пятилетний запас некоторых деталей. Правда, злополучных сегментов там не было, но сам этот случай наводит на мысль, что, возможно, где-то в другом совхозе лежит на складе их пятилетний запас или еще какая-нибудь остродефицитная деталь. Вот так житейская мудрость «запас карман не тянет» бьет тех, кто не прочь застраховаться на все случаи жизни.

В Москве в Госкомсельхозтехнике я навел справки у заведующей отделом запасных частей Е. А. Рубаковой.

— Мы дали Казахстану двойную норму фондов на сегменты. Симферопольский завод «Сельхоздеталь» уже отправил в эту республику больше годовой нормы. Так что тамошние трудности вызваны огрехами в распределении...

Но беспокойство комбайнеров понятно: ведь урожай можно потерять за один день. Главный агроном совхоза Валерий Степанович Новиков говорит так:

— Ячмень после созревания стоит шесть дней. Не уберешь — зерно высыплется. Каждый день промедления в конце уборки — это потери от половины до центнера с гектара.

Я в уме подсчитываю: под зерновыми в «Каскеленском» больше тридцати тысяч гектаров. Если во время уборки осыплется хотя бы центнер на каждом из них? Это же три миллиона килограммовых буханок! Вот что значит боевой лозунг: «Убрать в срок и без потерь!»

В этом году в совхозе собираются закончить уборку на семь дней раньше обычного. Ставка сделана на три уборочно-тракторных комплекса.

— Но есть тут сложности,— продолжает Валерий Степанович Новиков.— В комплексе заработок всех рабочих и руководителей должен зависеть от заработка комбайнера. Именно так поставлен вопрос в апрельском постановлении ЦК КПСС «О дополнительных мерах по обеспечению уборки урожая...». Своим рабочим мы и платим согласно этому постановлению, но водители, которые присланы к нам автоколонной 2562, получают зарплату по-прежнему за тонно-километры. Вот и теряются преимущества комплекса.

Скоро уборка перекинется в северные районы республики. Может быть, не поздно еще упорядочить оплату труда шоферов в соответствии с рекомендациями постановления ЦК КПСС «О дополнительных мерах по обеспечению уборки урожая...».

НЬ НА ЖАТВЕ !

ЕВРОПЕ — ВОЕННУЮ РАЗРЯДКУ

Сергей ЛОСЕВ

Четыре года назад, 1 августа 1975 года, главы государств и правительств 33 европейских стран, США и Канады подписали Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Эта беспрецедентная в истории встреча руководящих государственных деятелей положила начало новому этапу в разрядке напряженности, явилась важным шагом в закреплении принципов мирного сосуществования и налаживании отношений равноправного сотрудничества между государствами с различным общественным строем.

Народы помнят, что важное значение для созыва и успеха общеевропейского совещания имела целеустремленная и движимая неустанной заботой о мире деятельность товарища Л. И. Брежнева.

Решения Хельсинки доказали свою жизненность. За прошедшее с тех пор время были отражены настойчивые попытки противников международного сотрудничества ревизовать Заключительный акт, изменить его содержание и смысл с целью узаконить вмешательство во внутренние дела государств и народов под предлогом фальшивой «заботы» о правах человека.

Теперь каждый раз, когда в Европе начинают поднимать голову силы реакции, милитаризма и реваншизма, на их пути становятся труднопреодолимой преградой решения общеевропейского совещания, которое подвело необходимый политический итог второй мировой войны, закрепив сложившиеся границы, и подтвердило бесплодность и вредность политики «с позиции силы» и «холодной войны».

Отмечая очередную годовщину совещания — а 4 года — это всего лишь мимолетное мгновение для истории,— здравомыслящие политические деятели подчеркивают, что встреча в Хельсинки открыла возможность для существенного укрепления мира и безопасности в Европе. А ведь забота о мире и безопасности в Европе является главным содержанием хельсинкских решений.

Общеевропейское совещание, заявил заместитель председателя европейского парламента, видный деятель итальянской социалистической партии Марио Дзагари, явилось наиболее конструктивным моментом в разрядке между Востоком и Западом. Те препятствия, которые возникли затем на пути укрепления мира, указал он, не должны вызывать у нас чувства пессимизма, напротив, мы должны делать упор на конструктивные моменты диалога, прилагая особенно активные усилия в борьбе за сокращение вооружений, с тем чтобы укрепить процесс взаимного сотрудничества.

Запад не прекращает попыток подорвать процесс разрядки международной напряженности, создавать новые очаги военной опасности, развертывать враждебные социалистическим странам кампании вокруг несуществующей «советской военной угрозы», разжигать вражду между народами. В ФРГ и некоторых других западноевропейских странах наблюдается также опасное оживление деятельности неонацистских организаций и течений, усиливается влияние реваншистских элементов в высших эшелонах государственной власти.

В этих условиях важно как никогда, чтобы государства — участники общеевропейского совещания строили свои взаимоотношения на основе строгого соблюдения краеугольных принципов, принятых в Хельсинки: суверенное равенство, уважение прав, присущих суверенитету; неприменение силы или угрозы силой; нерушимость границ; территориальная целостность государств; мирное урегулирование споров; невмешательство во внутренние дела; уважение прав человека и основных свобод; равноправие и право народов распоряжаться своей судьбой; сотрудничество между государствами; добросовестное выполнение обязательств по международному праву.

Советский Союз, другие братские социалистические страны добросовестно выполняют решения общеевропейского совещания и рассчитывают на столь же честное поведение своих западных партнеров.

Периодически выдвигаемые на Западе злонамеренные обвинения, будто социалистические государства не соблюдают Заключительный акт в части так называемой «третьей корзины», не имеют под собой никаких оснований. Следуя рекомендации хельсинкского совещания, советские издательства, например, существенно расширили выпуск книг иностранных авторов. Так, если в 1975 году в СССР было издано 80 миллионов экземпляров книг зарубежных авторов, то в 1977 году — уже 121 миллион экземпляров. В то же время, как свидетельствуют упрямые цифры, на практике в США, Англии, ФРГ, Франции издается в несколько раз меньше книг советских авторов, нежели в СССР книг западных авторов, показывается в три раза меньше телевизионных программ, демонстрируется в десятки раз меньше кинокартин. Таков результат преднамеренной политики правящих кругов, не заинтересованных в том, чтобы народы капиталистических стран знали правду из первоисточника о жизни в мире социализма.

Результаты общеевропейского совещания являются тщательно взвешенным балансом всех государств-участников. Положения Заключительного акта — это единое целое. Нельзя искусственно вырывать из контекста и выпячивать одни положения Заключительного акта и в то же время предавать забвению и даже нарушать другие.

В период нового обострения энергетического кризиса даже для тех, кто противился советским инициативам, направленным на расширение общеевропейского сотрудничества в области энергетики, становится очевидным, насколько настоятельной является необходимость проведения межгосударственных совещаний по этим вопросам.

Но главное сейчас заключается в том, чтобы дополнить политическую разрядку военной и уменьшить военное противостояние в Европе. Одна из первоочередных задач в этом плане — найти пути к сокращению вооружений и вооруженных сил в Центральной Европе без ущерба для безопасности кого бы то ни было.

В районе Центральной Европы существует примерное военное равновесие сил двух противостоящих друг другу военно-политических группировок — НАТО и Варшавского Договора. Это создает объективную возможность решать здесь насущные задачи укрепления мира и безопасности путем уменьшения на взаимной основе военных потенциалов сторон без нарушения указанного равновесия. Тем не менее венские переговоры вот уже который год топчутся на месте. Западные участники переговоров загнали их в глухой тупик бесплодных, бессмысленных и бесперспективных споров относительно методов подсчета персонала вооруженных сил сторон. Они утверждают, будто численность войск стран Варшавского Договора в Центральной Европе на 180 тысяч больше по сравнению с тем, что есть на самом деле, в том числе на 150 тысяч человек больше по сухопутным войскам. Основываясь на этих взятых с потолка цифрах, западные державы требуют, чтобы социалистические государства, несмотря на наличие примерного равенства вооруженных сил обеих сторон, сократили в Центральной Европе в три с половиной раза больше своих войск по сравнению со странами НАТО.

Социалистические государства уже давно заявили о своей готовности сократить на 105 тысяч человек свои сухопутные силы в Центральной Европе и разъяснили, как конкретно будет разделена эта цифра между каждой из стран. В то же время Запад по-прежнему продолжает уходить от ответа на вопрос, какие конкретно вклады внесут в это сокращение ФРГ, Англия и другие западноевропейские прямые участники переговоров.

Более того, Бонн пытается зарезервировать за западногерманским бундесвером некое право даже увеличить свою численность за счет других западноевропейских стран.

Стремясь сдвинуть переговоры с мертвой точки, Советский Союз предложил договориться на первом этапе о некотором сокращении в Центральной Европе войск и вооружений только СССР и США. В рамках этой инициативы Советский Союз готов в течение года вывести из Центральной Европы 30 тысяч человек военного персонала и значительное количество военной техники, включая тысячу танков — при условии, что США также сократят свои вооруженные силы в этой зоне. Однако и это предложение пока остается без ответа.

Конструктивной позиции СССР и других социалистических государств страны НАТО противопоставляют тактику проволочек и попыток во что бы то ни стало вырвать для себя односторонние преимущества. Только этим можно объяснить нежелание Запада дать положительный ответ на инициативу социалистических стран, предусматривающую, что все прямые участники переговоров в Вене как с западной, так и с восточной стороны возьмут на себя в соглашении обязательства сократить свои сухопутные войска до равных коллективных уровней по 700 тысяч человек.

Западные участники венских встреч, по-видимому, не хотят договоренности потому, что это помешало бы осуществлению натовских планов наращивания гонки вооружений. Военные бюджеты стран НАТО теперь автоматически увеличиваются на 3 процента в год, но и это кое-кому кажется недостаточным. Противники разрядки пытаются использовать в интересах гонки вооружений даже процесс рассмотрения и ратификации американским сенатом советско-американского договора об ограничении стратегических наступательных вооружений. Так, сенатор Нанн, выступая в сенатской комиссии по делам вооруженных сил, заявил, что он мог бы поддержать договор ОСВ-2, но только при условии, что правительство США будет увеличивать свой военный бюджет в реальном исчислении на 4—5 процентов в год (?!).

За время, пока идут венские переговоры, Советский Союз не увеличил численность своих вооруженных сил в Центральной Европе ни на одного солдата, ни на один танк. В то же время численность американских войск в этой зоне увеличилась на 11 тысяч человек.

В руководящих органах НАТО разрабатываются опасные планы размещения на территории некоторых западноевропейских стран, в частности в Западной Германии, американского ракетно-ядерного оружия среднего радиуса действия, нацеленного против объектов на территории европейских социалистических государств. Пентагон оживляет также планы создания и развертывания в Европе нейтронного оружия.

Советский Союз, как известно, со всей серьезностью предостерег против осуществления этих планов. «В последнее время,— сказал в своей речи товарищ Л. И. Брежнев,— все чаще появляются сообщения о том, что Пентагон нажимает на ФРГ, добиваясь согласия на размещение в этой стране — в дополнение к уже имеющимся там американским средствам передового базирования — еще ракетно-ядерного оружия среднего радиуса действия, нацеленного на Советский Союз. В ФРГ как будто слышны голоса протеста против этого. Оно и понятно: ведь претворение в жизнь этих планов, как и замыслов американской военщины насчет нейтронного оружия, привело бы только к новому росту напряженности в Европе, к новому взлету гонки вооружений, да еще к резкому увеличению опасности для самой ФРГ.

Что касается Советского Союза, то он уже

Во время встречи. Телефото В. Мусаэльяна (ТАСС)

ВСТРЕЧА Л. И. БРЕЖНЕВА С Э. ХОНЕККЕРОМ

27 июля в Крыму состоялась дружеская встреча Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева с Генеральным секретарем ЦК СЕПГ, Председателем Государственного совета ГДР Э. Хонеккером, прибывшим в Советский Союз для кратковременного отдыха.

Товарищи Л. И. Брежнев и Э. Хонеккер с удовлетворением отметили успешное развитие многогранного сотрудничества между КПСС и СЕПГ, СССР и ГДР.

Л. И. Брежнев и Э. Хонеккер выразили готовность своих стран приложить еще более энергичные усилия для упрочения разрядки, достижения реальных сдвигов в области разоружения и устранения на этой основе всякой опасности мировой войны.

В канун четвертой годовщины исторического совещания в Хельсинки товарищи Л. И. Брежнев и Э. Хонеккер подчеркнули, что в повестку дня все настойчивее выдвигается задача уменьшения военного противостояния в Европе. Советский Союз и ГДР выступают за проведение основательной подготовительной работы в целях обеспечения успеха соответствующей конференции, предложенной странами Варшавского Договора, и предстоящей в 1980 году мадридской встречи.

Беседа прошла в атмосфере дружбы, сердечности и единодушия. В ней приняли участие член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС К. У. Черненко, помощник Генерального секретаря ЦК КПСС А. И. Блатов, заместитель заведующего отделом ЦК СЕПГ Б. Малов.

28 июля товарищ Э. Хонеккер отбыл из нашей страны.

не раз заявлял, что стоит не за наращивание, а за ограничение ракетно-ядерного или иного оружия путем соглашения сторон на основе полной взаимности. Это касается и оружия среднего радиуса действия в Европе — с учетом, конечно, также наличия там американских военных баз».

Видимо, нет нужды объяснять, насколько важно уменьшить военное противостояние на европейском континенте, бывшем дважды на протяжении жизни нашего поколения источником мировых войн. Примерно 80 процентов накопленных на земле запасов оружия приходится на 35 государств, подписавших Заключительный акт общеевропейского совещания. Теперь к этим горам оружия страны НАТО хотели бы добавить новые арсеналы оружия массового уничтожения, но разве на такой основе можно строить безопасность государств и народов?

Комитет министров иностранных дел государств — участников Варшавского Договора на майском заседании в Будапеште подчеркнул, что в современных условиях крупным шагом в направлении укрепления мира и безопасности в Европе явилось бы заключение между всеми государствами — участниками общеевропейского совещания договора о неприменении первыми друг против друга как ядерных, так и обычных вооружений. Тем самым была бы создана новая гарантия против развязывания военного конфликта на нашем континенте.

Комитет предложил созвать уже в 1979 году конференцию с участием всех европейских государств, США и Канады для рассмотрения конкретных мер по укреплению доверия между государствами в Европе, ослаблению военного противостояния и последующему уменьшению концентрации и сокращению вооруженных сил и вооружений на континенте.

Страны Варшавского Договора готовы договориться о нерасширении военно-политических группировок в Европе, об ограничении уровня военных учений, о распространении мер доверия на район Средиземного моря и других предложениях, направленных на военную разрядку.

Конечно, договориться по всем этим вопросам будет нелегко. Если касаться, например, распространения мер доверия на район Средиземного моря, то следует учитывать такой фактор, как упорное нежелание США идти на уменьшение своего военно-морского присутствия в Средиземном море.

Подписание в Вене договора между СССР и США об ограничении стратегических наступательных вооружений подтверждает, однако, что когда за основу берется принцип равенства и одинаковой безопасности, то можно достичь соглашения даже по исключительно сложным проблемам, от которого зависит национальная безопасность как СССР, так и США.

Своевременное вступление в силу договора ОСВ-2 способствовало бы оздоровлению советско-американских отношений, всего международного политического климата и ситуации в Европе. Претворение в жизнь договора ОСВ-2 помогло бы прогрессу и на переговорах в Вене по сокращению вооруженных сил и вооружений в Европе.

Всякий, кто объективно подходит к оценке переговоров о разоружении, знает, что нет такого вида вооружений, который социалистические государства не были бы готовы ограничить или сократить на основе строгого соблюдения принципа ненанесения ущерба безопасности ни одной из сторон. Это относится и к оружию так называемой «серой зоны», под которым обычно подразумевают тактическое оружие среднего радиуса действия. Но успех переговоров возможен только с учетом всех факторов, которые оказывают влияние на стратегическую ситуацию в Европе, включая американские ядерные средства передового базирования и авианосцы США, а также оружие у европейских союзников США, нацеленное на территорию СССР и других социалистических стран Восточной Европы.

Предложения социалистических государств, охватывающие различные аспекты проблемы ослабления военного противостояния в Европе и укрепления доверия между государствами, проникнутые заботой об упрочении мира на европейском континенте, ждут своего осуществления.

Враги мира отнюдь не сложили оружия, и именно поэтому миролюбивые государства и народы обязаны проявлять необходимую бдительность, давать им должный отпор и всемерно активизировать свои действия в борьбе за дальнейшее продвижение к более прочному миру в Европе и во всем мире.

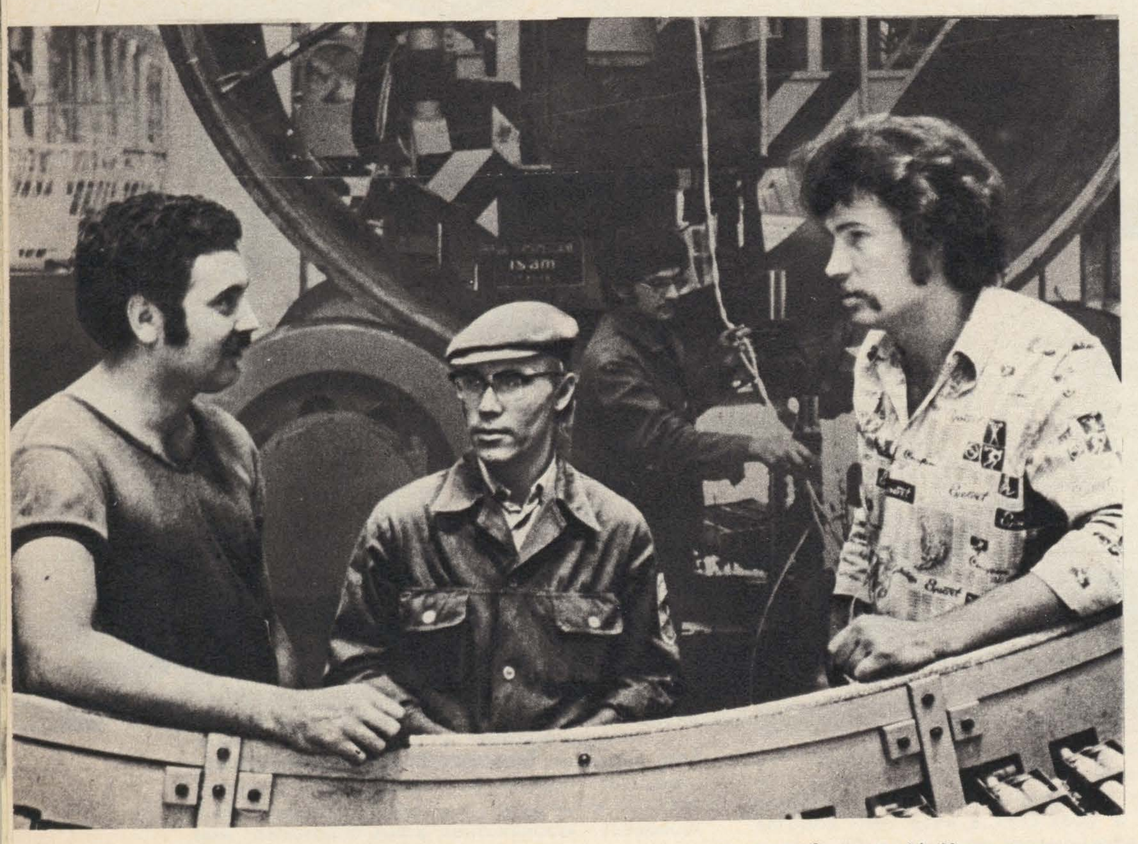
Необходимо сделать все, чтобы предстоящая в 1980 году в Мадриде встреча представителей государств — участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе содействовала расширению общеевропейского сотрудничества.

Хельсинкский Заключительный акт является историческим документом, рассчитанным на многие годы, и ему предстоит долгая и интересная жизнь.

«огонек» на «атоммаше»

ПЕРВЫЙ БОЕВОЙ ШОВ

Михаил АНДРИАСОВ
Фото А. ГОСТЕВА
Специальные корреспонденты «Огонька»

Они сваривали первый шов — В. М. Алексеев, С. Д. Рябов и В. И. Коршунов.

Наши друзья из Германской Демократической Республики, побывавшие на «Атоммаше», посвоему сказали в газете «Нойес Дойчланд» о том новом, что увидели в донской степи: «Донские казаки оседлали атомного коня!» В этом образном определении — сущая правда. И хотя до того дня, когда первый донской реактор мощностью в 1 миллион киловатт выйдет из ворот завода, еще пройдет много времени, тем не менее «казачий атомный конь» уже давно не стригунок, он сказочно мужает, набирая новые силы. Диву даешься, сколько за последние три-четыре года, говоря словами Михаила Александровича Шолохова, повидала «донская, казачьей, нержавеющей кровью политая степь!»

В октябре 1977 года строители и эксплуатационники одержали первый значительный успех — досрочно были сданы под монтаж 100 тысяч квадратных метров производственных площадей. Правда, половина пролетов Главного корпуса еще «простреливалась» взглядом насквозь, и все же для Главного корпуса 28 октября 1977 года стало днем пуска. Вслед за строителями шли монтажники, они все решительнее выходили на оперативный простор: монтировали станки, автоматические линии, сложнейшие установки. Главный корпус завода вступал в строй. «Атоммаш» не только строился, он уже работал.

А многотысячный коллектив шел к новому рубежу. 15 августа 1978 года началась отработка технологии изготовления сложных деталей корпуса реактора. Тот день атоммашевцы назвали днем первой стружки. Она оценивалась весьма высоко. Не зря стальные завитки рабочие и инженеры уносили тогда домой как самый дорогой сувенир. Ведь этой заготовке предназначалось в будущем стать одной из четырех обечаек — ободов — корпуса атомного реактора. В тот день резец вонзился в поверхность тридцатипятитонного «колечка», и под радостные возгласы атоммашевцев появилась первая стружка.

Шаг за шагом продвигались заводчане вперед. Первый запущенный станок, первая стружка, и вот в нынешние июльские дни рабочие и инженеры подошли к решению одной из наиболее сложных проблем — сварен первый боевой шов.

К этой операции готовились долго. Тщательно проверялись,

осваивались сварочные установки. Тренировались планомерно, последовательно. Тренировки шли на опытных обечайках. Это было сложное и трудное дело, но оно увенчалось успехом: режимы были освоены, оборудование раскрыло сварщикам все свои тайны, они готовы к любым возможным неожиданностям. В субботу, 21 июля, атоммашевцы начали сварку первого боевого шва.

Секретарь парткома завода Леонид Иванович Попов рассказывает:

— Освоение этой сложной операции вначале проходило в заводской лаборатории. Здесь обучались, стажировались сотни сварщиков. От каждого из них требовалось отточенное мастерство, высокая культура труда, отличная организация технологического процесса и поистине ювелирная точность. Выполнение первого боевого шва доверили лучшим из лучших. Надо было видеть, с какой, я бы сказал, государственной ответственностью вели сварку Юрий Пирожков и Валентин Косьянов, Владимир Коршунов и Сергей Рябов, Игорь Резаев и другие мастера сварки. Все они отлично владеют этой огненной специальностью. Бригаду, которой доверено почетное право прокладывать первый шов, возглавляет коммунист Вячеслав Алексеев. Ему тридцать лет, из них десять отдано искусству сварки.

...«Атоммаш» сразу же покорил Вячеслава грандиозностью своих дел, планов, смелостью дерзаний. Он участвовал в строительстве завода, в выполнении различных срочных заказов, шел туда, где было особенно тяжело, помогал монтировать сварочные установки, на которых теперь сам успешно работает. За ударный труд Вячеслав Михайлович недавно был награжден медалью «За трудовую доблесть».

В Главном корпусе, в цехе парогенераторов, я видел, как сварщики Алексеева вели первый шов. За их работой с напряженным вниманием следили не только все рабочие цеха Главного корпуса, но и весь заводской коллектив. Все знали, сколь ответствен этот рубеж. Здесь были и первый секретарь Волгодонского горкома партии Игорь Федорович Учаев и председатель горисполкома Александр Егорович Тягливый...

Перед началом сварки я спросил у Вячеслава Михайловича:

— Как вы расцениваете полученное задание?

— Сегодня делаем новый шаг вперед. И понимаем, что это не только наш шаг, шаг бригады, это шаг «Атоммаша».

Бригадир говорит спокойно, без аффектации. Но на красивом лице его нетрудно уловить и волнение, и собранность, и устремленность. Впрочем, волнуется не он один — вся бригада. Ведь пришлось преодолеть и психологический барьер: справимся ли?

Готовясь к сегодняшнему дню, сварщики Вячеслава Алексеева прошли через многие тренировки. Они не раз проверяли себя, добиваясь филигранной отточенности.

...В цехе парогенераторов необычная обстановка. Однозначно о ней не скажешь. Тут и радость сознания — «пришли к знаменательному рубежу!», тут и волнующее напряжение — огромная ответственность легла на плечи сварщиков и всего коллектива цеха.

Размеренны, точно рассчитаны действия сварщиков. И вот уже первый успех — внутренний шов закончен хорошо. Подготовка к следующей операции начинается автоматической сваркой наружного шва. Все идет строго по заданному режиму.

Нагревальщик Александр Миллов четко регулирует температуру. Отклонений от нормы нет, за этим строго следят не только глаза рабочего, но и чуткие приборы. За пультом управления Вячеслав Алексеев...

24 июля первый боевой шов на обечайке «Атоммаша» был завершен. Это событие подготовлено не только сварщиками Главного корпуса. Его обеспечили многие рабочие, специалисты завода — и главный инженер «Атоммаша», недавно награжденный орденом «Знак Почета» Станислав Николаевич Елецкий, и главный сварщик предприятия Петр Семенович Прошкин, заместители главного сварщика Александр Александрович Мелекесцев и Валентин Анатольевич Егоров, начальник цеха парогенераторов Александр Сергеевич Коржов, мастер участка Юрий Агапов...

...Я беседовал с заместителем министра энергетического машиностроения, генеральным директором производственного объединения «Атоммаш» Валерием Григорьевичем Першиным.

— Мы проверили себя на первом боевом шве,— сказал он.— Это уже не тренировки. Это тот шов, что должен работать на обечайке тридцать лет. Такой срок диктуется требованиями качества. Приобретенный опыт свидетельствует: атоммашевцы уже уверенно чувствуют себя на механической обработке, испытали здесь свои силы. Теперь мы направляем главные усилия на то, что еще не сделано. «Атоммаш» пока не сделал ни одной операции по термообработке обечаек, не сдал в эксплуатацию весьма трудоемкий закалочный комплекс, мы еще не опробовали на боевой обечайке работу рентген-камеры, не сдали в эксплуатацию ряд крупных токарно-расточных станков...

Я с интересом слушал Валерия Григорьевича. Деловой, энергичный, человек большой технической эрудиции, широкой, всесторонней культуры, он знает цену слова, цену времени, ревностно дорожит им.

В кабинет генерального директора вошли инженеры, работники управления. Быстро решив с ними оперативные вопросы, Першин продолжал:

— Рубежи, пока еще не взятые нами, сдерживают освоение производственных мощностей, внедрение технологических процессов. Предстоит решение серьезных инженерных задач. Жизнь настоятельно требует от наших рабочих и инженерно-технических работников повышения квалификации, уровня организованности, воспитания у них чувства любви к делу, к «Атоммашу». Сплочение всех атоммашевцев в дружный творческий коллектив, объединенный задачами, поставленными перед нами партией и правительством, позволит преодолеть все трудности в освоении введенных мощностей, трудности на пути к выпуску первого донского атомного реактора.

Волгодонск

НАСТАВНИКИ

Первая трудовая победа... Пусть это еще не рекорд, пусть достигнутое выглядит скромно рядом с результатами опытных работников. Но это шаг очень важный на пути к мастерству.

Вот почему у девушек, которых вы видите на первой странице обложки, хорошее настроение. Закончена смена, и на доске показателей появились итоги дня — есть первая сверхплановая продукция! И как не поделиться своей радостью с наставницей — одной из лучших работниц цеха Л. Оганесян. На снимке она — в центре.

Наставник — почетное звание на заводе химического волокна в городе Кировакане. Своим главным делом они считают работу с молодежью. Более ста наставников — а среди них депутаты Верховного Совета Армении и городского Совета, ударники коммунистического труда — отдают молодым все свои знания. Именно наставнику дано раскрыть в молодом производственнике искру таланта — ведь это тоже государственное дело.

А. САВАЯН

«ОГОНЕК» ВЫСТУПИЛ. ЧТО СДЕЛАНО!

ВИНОВАТЫХ НЕ ДОЛЖНО БЫТЬ

В № 20 «Огонька» был напечатан обзор писем читателей, жалующихся на плохую доставку журнала подписчикам.

В связи с этим выступлением мы получили ответ заместителя министра связи СССР Д. И. Мангельдина, в котором он сообщил, что министерством проведена проверка по конкретным адресам, приведенным в заметке «Кто виноват?».

«Задержек подписных посылов журнала «Огонек» при отправке из Москвы в Грозный, Тбилиси, Ульяновск, Барнаул и Омск не установлено... Вместе с тем проверка выявила отдельные случаи задержки журналов при обработке и доставке их подписчикам в пунктах назначения.

Установлено, что посылы журнала «Огонек» для доставки подписчикам отправляются экспедицией издательства «Правда», как правило, на 2—3 дня позднее, чем розничные посылы.

По обнаруженным недостаткам приняты меры к недопущению впредь подобных случаев. Виновные привлечены к ответственности. Руководителям предприятий связи дано указание усилить контроль за своевременной обработкой и доставкой журналов».

Письма-жалобы на несвоевременную доставку продолжают поступать и по сегодняшний день: из Кировска, Ленинградской области, из Шабалинского района, Кировской области, из Хабаровска, из Варненского района, Челябинской области, из Сум и др.

Всеми этими жалобами внимательно занимается редакция, отдел распространения издательства «Правда», в котором на контроле состоят более четырех тысяч узлов связи. Все претензии подписчиков фиксируются на специальных карточках в течение многих лет. Таким образом, видна картина работы каждого почтового отделения.

Мы ознакомились с графиком отправки журнала экспедицией издательства «Правда». Так как тираж печатается с пятницы по пятницу, то и рассылка происходит поэтапно в Москву, Ленинград, Киев, Харьков, Минск, по Казанскому, Ярославскому, Белорусскому, Савеловскому, Рижскому и другим направлениям Советского Союза. Посыл подписного и розничного тиража из стен издательства подписчикам и в «Союзпечать», обслуживающую розничную торговлю, происходит одновременно. Дальше синхронность в отправке той и другой партии должна соблюдаться и на вокзалах. Малейшее нарушение графика и со стороны издательства, и со стороны «Союзпечати», и со стороны железнодорожников ведет к расхождению и задержке доставки почты подписчикам и розничным покупателям,— стоит только заменить поезд или послать розницу в какой-то город не по графику издательства «Правда».

Существует еще один интересный документ, выпущенный Министерством связи СССР, в котором есть раздел «Основные контрольные сроки».

В республиканских, краевых, областных центрах газеты (это касается и журналов) должны быть доставлены подписчикам в тот же день, если поступили в доставочный узел связи (но еще не в отделение связи!) до 15 часов. В других городах — до 14 и даже до 13 часов дня. Что это значит? Если поезд в этот город приходит по расписанию позже, опоздание доставки уже заранее запрограммировано на 1 сутки. А если почта придет в субботний (то есть выходной) день, то раньше понедельника подписчик журнал не увидит.

Вот и получается, что даже несколько часов задержки на каждом из пунктов отправки журнала оборачивается для подписчика днями ожидания. Да еще надо принять во внимание нерадивость отдельных работников. Конечно, как выяснилось, много нареканий со стороны подписчиков было из-за плохих погодных условий в зимний период. Но, как бы там ни было, никакие объективные обстоятельства не снимают ответственности ни с одного человека, так или иначе занимающегося доставкой журнала подписчикам, начиная с редакции, типографии, экспедиции, транспортных и почтовых работников. Мы все в ответе перед подписчиками.

ПО СТРАНЕ СОВЕТСКОЙ

1

МОСКОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

Младший брат Москвы

Да, есть у нашей столицы младший брат — подмосковный город Дмитров. Только что ему исполнилось 825 лет. Это город-воин, город-созидатель. Дмитров за достижения в хозяйственном и культурном строительстве удостоен Почетной грамоты Президиума Верховного Совета РСФСР.

В конце июля в Дмитрове состоялось торжественное заседание городского комитета КПСС, городского Совета народных депутатов и городского комитета ВЛКСМ, посвященное знаменательному юбилею. В своем выступлении первый секретарь Дмитровского горкома партии Владимир Александрович Новоселов рассказал о завидной судьбе старейшего русского города. Дмитров был основан князем Юрием Долгоруким, много веков служил богатырской заставой на севере от столицы русского государства. Город всегда жил одной жизнью со всей страной. Уже весной 1917 года здесь были созданы Советы рабочих и крестьянских депутатов. Красногвардейцы тут стойко отстаивали интересы революции. А в 1941 году древний Дмитров снова стал городом-воином, преградив путь фашистскому нашествию. Именно отсюда, от Перемиловских высот, началось победное контрнаступление Красной Армии в декабре сорок первого.

Сейчас продукция Дмитрова отправляется более чем в сорок стран мира: экскаваторы, фрезерные станки, трикотаж...

План трех лет пятилетки рабочие, инженеры, техники Дмитрова завершили досрочно. Значительны успехи тружеников полей и ферм Дмитровского района. В минувшем году в районе собрали по 31,1 центнера зерна с каждого гектара.

Трудящихся Дмитрова с юбилеем тепло поздравил член ЦК КПСС, член Президиума Верховного Совета СССР, первый секретарь Московского областного комитета КПСС тов. В. И. Конотоп. Он вручил Почетную грамоту Президиума Верховного Совета РСФСР и Красное знамя МК КПСС, Мособлсовета, Мособлсовпрофа и МК ВЛКСМ, которое присвоено за наилучшие показатели, достигнутые работниками промышленности и транспорта города во втором квартале четвертого года пятилетки.

Б. КУЗЬМИН
Фото автора

На снимке: товарищ В. И. Конотоп (слева) вручает Красное знамя представителям трудящихся Дмитрова.

1.

•

2

ВЛАДИМИРСКАЯ ОБЛАСТЬ

КАМЕННАЯ ФИАЛКА

Все чаще вторгаются ученые в подземную лабораторию легендарного Вулкана, выпытывают у него, как создаются металлы и драгоценные камни. И все-таки я очень удивилась, когда доктор технических наук Ю. М. Путилин, заместитель директора Всесоюзного научно-исследовательского института синтеза минерального сырья, предложил мне ознакомиться с этим процессом... в его кабинете. Там оказался не высоченный автоклав, а миниатюрная модель. Обыкновенный светильник, купленный в магазине, превращен в подобие автоклавной установки. Стоит включить его в сеть, как в нем загораются лампы. Та, что внизу, повышает температуру жидкости. Подсветка сообщает струям красный цвет. Начинается циркуляция, при которой нисходящий поток окрашивается в цвет зеленый—холодный. Нагреваясь, струи краснеют. Так становится понятным процесс непрерывной циркуляции растворенного материала к растущим драгоценным кристаллам. «Не часто светильник бывает столь повышен в ранге,— улыбается Юлий Михайлович.— Кстати, он имитирует наш новый пятидесятитонный автоклав».

Недавно группа сотрудников Всесоюзного промышленного объединения по разведке месторождений, добыче и переработке пьезооптического и камнесамоцветного сырья за разработку и промышленное освоение методов синтеза и облагораживания камнесамоцветного сырья выдвинута на соискание Государственной премии СССР.

— Мы научились считать,— говорит кандидат геолого-минералогических наук А. А. Шапошников.— Сейчас работы ученых и производственников считаются рентабельными, когда в ответ на затраченный рубль дают три. В нашем институте в результате сочетания поэзии поиска с синтезом кристаллов затраченный рубль оборачивается сотней. Советую,— продолжает Анатолий Александрович,— заглянуть в зал высоких давлений, где синтезируют алмаз.

В центре зала — сооружение внушительного вида. В нем владычествуют высокое давление и температура. Мне повезло: скоро будет выгрузка. Кладу под микроскоп мельчайшие кристаллы, схожие с хорошо очищенным сахарным песком, и восхищенно вскрикиваю, пораженная их сверканием...

А этот изумительно красивый камень получил название «Фиалка». Фирмы Италии, Австрии и других стран платят за него, не считаясь с высокой ценой.

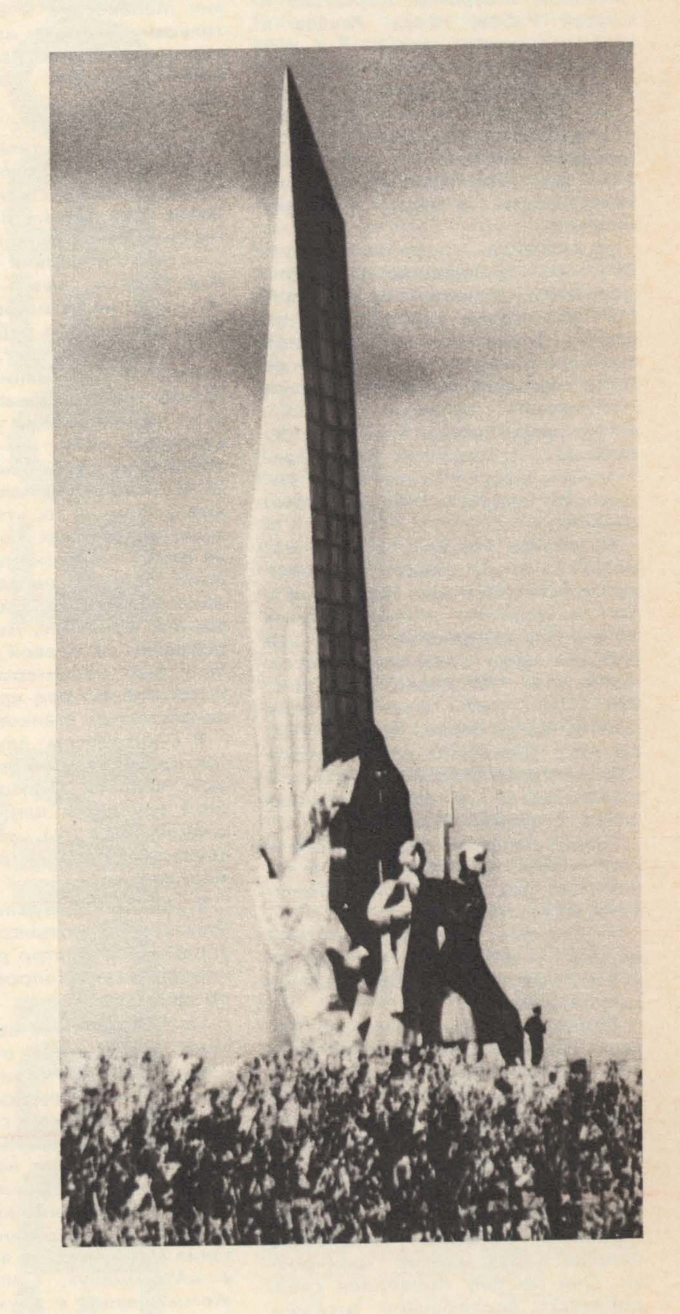
Фиалка — аметист. Он приравнен к природному, так как вырастает из раствора, подобного тому, что веками путешествовал в недрах земли, пока не отлился в драгоценный камень.

Надо сказать, что синтез аметиста длительное время считался фантазией. Но именно советские ученые впервые в мире синтезировали его. Мало того, благодаря интенсивности окраски и красноватым отблескам, вспыхивающим в глубине камня, он ценится выше бразильского и других аметистов. Ему уступил место даже уральский. Аметист, рожденный в автоклаве, единственный среди всех своих родичей не выцветает под прямыми солнечными лучами.

Генриетта АЛОВА

На снимке: рукотворные кристаллы.

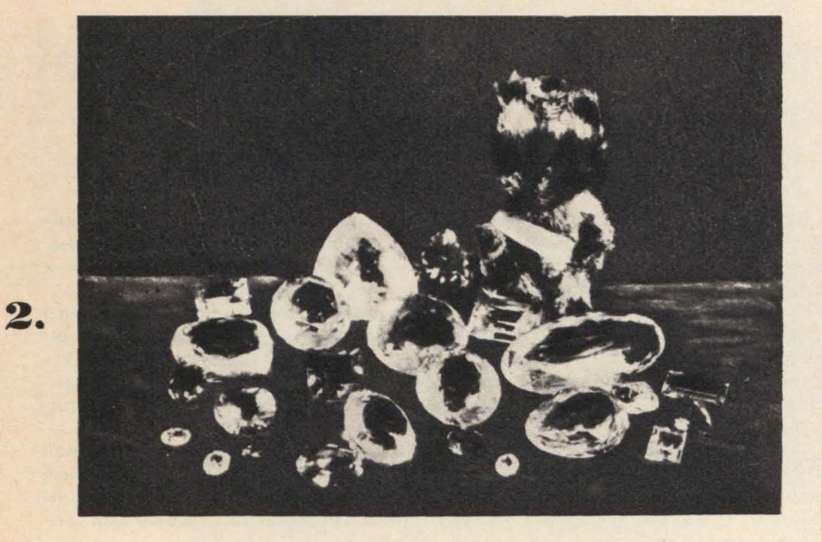
3.

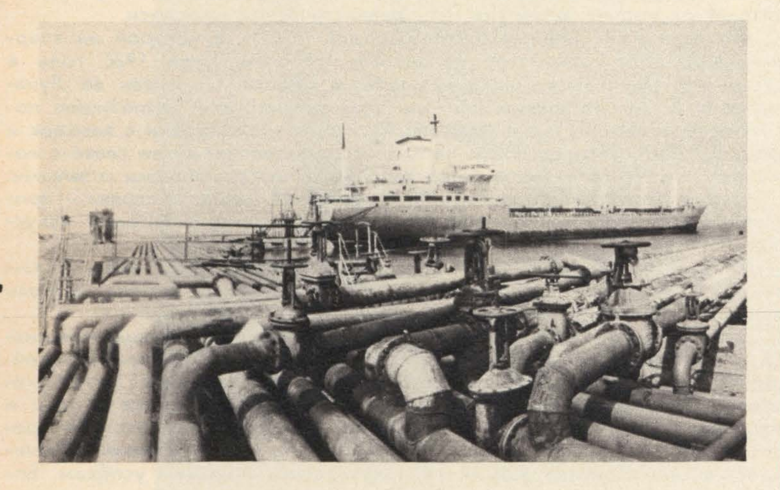

ИНТЕРВЬЮ •

2.

4.

5.

РЕПОРТАЖ

3

КАЗАХСТАН

ПАМЯТЬ В ГРАНИТЕ И БРОНЗЕ

В Джезказгане, на крутом берегу Кенгирского водохранилища, создан монумент Славы воинам-джезказганцам, участникам Великой Отечественной войны.

...22 июня 1941 года горняки угольных шахт Байконура и металлурги Карсакпайского медеплавильного завода объявили себя мобилизованными на весь период войны и поклялись трудиться по-фронтовому.

Карсакпай выдавал скоростные тяжеловесные плавки, каждая из которых была трудовым подвигом, а на фронтах войны бойцы-карсакпайцы совершали подвиги ратные. В битве под Курском командир орудия старший лейтенант, начальник железнодорожной станции Николай Колбасов удостоился звания Героя Советского Союза. Бухгалтер из Карсакпая Аркадий Зенковский на Сандомирском плацдарме стал коммунистом, на Висле командовал ротой, на Одере его подразделение первым ступило на лед и выдержало яростные контратаки фашистов. Отважный командир погиб, ему было присвоено звание Героя Советского Союза...

И вот память о грозном времени застыла в граните и бронзе.

Символом связи времен задумал свое произведение скульптор Н. Н. Андреев, с которым я встретился на открытии монумента в Джезказгане.

— Все, что связано с войной, для меня свято,— говорил Н. Н. Андреев.— Мой отец, Николай Максимович Андреев, был комиссаром партизанского отряда «Большевик», который действовал в районе Минска. Мои работы — лишь небольшая дань признательности нашего поколения победившему народу...

М. УЧЕНИК,
старший редактор
Джезказганского
облтелерадио

На снимке: монумент Славы.

Фото Б. Тубекова

•

4

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

РЫБАКАМ, СТРОИТЕЛЯМ, ХЛЕБОРОБАМ

Бурными темпами развивается экономика Дальнего Востока. Растет и ее потребность в нефтепродуктах. Корреспондент «Огонька» В. Кузнецов попросил начальника Приморского управления Главнефтеснаба РСФСР **В. П. Шкодина** рассказать, как Нефтеснаб удовлетворяет запросы рыбаков, строителей, хлеборобов.

— Основная сложность в нашей работе — отдаленность от основных нефтеперерабатывающих предприятий. Непросто осуществлять перевалку нефтепродуктов с одного вида транспорта на другой. И мы очень сильно зависим, в частности, от морских пароходств и железной дороги. Транссибирская железнодорожная магистраль, по которой снабжаются наши перевалочные нефтебазы, работает с ощутимым перенапряжением. Сроки доставки грузов колеблются в обе стороны на несколько суток. А это усложняет плановую загрузку танкеров на Владивостокской и Находкинской нефтебазах. Отсюда — простои танкерного флота. Положение дел осложнилось еще и тем, что железнодорожники и моряки-танкеристы — разные звенья единого транспортного конвейера — решали свои задачи разобщенно.

Ощущая этот непорядок, мы попытались создать своеобразный координационный центр, в который вошли представители Дальневосточной железной дороги, Приморского морского пароходства и нашего управления. Теперь этот центр ежедневно проводит совместное планирование работы всех трех звеньев транспортной системы. Уже ощутимы положительные результаты.

На наших основных нефтебазах, расположенных во Владивостоке и Находке, откуда топливо идет во все концы Тихоокеанского побережья, в рыбодобывающие экспедиции, мы совершенствуем и модернизируем оборудование. Введена в эксплуатацию новая техника, позволившая полностью исключить потерю нефтепродуктов и сократить время обработки судов.

На снимке: загрузка танкеров, отправляющихся к рыбакам.

Фото В. Кузнецова

•

5

ЭСТОНИЯ

ОЛИМПИЙСКИЙ ВОКЗАЛ

Среди иностранных туристов, посещающих столицу Советской Эстонии, почти каждый второй — житель Финляндии. Поэтому не случайно, что именно финны стали первыми посетителями нового морского пассажирского вокзала в Таллине.

Итак, сдан в эксплуатацию еще один олимпийский объект города. Следующим летом им воспользуются участники и гости парусной регаты XXII Олимпийских игр.

— Новый вокзал,— рассказал начальник управления оргкомитета «Олимпиада-80» в Таллине Олег Сапожнин,— в три раза больше старого. Мощные кондиционеры охлаждают или же согревают воздух до нужной температуры. Интересно организована работа службы информации. Объявления, написанные на четырех языках, появляются на экранах телевизоров, установленных в зале ожидания.

Если у пассажира или встречающего есть свободное время, он может скоротать его в уютном баре за чашкой кофе. Здесь установлены междугородные телефоны-автоматы. Всегда многолюдно у сувенирных киосков. Особой популярностью у гостей пользуются сувениры с изображением забавного тюлененка Вигри — это талисман олимпийской парусной регаты. Каждый час работники нового морского пассажирского вокзала Таллина обслуживают более пятисот человек.

А. ХАРЧЕНКО

Фото Д. Пранца

СОКОЛОВ-СКАЛЯ

Ольга НЕМИРОВСКАЯ

«Я всегда считаю себя и свое искусство мобилизованными партией». Эти слова народного художника РСФСР, действительного члена Академии художеств Павла Петровича Соколова-Скаля стали девизом всей его творческой биографии.

Он прочитал «Железный поток» Серафимовича недалеко от Туапсе, в местах, где проходила легендарная Таманская армия. Впечатление от книги накладывалось на виденное и пережитое им самим в Октябре семнадцатого, в годы гражданской войны. И в сознании вырисовывалась мощная, сплоченная единой волей коммунистов, стремлением к победе лавина людей — измученных, преодолевающих страдания, но несломленных и непокоренных.

Художник вновь приехал на Кавказ, прошел с этюдником весь пятисоткилометровый путь, который совершили таманцы, прорываясь через белогвардейские тылы на соединение с частями Красной Армии. В огромном полотне «Таманский поход», завершенном в 1928 году, он страстно желал передать революционную стихию, захватившую, поднявшую тысячи людей в борьбе за свободу и счастье.

Работая над картиной, он понял, что нащупал свой путь в живописи, обрел свою тему. Романтика, пафос революции станут отныне лейтмотивом его полотен. Спустя несколько лет он создаст триптих, посвященный Щорсу, картины «Штурм Зимнего», «1919 год», «Вторые сутки в бронепоезде», «Пленный курбаши» и многие-многие другие, в которых Павел Петрович Соколов-Скаля одним из первых в советской живописи начал разрабатывать историко-революционный жанр.

Он шел к нему издалека, не всегда прямым путем, не всегда осознанно. В семнадцатом, во время боев за Советскую власть в Москве, он о многом еще не задумывался; пока он только художник — «глаза и память». Но грандиозные события потрясали до глубины души, и восемнадцатилетний студент рвался туда, где шли бои,— на Пречистенку, к Красным воротам, на Мясницкую. С утра уходил в слякоть, колючий ветер, под выстрелы. Целыми днями мотался по городу голодный и промокший, попадал под огонь перестрелок, ползком миновал опасные перекрестки, короткими перебежками пересекал улицы, уходил от патрулей. Наставления и просьбы «не высовывать носа» были не для него — надо было все увидеть, попытаться понять. Романтическая натура молодого художника жадно впитывала происходящее. Он навсегда запомнил ноябрьскую ночь, гололедицу и кумачовое полотнище флага, хлопающее на мокром, холодном ветру. Отчаянно смелых матросов, броневик, бьющийся в лихорадке выстрелов, отряды вооруженных людей, стремительно исчезающие во тьме, блеснув кожанками и металлом оружия. Запомнил строгие решительные лица солдат революции, которые теперь мы видим на его картинах.

А в девятнадцатом году на Урале, в городе Троицке, на следующий день после изгнания белых Павел Соколов, скрывавшийся до прихода Красной Армии под именем военнопленного мадьяра Скаля, уже работал в ревкоме заведующим сектором искусства. Делал плакаты, оформлял город в праздники, писал свои первые революционные полотна: «В. И. Ленин», «Свобода», «Степан Разин».

В 1920 году Троицкий ревком направляет его в Москву для продолжения художественного образования. Скаля поступает во ВХУТЕМАС, в мастерскую Ильи Ивановича Машкова, у которого он занимался до революции в частной студии, был учеником и рабочим одновременно.

Машков входил в те годы в группу «Бубновый валет», объединявшую ярких, самобытных живописцев, выступавших, как они утверждали, против мещанства и декадентства. Это выражалось в поисках новых форм — для того, чтобы эпатировать зрителя. То была дань моде, которой следовали многие таланты, не видевшие выхода из дебрей модернизма. Но сам Машков прошел хорошую академическую школу, знал и любил старых европейских мастеров и ежечасно, ежедневно внушал ученикам, что без изучения, упражнения, без постоянной работы искусство немыслимо, что создание картины — это гигантское преодоление, и прежде всего преодоление трудом. Он учил основательно и серьезно. От него Соколов-Скаля унаследовал любовь к цвету, большой форме, широкой манере.

В дни революции мастер и Павел жили в студии, и долгие беседы до рассвета о смысле искусства, о лучшем, что создало человечество, и о том, что должно быть завтра — об эпохе небывалого расцвета творчества, помогли начинающему художнику сделать выбор.

Учитель мыслил здраво, он первым из бубновалетцев, первым из крупных современных ему мастеров вошел в Ассоциацию художников революционной России, провозгласившую: «Мы изобразим сегодняшний день: быт Красной Армии, быт рабочих, крестьян, деятелей революции и героев труда. Мы дадим действительную картину событий, а не абстрактные измышления».

Не сразу, не вдруг Соколову-Скаля стало ясно, что воплощение новой жизни, которую принесла с собой революция, должно быть крепко слито с реалистической формой, понятной зрителям.

«Дайте новое искусство!» — требовал Маяковский, поэзию которого Соколов-Скаля пылко любил и которому безоглядно верил. Так же думала, так чувствовала художественная молодежь, жаждавшая открытий и великих свершений. Это было потребностью души и казалось велением времени. Считалось, что есть только одно новаторство — новаторство формы; сюжету — «литературщине» был объявлен бойкот.

«Мы «творили»,— вспоминал Павел Петрович,— как одержимые. Мы хотели, творчески вобрав в себя все сделанное мировым искусством от архаики до «супрематизма», создавать нужное, необходимое, переделывающее жизнь. Все это мы делали глубоко серьезно, веря, что знания, приобретенные таким путем, откроют нам путь к созданию высокого искусства пролетариата».

Он все крепче задумывался над словами Луначарского о том, что рабочие, красноармейцы, трудовая интеллигенция, передовое крестьянство ждут от искусства прежде всего ориентации и хотят, «чтобы искусство в своем волшебном зеркале как можно шире и сконцентрированнее отражало бы для сознания страны то, что она сейчас собой представляет».

Уже активно работала Ассоциация художников революционной России — АХРР, в декларации которой говорилось: «Революционный день, революционный момент — героический момент, и мы должны теперь в монументальных формах стиля героического реализма выявить свои художественные переживания».

Героический реализм более всего подходил темпераменту художника. И он прочно встает на путь реалистической живописи.

Выставка АХРР «Жизнь и быт народов СССР», в которой он впервые участвовал, открылась солнечным майским днем 1926 года в одном из павильонов Парка культуры и отдыха. Открывал ее Луначарский. За все то время, что она функционировала, экспозицию посмотрели более ста тысяч человек. Приходили экскурсии с заводов и фабрик, шли красноармейцы целыми подразделениями во главе с командирами. Книга отзывов была заполнена восторженными отзывами.

«Это победа, это ваша победа. Правильное дело сделали»,— признал Маяковский, много споривший с ахрровцами о формах искусства.

Признание народа — это было важнее всего. «Ток замкнулся,— сказал Луначарский,— художник находит явно своего зрителя, зритель явно начинает признавать в художнике своего художника».

...Летом в 1928 году в Париже встретились три советских живописца, командированные Наркомпросом для изучения западноевропейского искусства,— Федор Богородский, Георгий Ряжский, Павел Соколов-Скаля. Они были молоды, в самом расцвете здоровья и силы и подавали большие надежды в живописи. Незадолго до этого их работы были показаны в Москве на выставке «К десятилетию Рабоче-Крестьянской Красной Армии» и пользовались большим успехом. Богородский и Ряжский приехали в Париж из Италии, а Скаля уже несколько месяцев ждал итальянской визы, но, как оказалось, тщетно. Личная канцелярия Муссолини трижды отказывала ему в этом — для фашистов он был персоной non grata: в издании Итальянской компартии, вынужденной существовать в подполье, с иллюстрациями Соколова-Скаля вышла книга Джованни Джармонетто.

В то время в Венеции проходила знаменитая Биеннале — крупнейшая международная художественная выставка, на которой — впервые за рубежом! — были показаны работы художников Советской России, лучшие из созданных за первые десять лет молодого государства. Вместе со «Смертью комиссара» Петрова-Водкина, с «Обороной Петрограда» Дейнеки, со скульптурами Шадра и Мухиной демонстрировались «Делегатка» Ряжского, «Беспризорник» Богородского, «Таманский поход» Соколова-Скаля.

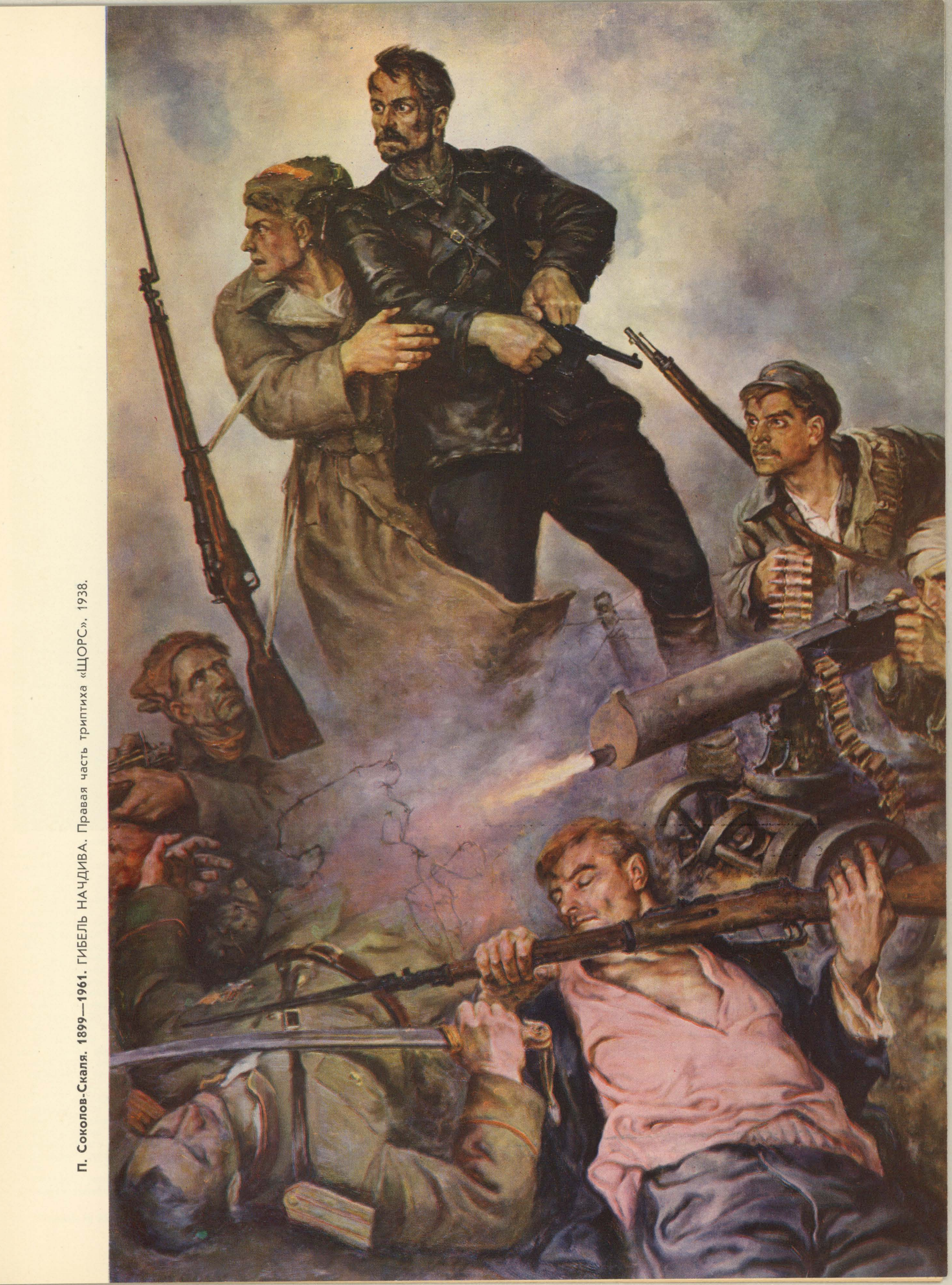
Увидевшись в Париже, друзья с упоением рассказали Скаля об успехе советского искусства в Венеции. Накануне открытия Биеннале зарубежная пресса поговаривала, что советская тематика вряд ли будет пользоваться популярностью. Но получилось наоборот. Именно «большевистские» картины и скульптура больше всего интересовали зрителей, которые спешили к русскому павильону, минуя другие. Теперь уже солидные европейские журналы воспроизводили эти произведения на разворотах, сопровождая статьями, в которых можно было прочитать такие оценки: «Здравый смысл и врожденное моральное здоровье — единственный оплот в судьбах народов — вновь получают преобладание». «Павильон СССР ведет на глазах у публики политическую пропаганду своими большими, полными силы, насыщенными цветом картинами».

Это было первое международное признание молодого советского искусства — и вместе с ним — творчества Соколова-Скаля. В следующем году в Кельне его картину «Красногвардейцы» приобретет один из музеев Латинской Америки. На выставке в Германии повторится то же, что и в Венеции: зрители увидят сто пятьдесят советских работ, многие из которых сразу же будут куплены — их продадут втрое больше, чем произведений немецких художников.

Но тогда в маленьком дешевом кафе на Монмартре вспоминались слова сицилийского критика: «Наша радостная живопись Возрождения была, как и нынешняя яркая русская живопись, выражением душевного состояния целого народа»...

В годы войны Соколов-Скаля активно работал в «Окнах ТАСС», иллюстрировал журнал «Фронтовой юмор», руководил Студией художников-пограничников. Часто бывал на фронтах, сделал множество военных зарисовок, которые помогли ему при работе уже в послевоенные годы над большими полотнами «Штурм Севастополя» (совместно с Андреем Плотновым) и «Освобождение Калуги». В этих картинах, так же как в «Краснодонцах», художник воплотил то, что его особенно волновало, что стало смыслом его живописи: героизм народа, совершившего ратный подвиг во имя коммунистических идеалов.

Его искусство всегда было приподнятым, взволнованным. И если в нем звучали порой трагические ноты, то драматическое напряжение разрешалось торжествующим, жизнеутверждающим апофеозом. Его герои боролись и страдали, отдавали жизнь во имя счастья человечества.

П. Соколов-Скаля. 1899—1961. ГИБЕЛЬ НАЧДИВА. Правая часть триптиха «ЩОРС». 1938.

П. Соколов-Скаля. РАБОЧИЙ ОТРЯД УХОДИТ НА ФРОНТ в 1919 ГОДУ. 1937.

«Оценивая работу руководителей, хозяйственных кадров, необходимо учитывать не только показатели выполнения производственных планов, но и уровень дисциплины, морально-политический климат в коллективе, условия труда и быта».

Из постановления ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы».

Учкун УМАРОВ,
первый секретарь
Ташкентского
горкома партии,
депутат
Верховного Совета СССР

В НОГУ СО ВРЕМЕНЕМ

Действительность открывает перед нами все новые грани возможностей и проблем. Возможностей экономического и социального роста. Проблем его обеспечения.

В эти дни, когда требования постановления ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы» проникают во все сферы жизни нашего общества, часто вспоминаю выступление работницы завода «Миконд», где я директорствовал почти восемь лет. Она сказала тогда: «Производительность труда начинается с детского сада». Мысль рядовой работницы обрела теперь еще одну, чрезвычайно актуальную грань: чисто воспитательную.

...Вспоминаю молодого рабочего на «Миконде» — назовем его Аликом. Пришел он на завод с дипломом «Мастер — золотые руки». Спрашиваю: почему оставил прежнее место работы? Ответил: «Там скучно! А на «Миконде» можно отличиться...» «Ага, значит, говорю, скука — единственная причина?» Оказывается, нет! Раза два снизили ему там оплату за сделанное: непривычно много заработал, дескать, что-то тут не так... Но работа была выполнена честно.

Слушаю парня и соображаю: по-рабочему откровенен, это раз, работает, видно, не только руками, хоть и «золотыми»,— это два. Пиши, говорю, заявление о приеме...

И вот началось. В цехе Алик — золото, а в общежитии — стаканчики граненые. Пьет! Потом и прогуливать начал. Почему? Откуда такое? В беседе по душам однажды выяснилось: после тех инцидентов с зарплатой парень уверовал во вселенскую несправедливость! Ни больше, ни меньше. Но, увидев, что у нас на заводе все иначе, остепенился. Обзавелся семьей, получил квартиру, на работе равных ему нет. И когда на завод поступил сверхсложный заказ, поручили Алику. Справился! Да с таким творческим блеском и так быстро, что в бухгалтерии ахнули, когда вывели сумму заработка: как это можно сразу столько выплатить?!

Пришлось напомнить бездумным стражам государственного рубля элементарную формулу социализма: «От каждого по способности — каждому по труду». И по-директорски внушить, что нарушение этого принципа порой порождает душевную червоточину.

Казалось, инцидент исчерпан. Хороший заработок рабочего человека ныне никого не удивляет. Но это радующее обстоятельство — в нем залог роста благосостояния народа-труженика — открывает новую грань современной жизни. Тоже идеологическую, политико-воспитательную.

Как распоряжается человек честно заработанными деньгами? Это не праздный вопрос и для общества и для самого труженика. Известно, сколь алчно зеленый змий пожирает семейный бюджет, а унаследованный от капитализма червь накопительства выедает душу. И это при настежь открытых дверях для всех в вечернюю школу, техникум или институт, в изобретательство, спорт, искусство, общественно-организаторскую работу.

Долг руководителя — и хозяйственного, и партийного, и комсомольского — помочь людям разумно использовать эти возможности, чтобы рост достатка в доме соответствовал росту духовных богатств его обитателей, чтобы достаток этот не побуждал людей к образу жизни, противоречащему нашим нормам морали, нравственности. И тут в ход идут самые разные формы политико-воспитательной работы. Партийные организации города всеми средствами пропаганды и воспитания ведут борьбу со всем тем, что противоречит требованиям морального кодекса советского человека. Конечно, искоренение этих явлений дело не одного дня. Приходится одолевать немало ухабов, психологических барьеров, терпеливо разъяснять суть советского образа жизни, нормы нашей морали.

Когда речь идет о нравственном совершенствовании людей, нельзя надеяться на самотек, «охватывать массы», забывая каждого человека в отдельности. С учетом именно каждого человека на многих предприятиях Ташкента уже не первый год действуют молодежные политические клубы. На «Миконде», например, его назвали весьма выразительно — «Поиск».

Клуб этот действительно нашел немало талантов, сразу поставив их на верный путь, без издержек, которые пришлось пережить тому же Алику. Дважды лауреатом городских конкурсов был, например, молодой инженер А. Никодомбаев. Он награжден Почетной грамотой горкома комсомола. Ныне ему, молодому человеку, доверено руководить лабораторией в специальном конструкторско-технологическом бюро.

Комплекс активных мер, нацеленных на каждого человека, не замедлил дать и «массовый» результат: на 44 процента возросло число работников завода со средним образованием, на 23 — со среднетехническим и на 11 — с высшим. А вот и экономическая отдача образовательно-воспитательных усилий: за пятилетие, с 1971 по 1976-й, рост производительности труда составил 61 процент, себестоимость продукции снизилась на 28 процентов. Как тут не вспомнить слова Леонида Ильича Брежнева из «Целины», звучащие эпиграфом ко всей преобразовательной деятельности нашей партии в последние десятилетия: «Люди растили хлеб на земле — земля растила людей».

Растить людей — дело сложное. И трудно сказать, что здесь имеет первостепенное значение. Тут нет «мелочей», факторов энностепенных. Известно, что преуспевание в труде возвышает человека.

Но сколько раз приходилось убеждаться, что производительность труда во многом определяется тем, в каком настроении пребывает труженик, с каким пониманием своей личной роли в общих делах включает станок. А настроение часто зависит от того, как после работы люди используют свободное время. И мы, партийные работники, обязаны вникать во все то, что принято называть сферой свободного времени.

Помню, как на «Миконде» в начале семидесятых годов, когда на производство пришло особенно много молодежи, решался вопрос досуга. Строить капитальный спортивный комплекс было не по средствам, и потому вместе с парткомом и профкомом постановили: возведем из полиэтилена, надувной! Дешево и, главное, быстро. И что примечательно: энтузиазм ребят и девушек был настолько велик, что они даже забыли о танцплощадке, а сам процесс строительства был отмечен организацией секций гимнастики, бокса, тяжелой атлетики, волейбола.

Тогда же по инициативе рабочих, по их конкретным предложениям начали вырисовываться контуры перспективного плана экономического и социального развития завода по 1980 год включительно. Этот план ныне успешно реализуется. Уже в 1976 году завод увеличил выпуск продукции в три раза, достигнув уровня, который запланирован на конец десятой пятилетки.

Разумеется, большую роль здесь сыграли техническая модернизация, совершенствование системы управления, внедрение рационализаторских предложений. Но осуществляли это все те же люди! Правда, те, да не те — люди, окрыленные реальной и подконтрольной всему коллективу завода перспективой.

Новаторы, в том числе слесарь-инструментальщик В. Птушаненко, инженеры И. Ежов, И. Крестьянинов, сконструировали штамп, заменивший сразу шесть инструментов и прессов. Выпуск сложной детали увеличился в двадцать раз, отпала необходимость производить ее на других предприятиях.

Или вот участок химической полировки в цеху, выпускающем изделия из цветного стекла и хрусталя. Был он трудоемким и вредным для здоровья из-за ручных операций с кислотами. Теперь там действует автоматическая линия с программным управлением, десятки рабочих освободились от ручного труда. В этом особая заслуга рабочих С. Сабирова, М. Умарходжаева, Х. Хайрутдинова, старшего мастера В. Перепелкина, технолога Л. Дегтяря.

В условиях капиталистической системы такое высвобождение рабочей силы заканчивается драмой безработицы. У нас же — открывает возможность повышения квалификации, образования, уровня духовного развития.

О заводе «Миконд» рассказываю столь подробно не потому, что он мне ближе. Просто я уверен, что его опыт может пригодиться другим. А нужда в этом есть. По итогам шести месяцев нынешнего года три предприятия города не выполнили план по объему реализации продукции. Кроме других причин, сказалось и невысокое качество продукции. А ведь без него даже такое важное дело, как рост производительности труда, оборачивается не только невосполнимой порчей сырья, пустой тратой электроэнергии и времени, но и моральными издержками, проще говоря, плохим настроением потребителя — производственного смежника или обычного покупателя, пассажира, клиента, в роли которых ежедневно бывает каждый из нас. В том числе и сам бракодел!

Это очень важно, когда человека, делающего плохую машину, поставляющего ткань, которую никто не хочет покупать, одолевают угрызения совести. Куда хуже отсутствие этой «совестливости», равнодушие — оно означает, что человек уже не чувствует себя хозяином социалистической собственности. Это уж прямой брак в идеологической, политико-воспитательной работе. Но мы знаем: такой брак можно исправить! Задача же в том, чтобы не допустить его вовсе и вовремя активизировать творческие возможности каждого человека. Как справедливо указывается в постановлении ЦК КПСС, идейно-воспитательная работа должна стать более живой, конкретной, интересной и убедительной.

Ныне коммунисты Ташкента по решению XII городской партконференции начали осуществлять план по превращению столицы республики в город коммунистического труда, высокой культуры и образцового общественного порядка. Равняемся на опыт коммунистов Москвы.

В фундаменте этого плана — могучий промышленный, научный и культурный потенциал нынешнего Ташкента. Благодарная память о великом интернациональном подвиге москвичей, ленинградцев, посланцев всех братских республик, которые вместе с ташкентцами подняли огромнейший город из руин после землетрясе-

ния 1966 года всего за тысячу дней, вдохновляет нас на новые свершения.

В девятой пятилетке и за три года пятилетки десятой в реконструкцию ташкентских заводов и фабрик вложен миллиард рублей. Количество поточных автоматических линий наращивается на целую четверть, в процессе внедрения — 25 тысяч единиц высокопроизводительного оборудования. Это высвободит двенадцать процентов рабочих в основном производстве и шестнадцать во вспомогательном.

Значительно возросли объемы капитального и жилищного строительства. Стало правилом сдавать пятьдесят тысяч квартир в год. С начала десятой пятилетки улучшены жилищные условия четверти миллиона ташкентцев. Введено в действие более сотни новых магазинов, около двухсот столовых и кафе, тридцать предприятий бытового обслуживания.

Немало сделано и делается сейчас для решения такой все еще острой проблемы, как пассажирский транспорт. Наша ставка — на скоростные маршруты, салоны большой вместимости, совмещенные станции для двух и более видов транспорта. С опережением графика сооружается вторая очередь метрополитена.

Все это, вместе взятое, в сущности,— программирование коммунистического завтра нашего города. Материальная обеспеченность тружеников, бытовые удобства, экономия времени и сил при разумном и разнообразном досуге — отличный плацдарм для продвижения к новым рубежам благосостояния народа. И мы, работники идеологического фронта, обязаны ускорить это продвижение.

После XII партконференции в трудовых коллективах Ташкента родилось немало интересных начинаний, одобренных горкомом партии. Шестнадцать коллективов предприятий, учебных заведений, учреждений науки и культуры начали соревнование за звание «Образцовый». Собрание городского партийного актива утвердило «Нравственные принципы жителя города Ташкента», «Положение о Советах по работе среди населения». В составе этих Советов — ветераны труда и войны, профессиональные лекторы, известные ученые, деятели культуры и науки. Определены 224 микрорайона, где идеологическая работа ведется по месту жительства.

Специальную подготовку проходят пропагандисты. В частности, в Ташкентском университете имени В. И. Ленина такую подготовку курирует первый проректор Элеонора Николаевна Куценко. Большим успехом пользуется там постоянно действующий лекторий для преподавателей. Прошло уже 56 занятий по вопросам внутренней и внешней политики нашего государства, здесь выступили видные ученые, руководящие партийные и советские работники республики. Содержательны программы студенческого клуба политического просвещения «Кругозор», народного университета «Дружба народов и пролетарский интернационализм». Вошли в традицию университетские фестивали, в которых принимают участие также иностранные студенты, обучающиеся в вузах Ташкента.

Конечно, немало еще и неиспользованных резервов. Каких? Жизнь подсказывает их ежедневно. Недавно я, как депутат Верховного Совета СССР, получил письмо от избирателей махалли Чархкомолон Чиланзарского района. Жалоба. Уверен, что лет десять назад такая жалоба не поступила бы.

Окраинный обособленный район, махалля, с его шестьюстами семействами издавна жил почти деревенской жизнью. Вместо глинобитных мазанок там стоят теперь кирпичные коттеджи, кривые, пыльные улочки спрямлены и расширены, вдоль улиц под деревьями журчит вода в арыках. Но по соседству вымахали в синеву неба многоэтажные кварталы Чиланзара — ташкентских Черемушек — со всеми современными службами быта и культуры! И вот законные жалобы: одна сторона махалли обеспечена канализацией, другая — нет, продовольственный магазин имеется, но без холодильника, «за покупками ходим на большую улицу, люди зря теряют время, а старики и силы»; водопроводные трубы проложили, а подключение их к магистрали задерживается: «Едешь по улице на «Жигуленке» — пыль столбом, пора бы заасфальтировать». И приписка, обязывающая побывать на месте поскорее: «Настоящее письмо обсуждено аксакалами махалли».

Большая это сила — аксакалы. Не сравнить их ни с руководством жэка, ни с домовым комитетом. Станет она «своей» — значит, накрепко утвердятся в махалле полезные традиции, а вредные — исчезнут. Даже такие бичи большого города, как пьянство и хулиганство, в махалле редкость. Больше того: не поздоровался подросток на улице при встрече со взрослым, не уступил место в автобусе старшему — придется краснеть родителю за пиалой чая в махаллинской чайхане.

Звоню первому секретарю Чиланзарского райкома партии Талибу Садыкову, не скрывая удивления, зная его как энтузиаста благоустройства. Тридцатигектарный парк с озером на бывших пустырях, сооруженный народным способом, «хашаром»,— его инициатива. Тогда-то он и наладил душевный контакт с аксакалами.

Разговор с ним шел начистоту. Оказалось, просто районной власти не хватило, чтобы преодолеть межведомственные барьеры, Садыков-то сам надоумил аксакалов обратиться в горком. Уже сам факт жалобы, намеренно не оставшейся секретом для благоустроителей, помог кое-что пробить.

— Дорога заасфальтирована до самой чайханы,— сообщил Талиб Садыкович.— Так что поедем к аксакалам, можно сказать, с подарком... По остальным пунктам договоримся на месте.

И вот что приятно: там, на месте, нас тоже ждал подарок! Довольные тем, что дело сдвинулось с мертвой точки, аксакалы рассказали о своем начинании, которое поддержала вся махалля.

Известно, как разорительна для будущей молодой семьи традиционная узбекская свадьба. Даже без калыма, с которым в махалле Чархкомолон давно покончено. Но сама свадьба... Считается зазорным экономить на угощении: чем больше гостей, тем выше честь махаллинца. Вот человек и отказывает себе годами в самом необходимом, чтобы покрасоваться на свадьбе. Потом долго, тоже годами, роскошная свадьба бьет по карману; даже на работу — впроголодь.

Подумали-подумали аксакалы, собрали народ и заявили: «Зачем громоздить на один дастархан три тонны лепешек? Зачем коньяка да водки целый грузовик? Зачем плов на всю махаллю? Что мы — голодные? Все в добром достатке! В общем, уважаемые соседи, отныне будет, как это на торжественных заседаниях называется?.. Рег-ла-мент! И на число гостей и на угощение».

«Вот это подарок!» — радовались мы с Талибом Садыковым. Не знаю, как насчет «регламента», но для начала в принципе мудрое решение. Ему только крылья дай — разлетится по всей республике. А то и дальше. Это уж наша забота...

Короткий разговор по душам, а поди ж ты... На подобные встречи едешь обычно что-нибудь «давать», а выходит — «получаешь». Причем столько, что, как видите, захотелось поделиться и с читателями «Огонька». Верно утверждает народная мудрость: «Лишь то твое, что отданo людям».

ВОЙНА

Иван СТАДНЮК

ГЛАВЫ ИЗ РОМАНА

Рисунки А. ЛУРЬЕ

олнце всходило за облаками, и утро было тусклым. Вот-вот немцы напомнят о себе артиллерийско-минометным обстрелом, и на командно-наблюдательном пункте генерала Чумакова все притихло, притаилось. Командиры оперативной группы тихо переговаривались, сидя на ящиках из-под снарядов в окопе с наспех сделанным из бревен противоосколочным козырьком. Приготовились к тяжкому, полному неизвестностей дню связисты, наблюдатели, посыльные.

Генерал Чумаков не торопился в окоп. Прилег на расстеленной под кустом орешника плащ-палатке и изучал документы, взятые из саквояжа полковника Шернера. Рядом, присев на одно колено, держал в руке облегченный саквояж младший политрук Лева Рейнгольд, надеясь, что потребуется его помощь в прочтении немецких документов.

Развернув топографическую карту и взглянув на нее, Федор Ксенофонтович окликнул полковника Карпухина, который рядом в блиндаже напоминал по телефону артиллеристам, что на дороге, ведущей из Сырокоренье в сторону Красного, могут появиться механизированные подразделения 20-й армии, получившие задачу выбить противника из Красного.

— Полюбуйтесь, Степан Степанович! — сказал Чумаков вышедшему из блиндажа Карпухину, указывая на разрисованное красными и синими карандашами полотнище.— Полная и самая свежая обстановка в полосе действий сорок седьмого механизированного корпуса немцев! — Чумаков скользил пальцами вдоль красных стрел, словно прощупывая их (красным цветом немцы обозначали на карте свои войска), остановился на черте, вдоль которой было по-немецки написано: «Задача дня на 16 июля 1941 года». Черта проходила в десяти километрах восточнее Смоленска, включая магистраль Минск — Москва, а стрелы целились в Смоленск со стороны Красного и Досугова, рассекая левый фланг полосы обороны, которую занимали сейчас части войсковой группы генерала Чумакова, а также со стороны западнее Монастырщины.

— Надеются фашисты завтра быть в Смоленске,— будто сам себе сказал Чумаков и, дав Карпухину возможность подробнее ознакомиться с оперативной картой немцев, сам раскрыл папку с бумагами.

— Разрешите, я переведу,— предложил генералу свою помощь младший политрук Рейнгольд.

— Спасибо, я сам справлюсь,— ответил Федор Ксенофонтович и приказал Рейнгольду: — А вы отнесите пленному саквояж. Чтоб все было в целости.

— Коньяк тоже отдать?! — ужаснулся Лева.— Ведь французский!

— Откуда знаете, что там коньяк? — спросил полковник Карпухин с некоторой иронией, но прозвучала она грубовато.

— Ну... мы с майором Рукатовым поинтересовались, что везем... Вдруг мина с часовым заводом.

— А где же Рукатов? — заинтересовался Чумаков.

— Там, в овраге,— смущенный Лева неопределенно махнул рукой.— Медпункт ищет.

— Не прошла у него контузия?

— Контузия?.. А разве... Ах, нет, не прошла! — В глазах Левы вспыхнули веселые огоньки.— Товарищ генерал, пленный требует встречи с вами.

— Пусть ждет. Сначала изучим бумаги...

Откозыряв начальству, Рейнгольд ушел, унося саквояж, а Федор Ксенофонтович, вчитываясь в какой-то документ, озадаченно сказал полковнику Карпухину:

— Очень важно. Приказ командиру дивизии, которая нацелена на Смоленск... Генералу фон Больтенштерну...— и процитировал, переводя на русский: — «Примите все необходимые меры для захвата мостов через Днепр в Смоленске, не допустив их взрыва. Смоленск без мостов при наличии магистрали, проходящей севернее города, в значительной мере теряет свое стратегическое значение...»

— Да, но Смоленск еще надо взять! — язвительно воскликнул Карпухин.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 29—31.

она, где оборонялись части генерала Чумакова, решительными контратаками тоже сбили наступательный темп механизированных войск противника, а в районе Литивля заставили их попятиться. Сегодняшние попытки контратаковать в направлениях Рудковщина, Горки, Ленино и Красное вновь смешали карты немецкого командования. В первой половине дня вражеским войскам вместо запланированного наступления пришлось отбивать контратаки частей 20-й армии, вести разведку их флангов и наносить бомбовые удары по нашим тылам.

Все это, вместе взятое, дало небольшую передышку войсковой оперативной группе генерала Чумакова и позволило ей поосновательнее закрепиться на оборонительном рубеже вдоль восточного берега Лосьвинки. Федор Ксенофонтович, воспользовавшись затишьем, поспешил в овраг, чтобы увидеть пленного полковника Курта Шернера.

И вот они сидят друг против друга в штабном автобусе. Между ними столик, а на столике, ближе к Шернеру, его серая фуражка с высокой тульей, черным лакированным козырьком и фашистским знаком на кокарде; этот знак покрывал собой изображение земного шара, в который вонзил когти орел с распростертыми крыльями. Полковник Шернер — еще наутюженный, парадный, источающий чуть уловимый аромат французских духов. На его красивом, с правильными чертами лице будто появилось успокоение, но в серых колющих глазах — пытливость и настороженность. Чумаков своим внешним видом проигрывал перед Шернером. Спать ему приходилось в обмундировании, и оно от этого, несмотря на неизношенность, выглядело блекло; глаза Федора Ксенофонтовича светились душевной болью, коричневое от загара лицо было мрачным и усталым.

В автобусе будто никогда и не было оконных стекол, а в стенах всегда светились рваные дыры — следы от осколков; из посеченных сидений белыми клочьями топорщилась вата. Шернер, окинув все это коротким взглядом, остановил колючие зрачки на Чумакове. А Федор Ксенофонтович все переживал про себя чуть не допущенную сейчас оплошность: когда он спустился в овраг и подошел к сидевшему на пне Курту Шернеру, с любопытством вглядываясь в лицо пленного, узнавая и не узнавая своего старого знакомого, тот вскочил и кинулся к нему с такой прытью, что охранявшие его два красноармейца опешили.

— Здравствуй, мой дорогой Фиодор! — по-немецки залопотал Шернер, протягивая Чумакову обе руки.

Федор Ксенофонтович от неожиданности чуть было тоже не протянул навстречу руку, даже качнулся вперед, но все-таки успел сдержать себя и суровым, почти злым взглядом остановил фашиста.

— Ведите себя, как полагается пленному врагу! — резко, с трудом переходя на немецкий, сказал Федор Ксенофонтович.— Я для вас генерал Красной Армии, и только! — Затем повернулся к красноармейцам, изумленно наблюдавшим эту сцену, и поодаль от них увидел майора Рукатова в каком-то растерзанном виде, почему-то с опухшим лицом, слезящимися глазами. Задержал на нем вопросительный взгляд, чувствуя, что в нем зреет какая-то тревожащая его мысль, но сосредоточиться на ней не смог и приказал караульным: — Проводите пленного в автобус! — и первым зашагал к машине, стоявшей под молодыми соснами в кустах орешника.

В автобусе гулял легкий сквознячок, разнося ароматный дым сигареты, которую закурил с разрешения генерала Чумакова полковник Курт Шернер. Он же первый и начал разговор:

— В плен я попал по оплошности сопровождавшей меня охраны. Но это перст судьбы: она милостиво предоставила мне возможность отблагодарить вас, господин генерал, за вашу кровь, которая течет во мне.

— Я отдавал кровь не врагу, а офицеру дружественной моей стране Чехословакии! — оборвал Шернера Чумаков.

— Полагаю, вы не будете раскаиваться, что приняли меня на маневрах Красной Армии не за того, кем я был.— Шернер с вкрадчивостью посмотрел в хмурые глаза Федора Ксенофонтовича.— Верно, уже тогда мой ум, мое сердце принадлежали великой Германии...

Федор Ксенофонтович ничего не ответил, однако будто сам себе сказал:

— Интересная мысль...— Заметив удивленный взгляд Карпухина, пояснил: — Говорю, что любопытно оценивают немцы Смоленск без днепровских мостов... Что-то есть в этой оценке, над чем надо подумать.

Карпухин, нахмурившись, вновь придвинул к себе карту; некоторое время молча рассматривал на ней Смоленск и его окрестности, затем уверенно произнес:

— Даже при взорванных мостах это крепость! Из Смоленска можно держать под обстрелом магистраль Минск — Москва на огромном участке!

— При условии, что Смоленск будет в наших руках,— с горькой усмешкой уточнил Чумаков.

— Надо надеяться, там принимают меры, чтоб не пустить немцев,— удрученно заключил Карпухин.

— Во всяком случае, этот приказ вместе с пленным следует немедленно отправить под надежной охраной в штаб фронта.

— Без допроса пленного? — удивился Карпухин.— Мы сами себя обкрадываем! Да и в дороге с пленным может всякое случиться.

— Вот вы с Рейнгольдом и допросите! Только вначале я с ним поговорю...

* * *

Вчера немцы понесли большие потери в танках не только от кинжального удара из засады артиллерийского дивизиона майора Быханова. Выполняя приказ генерала Курочкина, танковые дивизии полковников Грачева, Корчагина и Мишулина, действуя северо-западнее рай-

И, между прочим, именно после моего пребывания на киевских учениях была сформирована первая часть особого назначения германских военно-воздушных сил под командованием моего старого друга генерала Курта Штудента. Затем мы пошли дальше вас! Кроме парашютно-стрелковых полков, у нас родились парашютные батальоны — истребительно-противотанковый, артиллерийский, саперный, связи... И все это, повторяю, родилось после того, что я увидел в России в тридцать пятом году! — Шернер выглядел очень довольным собой, будто и не находился в плену.

— Я догадываюсь, что идея механизированных корпусов и способ их применения тоже украдены фашистами у Красной Армии,— недобро произнес Чумаков.

— Не надо грубых слов! — Шернер поморщился.— При чем здесь воровство? Если велосипед изобретен, умному глазу достаточно увидеть его со стороны... Такие вещи, как механизированные корпуса или десантные операции, подобно той, которую мы с вами наблюдали шесть лет назад восточнее Киева, под колпак не спрячешь...

— Если б я тогда знал ваше истинное лицо...— Чумаков даже скрипнул от досады зубами, вспоминая проведенные вместе с Куртом Шернером дни в Киевском гарнизонном госпитале.

— Тогда бы вы сейчас не имели такой счастливой возможности, какая вам представляется! — воскликнул Шернер, глядя на Чумакова как на неразумного ребенка.

— Какой возможности? — удивился Федор Ксенофонтович.

— Прекратить бессмысленное сопротивление и сдаться на милость победителей.— Лицо Шернера вдруг сделалось строгим и будто вытянулось.— Вам лично гарантирую полную безопасность и самое прекрасное отношение немецкого командования.

— Кто это вас уверил, что вы победители?! — Слова Чумакова прозвучали с подчеркнутой резкостью, может, потому, что его дразнил запах сигаретного дыма; ему очень хотелось курить, а папиросы он забыл в блиндаже.

— Не будьте слепцом! — Шернер стишил голос, как заговорщик.— Оглянитесь вокруг!.. Красная Армия в агонии — она разгромлена по частям! Вы же профессионал высшего класса и понимаете, что произошло: в приграничных районах мы разгромили не приведенные в боевую готовность первые эшелоны ваших армий прикрытия. Затем нанесли встречные сокрушающие удары по вторым эшелонам этих армий... Не так ли?.. А сейчас в глубине вашей территории мы заканчиваем уничтожение войск второго эшелона ваших приграничных округов. Кто это может оспорить?!

Чумаков удрученно молчал не потому, что пленный говорил страшную правду; его поразило четкое мышление Шернера и ясный в своей простоте и в понимании врагом рисунок всего происшедшего — грандиозно-трагического, непоправимого, но, конечно же, не окончательного.

— Подобной катастрофы еще не знала история войн! — возвысив голос, патетически продолжал Шернер.— По нашим сведениям, за первые десять дней войны русские потеряли свыше трех тысяч самолетов!.. Такие потери можно восполнить только за десять — пятнадцать лет!.. А танки? Ведь у вас к началу войны было по количеству превосходство в танках! Правда, если учитывать машины старых образцов, у вас не было превосходства в ударной танковой силе. Но главное: мы сумели так сгруппировать свои войска, что на том же Брестском направлении у нас танков оказалось вдвое больше, чем у вас! Значит, и превосходство в оперативном маневре на нашей стороне?.. Так что, господин генерал, ваша карта бита!

— Война не карточная игра!

— Нет, игра. Только более сложная. Игра умов! Борьба доктрин! С кем вы хотите соперничать в этой войне? С немецкими генералами, которые уже с пеленок постигали военную науку?! А вы, простите меня, как и все ваши маршалы, до зрелого возраста в пастухах или трактирных мальчиках ходили, а то, чему научились потом,— верхушки науки, знания для первой необходимости... Не сердитесь, я говорю откровенно, веря в ваше благоразумие... Ведь мы хорошо изучали Красную Армию, прежде чем решиться на войну. Что касается вас, как личности, то вы исключение, я помню наши споры в госпитале.— Шернер в запале не замечал, что впадает в противоречие.— А вокруг вас дикари, порождение чуждой нам жизни... Сегодня из окна машины, на которой меня привезли сюда, я наблюдал, как ваш офицер, наевшись сухого лимонадного концентрата из моего саквояжа, напился воды и чуть не взорвался! Ужас!.. Зрелище такое, что с ума можно сойти! Вы отстали от Европы на столетие! Вам не на кого опираться, и сейчас нет другого выхода, чем покориться судьбе и довериться мне.

— Я бы и вовсе не стал с вами встречаться,— перебил Шернера Федор Ксенофонтович.— Но у меня выдалась минута времени, да и побудило к встрече элементарное человеческое любопытство: хотелось узнать, почему это бывший полковник чехословацкой армии оказался в фашистском мундире... И коль мы с вами заговорили, у меня есть потребность ответить на ваши вопросы и аргументы, возможно, ответить даже не столько вам, сколько самому себе. Многое, что вы сказали, полковник Шернер, правда. Да, а почему до сих пор вы полковник? Помнится мне, вы жаловались, что в чехословацкой армии вас обходили чинами.

— Быть полковником германского вермахта выше, чем фельдмаршалом в чешской!

— Ну, это еще бабка надвое ворожила.— Чумаков едко засмеялся.— Вам это кажется в угаре первых побед. Но война, полковник, только начинается. Наши главные силы не здесь, а там, в глубине. Он кивнул головой на восток.— Москва только поднимает их, и победы вам не видать.

— Москва не сегодня-завтра будет у наших ног!

— Не знаю, дойдут ли немцы до Москвы, но в Берлин мы придем! — Чумаков опять засмеялся, уже с горечью.— Чтоб научить вас, наконец, уму-разуму.

— Господин генерал... Фиодор Сенофонтовиш!.. Вы что, действительно не понимаете своей обреченности? — Шернер смотрел на Чумакова почти с испугом, и лицо его покрылось испариной.— Вы же истинно военный человек! Сегодня мы возьмем Смоленск! Вы в мешке!.. И никуда вам отсюда не уйти!..— Пленный как-то умоляюще протянул к Чумакову руки.

— Ну что ж, тогда в Берлин придут другие русские, а мы достойно умрем на поле брани.— В словах Чумакова звучали спокойствие и сила.

— Зачем умирать?! — Шернер начал терять равновесие.— Вы будете первым большевистским генералом, проявившим благоразумие! Вам поставят памятник за сохранение жизней ваших и наших солдат!

— Памятников за предательство не ставят! — Чумаков поднялся, чтобы покинуть автобус.

В глазах Шернера метнулся ужас. Он тоже вскочил на ноги и, прижав ладони рук к груди, панически спросил:

— Тогда как вы поступите со мной?!

— Сейчас вас допросят как военнопленного.

— Вам ничего не дадут мои сведения! Через час здесь будут наши войска!

— Если до прорыва немецких войск мы не успеем отправить вас в тыл, я вынужден буду отдать приказ о расстреле... Законы войны неумолимы.— Чумаков шагнул к открытым дверям, сквозь которые были видны стоявшие недалеко Карпухин, Рейнгольд и Рукатов.— Можете приступать к допросу! — крикнул им Федор Ксенофонтович и шагнул на ступеньку.

— Это же безрассудство! — истерично закричал вслед ему Шернер.— Вы все равно погибнете! Все погибнете!..

Уже отойдя от автобуса, Чумаков повернулся к пленному:

— Вот вы, Шернер, хвалились, что постигали науки с пеленок... А помните слова Фемистокла, обращенные к афинянам? — Видя растерянность в глазах Шернера, Федор Ксенофонтович вновь подошел к автобусу, уже вместе с Карпухиным, Рейнгольдом и Рукатовым, и с удивлением спросил:—Вы не знаете, кто такой Фемистокл? Это было в четыреста восьмидесятом году до нашей эры, когда у острова Саламин... Слышали о таком? В Эгейском море... Восемьсот персидских кораблей царя Ксеркса напали на греческий флот в триста пятьдесят триер под командованием Эврибиада, который действовал по плану афинского стратега Фемистокла. И греки победили, казалось, в абсолютно безвыходном положении... Ну, не помните?

Шернер, стоя в глубине автобуса, молчал, взволнованно раздувая побелевшие ноздри.

— Вот тогда, после этой удивительной победы греков над могущественным врагом, Фемистокл сказал своим афинянам: «Мы погибли бы, если б не погибали!..» Вдумайтесь в эти слова, полковник Шернер!

Не успели полковник Карпухин и младший политрук Рейнгольд в присутствии майора Рукатова приступить к допросу пленного немецкого полковника, а генерал Чумаков не отошел от автобуса и двух десятков шагов, как по оврагу из конца в конец тревожно пронесся сигнал «Воздух» — звон подвешенной снарядной гильзы, по которой ударяли чем-то железным. И тут же послышался близкий и густой рев моторов. Отражаемый крутостями изломанного оврага, он будто наплывал со всех сторон.

— Сюда, товарищ генерал! — позвал Федора Ксенофонтовича боец в замусоленном синем комбинезоне, указывая на вырытый у замаскированного грузовика ровик.

Генерал Чумаков подбежал к ровику, столкнул в него бойца и сам спрыгнул на дно. Затем приподнялся и увидел невысоко в небе приближающуюся уже на развороте шестерку «юнкерсов». Сомнений не было: немцы заметили в овраге машины, и вот уже первый бомбардировщик круто нырнул вниз, оглашая все вокруг устрашающе-стенящим, нарастающим воем. За ним пошел в пике второй, третий бомбовоз... Чумаков кинул тревожный взгляд в сторону автобуса и увидел, как из его дверей с панической поспешностью сигали Рукатов и Рейнгольд... И тут же земля тяжело колыхнулась, и ужасающей силы взрыв, кажется, помутил сознание Федора Ксенофонтовича.

— Пятисоткой угостил,— услышал будто из-за стенки хриплый голос бойца, с которым сидел рядом на дне ровика.

Земля под ними опять колыхнулась, потом мелко затряслась, словно телега на булыжной мостовой, а взрывы бомб слились в тяжелый, давящий до помутнения в голове грохот. Он ворвался в ровик горячим ураганным ветром, стремясь, кажется, вышвырнуть оттуда людей, как соломинки.

Пробомбив с первого захода овраг, «юнкерсы» сделали разворот в сторону дороги Красное — Гусино и исчезли из поля зрения. Но тут же они вновь напомнили о себе донесшимся гулом бомбежки.

Когда Чумаков выбрался из ровика, то увидел сквозь оседающую пыль, что вокруг действительно прошелся чудовищной силы ураган: дымящиеся воронки, сваленные деревья, засыпанные мелкой земляной крошкой и пылью листья кустов и деревьев... Услышал крики раненых людей, ржанье искалеченных лошадей, треск огня над полыхающей разбитой автоцистерной... И едкий смрад сгоревшей взрывчатки и краски.

Там, где только сейчас стоял автобус, из которого он вышел за десяток секунд до воздушного налета, особенно густо клубилась пыль, смешанная с гарью. Рядом, у полусваленной березы, стоял на четвереньках Рукатов: его тошнило. Из ровика с трудом выбирался, будто переломленный пополам, младший политрук Рейнгольд. У него из носа и ушей текла кровь.

Вдоль оврага вдруг подул ветерок, оттеснив дымную пелену, и генерал Чумаков увидел широкую, двухметровой глубины воронку. В ее покатые стенки чудовищной силой взрыва были втиснуты куски жести, обломки железа, ошметки дерматина. Можно было только догадаться, что это остатки их штабного автобуса. Ни от полковника Карпухина, ни от пленного Курта Шернера ни следа. Только чуть в стороне, на ветвях молодых сосен, устоявших при взрыве, висели какие-то обрывки да покачивалась на сучке продырявленная немецкая фуражка с высокой тульей и фашистским знаком на кокарде.

Окончание следует.

ОБРЕТЕННОЕ ДЕТСТВО

А. СМИРНОВА-КОЗЛОВА

Беспризорщина, миллионы обездоленных сирот... Такое проклятое наследие осталось молодому Советскому государству после двух опустошительных войн. По самым скромным подсчетам, в РСФСР первых послереволюционных лет было до пяти миллионов беспризорников!..

Советская власть повела решительную борьбу с беспризорностью. Срочно создавались детские приемники, детские дома и колонии в бывших барских усадьбах, объявлялись «недели ребенка». Но маленькие человечки, лишенные детства, до сих пор ни от кого не видевшие ласки и привета, уже научились никому и ничему не верить. И тогда комсомольцы сами пошли к беспризорникам, чтобы завоевать их доверие и дружбу...

Об этом рассказывает в своих воспоминаниях А. И. Смирнова-Козлова.

Студенты Литературно-художественного института имени В. Я. Брюсова, где я тогда училась и была заместителем секретаря комсомольской ячейки, тоже организовали группу добровольцев для работы с беспризорниками. Мы замахнулись было на обширный район действий, но парторг института Иван Андреевич Козлов — уже тогда известный писатель-революционер — посоветовал нам:

— Не горячитесь, не распыляйте сил. Для начала возьмите два вокзала и три-четыре мусорных ящика на Садовом кольце, поближе к институту. Наладите здесь работу, тогда возьметесь за большее. На первых порах советую ходить к беспризорникам по двое-трое, пока они к вам не привыкнут. Ведите себя ненавязчиво, нотаций и нравоучений не читайте — слушать не станут. И фамильярности не допускайте — авторитет не завоюете. А вообще-то дело это новое, и готовые рецепты тут давать трудно: на месте виднее.

В лохмотьях, едва прикрывавших тело, беспризорники мерзли, на ночь залезали в мусорные ящики на бульварах и во дворах. Спали вповалку, тесно прижавшись друг к дружке. В ящиках не дуло: это были большие лари с крышками, и от гниющего мусора шло тепло. Забирались ребята и в подвалы домов, вокзалов, где проходили отопительные трубы. Оттуда их выгоняли, но оборвыши, продрогнув на улице, снова устремлялись к теплым трубам, как только отвернутся сторожа.

Мы с Симой Богатыревой, членом бюро комсомольской ячейки, взялись вести работу с беспризорниками на Курском вокзале. Во-первых, наше общежитие было рядышком — Земляной вал, 5. Во-вторых, имелось еще одно обстоятельство. Нашей стипендии даже при жесточайшей экономии едва хватало на две недели. Торговая фирма «Моссельпром» решила помочь учащимся, и многие студенты Москвы стали с лотков продавать папиросы. От выручки мы получали определенный процент и этим пополняли свой бюджет. Был лоток и у меня. Самая бойкая торговля шла около вокзалов.

Я всегда стояла у Курского вокзала, и около меня обычно вертелась ватага беспризорников. Примерно пятнадцать мальчишек от девяти до тринадцати лет. Самому старшему — их вожаку Косте — было лет пятнадцать. Ходил он с костылем: во время путешествия в теплые края ему отрезало ногу. Это был отчаянный и жестокий подросток. Ватагу держал в беспрекословном подчинении, часто пускал в ход костыль, и все его боялись.

Стоишь, бывало, с лотком, а беспризорники вертятся около, читают по складам надписи на папиросных коробках. Покупатели косятся, «доброжелатели» предупреждают: «Смотрите за ними, стибрят».

Но мальчишки у меня не крали, хотя некоторые были уже заядлыми курильщиками. Только иной раз попросят: «Дай папиросочку!» Делать нечего, ради дружбы угостишь их. Одну папиросу тянули по очереди. Предложишь им: «Хотите еще?» — отказываются: «Не-е, а то проторгуешься».

Когда я со всеми перезнакомилась, сказала как-то:

— Хоть бы в гости когда позвали.

— Хо-о! Куда ж мы тебя позовем, у нас гостиной нет.

— Ну где-нибудь-то ночуете?

— В подвале, когда не выгонят. Ведь не пойдешь туда?

— Почему же? Если позовете — пойду.

Условились, когда встретиться. Пошла к ним без лотка, но прихватила с собой книжку. Ребята меня ждали, спорили, приду или не приду. Спустилась в подвал. Вижу: сидят мои новые друзья, прилепившись к теплым трубам. Разговор сначала не ладился. Заметив книжку, попросили посмотреть. Полистали, полюбовались картинками, стали задавать вопросы. Скованность постепенно прошла. Попросили меня почитать. Первое, что я им прочитала, был чеховский рассказ «Ванька Жуков». Судьба несчастного Ваньки произвела сильнейшее впечатление на моих слушателей. Несколько минут они сидели молча, а потом посыпались вопросы, не успевала и отвечать. Молчавший до сих пор Костя вдруг взорвался:

— Так-перетак, а мы-то лучше живем?!

Не возмущаясь его матерщиной, словно и не слышала, я спокойно объяснила ему, что они сейчас, если захотят, могут изменить свою жизнь, а вот у Ваньки Жукова выхода не было. И снова Костя замкнулся. Беседую с ребятами, а уголком глаз слежу за ним. Вдруг вижу: Костя поднялся тихонечко и встал сзади меня. Ну, думаю, огреет он сейчас меня костылем по голове. Нет, за спиной тихо. Вдруг чувствую, по голове и за воротником у меня что-то ползает. Виду не показываю, терплю. Оказывается, Костя пустил мне за шиворот вошь. Увлеченные беседой ребята ничего не заметили. При расставании они спрашивали меня:

— Шура, придешь еще?

— Приду, теперь с подругой приду.

Рассказала я Симе о своем приключении, а через день пошли с ней к беспризорникам вместе. Сидим в подвале, читаем, ребята внимательно слушают. Костя попрежнему злой. Исподтишка наблюдаю за ним. Вдруг он встает и направляется к нам. Я, передавая Симе книжку, говорю:

— Почитай теперь ты, а то у меня нога занемела,— и становлюсь около Кости. Бросив на меня свирепый взгляд, он опустился на место.

И на этот раз мои новые друзья снова просили навестить их. А мы уже и с дворниками договорились, чтобы не гоняли ребят от тепла. Несколько раз побывали у них, потом сказали:

— Теперь долго не придем. Нам надо сдавать зачеты. Мы лучше принесем вам хорошие книжки, а вы сами почитаете.

Но ребята грустно потупились. Оказывается, все они знали только буквы, лишь кое-кто с большим трудом читал по слогам. Что делать?.. Сказать им прямо, мол, идите в детский дом, там научат — пожалуй, не послушаются и доверять нам перестанут.

И вот снова стою я у Курского вокзала с лотком «Моссельпрома», и снова около меня мои приятели.

— Хоть немножечко, хоть две странички почитайте.

— Ну, хорошо. Придем к вам с Симой, но ведь не все хотят этого...

— Все!.. Все!..

Костя молчит — значит, не хочет.

Мальчишки к нему, мол, приглашай! Костя — ни в какую. Потом злобно выругался и заковылял в сторону...

И опять я у моих маленьких слушателей. Кости с ними уже нет: ушел... Я предложила учиться читать и писать. Охотно согласились. Купили мы с Симой буквари, тетради, карандаши. Начались ежедневные занятия. Но что это было за учение!.. Вроде бы они схватывали все очень быстро, а как дело доходило до тетрадей — плохо! Ни столов, ни даже простых досок, чтобы расположиться с тетрадкой, не было. Да и заскорузлые детские руки еще не привыкли управляться с карандашом. К тому же частенько наши ученики и голодные были. Но они уже загорелись желанием учиться. Вот теперь можно поговорить и о детском доме. Беседу начала издалека. Рассказала, как живут, как учатся в детских домах, как детдомовцев одевают, обувают, на чем они спят, что едят. Только ни разу я не дала прямого совета идти в детдом, наоборот, кончала такие беседы словами:

— Конечно, там хорошо, но попасть туда трудно. Очень много желающих, а детдомов не хватает.

И однажды я услышала:

— Шура, а нас возьмут в детский дом? — Видно, много они об этом думали и обсуждали меж собой.

— Если вы этого очень захотите, возьмут. Но там надо быть дисциплинированными и послушными...

— Бу-удем! — хором ответили мальчишки.

— Все-таки вы еще подумайте. Обсудите все как следует, а завтра у меня лекций нет, и вечером я приду с лотком к вокзалу. Кто захочет, того запишу, и мы с Симой будем хлопотать за вас.

Наутро встречают меня веселые и сразу:

— Шура, записывай всех!

Переписала я их и только тут узнала настоящие имена и фамилии мальчишек, ведь они друг друга называли кличками. И сказала, чтобы завтра утром на этом месте ждали меня. Собрали мы с Симой в общежитии деньги. Утром говорю ребятам:

— Вот вам деньги, купите мочалки, мыло и вымойтесь, постригитесь.

Пассажиры, ожидавшие свои поезда, наблюдали эту сцену. А когда мои подопечные убежали, сказали мне:

— Зря вы им деньги дали. Обманут они вас и не придут.

Ровно через три часа, как было условлено, ребятишки были тут как тут. Все острижены, правда, кое-как, все чистые. Протягивают мне деньги и говорят:

— Вот осталось. Обошлись двумя кусками мыла, а один дяденька почти даром нас постриг. В баню не ходили, мылись во-он там, где кран с горячей водой.

Идем мы шумной ватагой по улицам Москвы, чистая публика шарахается от наших оборвышей. В Московском наробразе нас ждала Сима. С кем надо, она уже договорилась. Подаю я список своей босоногой «команды». Сотрудница, принимавшая нас, быстро заполнила коротенькие анкетки и всех определила в детский приемник № 2, что размещался на Покровке.

До слез было жалко расставаться с ребятишками. Они просили навещать их, но у нас тогда были экзамены, и в детприемник мы приехали дней через десять, только наших ребят там уже не было, их распределили по детдомам... Вспоминаю о них по сей день и верю, что все они стали настоящими людьми.

Председатель горсовета Каменки-Днепровской Василий Михайлович Фомин открывает траурный митинг. Слева Ульяна Сидоровна Прохорова.

Токарь московского машиностроительного завода «Авангард» Оля Суханова с Ульяной Сидоровной Прохоровой.

Пионеры отряда имени Павлика Морозова в почетном карауле у памятника неизвестным солдатам.

М. КЛЮЕВ,
А. ГОЛИКОВ,
фото авторов

Сотни лет стояло на юге Украины село Каменка-Днепровская. Каменка потому, что испокон века здесь добывают камень — гранит, а Днепровская, что построилась на левом берегу Днепра. Теперь это город. С севера его опоясывает многокилометровая дамба, защищающая от рукотворного, но неспокойного Каховского моря, а с другой стороны тихо плещут волны голубого лимана.

На городском кладбище есть необычный памятник с надписью: «Неизвестным солдатам от Прохоровой Ульяны Сидоровны». Памятник Ульяна Сидоровна поставила на свои скромные сбережения. В прошлом году об этом рассказал читателям журнал «Огонек», и стали приезжать на могилу неизвестных солдат люди, порой издалека. Ведь бои за освобождение от немецко-фашистских захватчиков Каменки-Днепровской были жестокие, в них полегло несколько тысяч советских воинов.

Придет старая мать к памятнику, под которым, может, ее кровинка покоится, сядет на скамеечку, поплачет горючими слезами, поцелует надгробие и возьмет горсточку земли с могилы сыночка, что с войны не вернулся. Приходят и те, чьи отцы в боях за Родину голову сложили, а где захоронены, неизвестно.

Из разных концов страны пишут Ульяне Сидоровне, благодарят ее люди за доброе дело. Обратились к ней с коллективным письмом и комсомольцы московского завода «Авангард». Стала Ульяна Сидоровна писать им ответ: «Мои родненькие! Спешу сообщить, что письмо я ваше получила, оно меня очень взволновало. От всей души благодарю вас, а что касается моего патриотического подвига, как вы пишете, я так считаю, никакого подвига я не совершила, а то что на мою долю выпала тяжкая жизнь, а у кого она была легкая? Время было такое»...

Написала эти слова и задумалась. Вспомнила, как в Каменке создавали первый колхоз, председателем которого стал ее муж

У ПАМЯТНИКА В КАМЕНКЕ-ДНЕПРОВС

Ефим Самсонович. А потом, когда колхоз окреп и начали хорошо жить, грянула война. С тем и кончилось короткое счастье Ульяны Сидоровны. Муж сразу ушел на фронт, осталась одна с малыми детьми. Тут вскоре немцы заняли родное село, опустилась на него непроглядная ночь оккупации. Многих жителей фашисты расстреляли в овраге за домами. И Ульяну с детьми такая участь ожидала, если бы гитлеровцы узнали, что ее муж коммунист и сражается за Родину.

Вспомнила радостный день освобождения: пришла в Каменку Красная Армия. Но бой был сильный, фашисты дрались отчаянно. А когда стрельба утихла, вылезла Ульяна с детьми из погреба и видит: возле ее дома два убитых наших солдата. Лежат рядом: один молоденький, совсем мальчик — на спине, словно в небе что-то разглядывает, а гимнастерка на груди вся черная от крови, другой, пожилой — ничком, руки широко раскинул, будто землю родную обнимает.

Помогли соседи Ульяне Сидоровне похоронить солдат, тут же рядом, на городском кладбище, и стала она за их могилкой ухаживать. Вечером, бывало, станет у калитки, посмотрит, не возвращается ли с войны Ефим Самсонович, а потом на кладбище идет к солдатской могилке. Муж так и не вернулся, сразила его вражеская пуля, а могилка неизвестных солдат родной стала. Вроде в ней и ее Ефим захоронен.

Вспомнилась и бессонная ночь, когда подумала, что с ее смертью за солдатской могилкой никто ухаживать не будет. Осыплется могилка, сровняется с землей, и забудут люди, что здесь лежат герои, отдавшие жизнь за Родину. Вот и поставила она памятник на могилке, чтобы дольше люди помнили.

Вздохнула Ульяна Сидоровна и дописала письмо комсомольцам: «...Вы говорите, что на своем собрании порешили сделать мемориальную плиту и звезду для памятника моим солдатам. Это было бы очень хорошо, только я в этом деле чем и как помочь не знаю. Желаю вам успеха и низко кланяюсь за доброе дело».

Письмо Ульяны Сидоровны секретарь комсомольского бюро инструментального цеха завода «Авангард» Саша Неврозов огласил на общем собрании. Комсомольцы решили и плиту и звезду сделать своими руками и самим установить их на солдатской могиле в Каменке-Днепровской. Тут же обсудили вопрос, откуда взять деньги на все это. Директор завода, вероятно, пошел бы навстречу, помог бы из своего фонда, но... «Если Ульяна Сидоровна, пенсионерка, больная старая женщина, на свои сбережения поставила погибшим солдатам памятник,— сказала Саша Чадина,— то уж нам-то, молодым и сильным, стыдно просить на такое дело у директора деньги, сами сверхурочно заработаем». Собрание с ней согласилось и постановило послать к Ульяне Сидоровне лучших ребят. Для этого устроить специальное социалистическое соревнование, его победители и будут делегатами заводского комсомола, они поедут в Каменку-Днепровскую.

В середине апреля подвели итоги соревнования. Делали это особенно тщательно: боровшихся за право поехать было много. Победителями оказались токарь Оля Суханова, фрезеровщик Женя Перминов и слесарь-лекальщик Сережа Сурначев. Мемориальную плиту сделал лучший фрезеровщик завода Борис Крылов. Да и звезду сработали самые умелые специалисты. Изготовили и Ульяне Сидоровне памятный подарок — большую красивую вазу. В теплый майский день комсомольцы завода «Авангард» торжественно проводили своих делегатов в Каменку-Днепровскую.

...«Все глаза проглядела, не едут ли мои гости дорогие»,— говорила Ульяна Сидоровна. Ребята от своих товарищей получили строгий наказ: установить плиту и звезду на обелиск своими руками и «выполнить работу по высшему классу». Приступили утром, закончили к вечеру, все получилось отлично.

Утром в День Победы первыми к памятнику неизвестным солдатам пришли пионеры, а скоро все кладбище заполнилось людьми, пришел чуть ли не весь город, со знаменами, оркестрами. Митинг открыл председатель городского Совета Василий Михайлович Фомин. Под скорбные звуки оркестра спало покрывало. Засияла на солнце звезда, венчающая обелиск, на мемориальной плите которого вырезана надпись: «Советским воинам, погибшим в боях за освобождение города Каменки-Днепровской от немецко-фашистских захватчиков 7 февраля 1944 года от Прохоровой Ульяны Сидоровны».

Почетный гражданин города, участник его освобождения, подполковник в отставке Федор Михайлович Макаренко вспомнил о происходящих здесь кровопролитных боях, о своих погибших товарищах. Потом слово предоставили Сереже Сурначеву. Он рассказал, как комсомольцы московского завода «Авангард» взяли шефство над могилой неизвестных солдат в Каменке-Днепровской, передал низкий поклон заводских комсомольцев уважаемой Ульяне Сидоровне и их наказ — взять горсть земли с могилы героев, чтобы хранить ее в музее боевой славы «Авангарда».

...Вечером Ульяна Сидоровна пришла на опустевшее кладбище, как обычно, присела на скамейку возле дорогой могилки, посмотрела на памятник и порадовалась, какой он стал красивый. Вспомнила, как утром все было хорошо и торжественно, ну, словно ее солдатиков высокими орденами наградили. Теперь многие годы люди будут знать и помнить, что здесь лежат советские солдаты, защитившие Родину.

БЛИЖНЕВОСТОЧНАЯ ТЕТРАДЬ

Станислав КУНЯЕВ

●

Под небом пустынного края,
известном из Книг Бытия,
я слушал, как, в море впадая,
шумит Иордана струя.

Здесь каменной соли навалом,
здесь почва, как соль, солона,
здесь стала от слез минералом
библейского Лота жена...

Тяжелое Мертвое море
насыщено солью насквозь —
в него палестинское горе
соля́ным раствором влилось.

Вода Иордана струится,
уходит под взорванный мост —
сомкнулись река и граница,
железный шлагбаум и пост.

Здесь наземь слетела косынка,
когда, у себя за спиной
оставив свой дом, палестинка
застыла, как столп соляной.

Здесь выжжены мирные нивы
на том и другом берегу,
и только плакучие ивы
цветут, как на русском лугу.

●

Белозубый араб восемнадцати лет,
смуглый отпрыск великих племен,
партизан и бродяга, изгой и поэт,
стал глашатаем новых времен.

Но политика — древнее дело
мужчин,
а не юношей, вот почему
в силу этой и нескольких прочих
причин
пулю в спину всадили ему.

Он работал связным и по древней
тропе
мимо Мертвого моря спешил,
где когда-то Христос
в Галилейской стране
легендарное чудо свершил.

Там, где огненной лавою в души
лилась
речь о непротивлении злу,
вновь на камне горячая кровь
запеклась,
и огонь превратился в золу.
Над кустом тамариска колышется
зной,
но, убийца, умерь торжество:
если юноша принят родимой
землей —
то изгнания нет для него!

ПАЛЕСТИНКА

Не в родных партизанских лесах,
а среди аравийских просторов
я увидел в библейских глазах
гнев, который понятен и дорог.

Палестинка, глазницы твои —
воспаленные два полукружья,
у тебя ни угла, ни семьи
и ладони темны от оружья.

Чтоб сжимать автоматную сталь
в нежных пальцах — не женское
дело!
Но глядишь ты в пустынную даль
чуть с прищуром, как в прорезь
прицела.

Я без слов понимаю твой пыл,
потому что в военные годы
я ведь тоже изгнанником был
и, как ты, знаю цену свободы.

БАГДАД

Побродил по нашему столетью,
поглядел в иные времена...
Голуби над золотой мечетью
в синем небе чертят письмена.

То с горчинкой, то нежданно
сладок
ветер из полуденных песков.
Я люблю восточный беспорядок,
запахи жаровен и цветов.

Шум толпы... Торговля...
Перебранка...
Но среди базарной суеты
волоокая аравитянка
вывернула грудь из-под чадры.

Грудь ее смугла и совершенна,
и, уткнувшись ртом в родную тьму,
человечек, застонав блаженно,
присосался к счастью своему.

Может быть, когда-нибудь
без страха
он, упрямо сжав свой тонкий рот,
с именем Отчизны и аллаха,
как пророк, под пулями умрет.

Может быть, измученным
собратьям
он укажет ясные пути...
Спит младенец, распахнув объятья,
на родной коричневой груди.

●

То угнетатели, то жертвы...
Чем объяснить и как понять,
что снова мировые ветры
их заставляют повторять
путь возвращения по кругу,
путь переформировки сил?..
Но кто к душевному недугу
их беспощадно присудил?
Сердца людей не приневолишь,
стезя затеряна в пыли...
А нужно было-то всего лишь
обжить родной клочок земли,
чтоб стал он кладбищем и домом,
чтоб был издревле защищен
не долларом и не «Фантомом»,
а словом, плугом и плечом,
чтобы не тягостные мифы,
а гул работы и борьбы
да тяжкий шепот хлебной нивы
рождали музыку судьбы.

ТАРХАНКУТ ХОЧЕТ ПИТЬ

Николай БЫКОВ

Фото Б. КУЗЬМИНА

Долгий горячий день, белый от зноя. И быстротечная, душно обкладывающая жаром земли ночь. Тарханкут, чертов угол полуострова в той его части, которую люди романтично величают Таврией. Очевидно, это как-то сближает с непонятным археологическим прошлым.

Прошлое и будущее ощутимо до волнения соседствуют на этой земле, выбеленной солнцем и солеными ветрами с Каркинитского залива и близкого Сиваша. Прошлое там, где обелиски и мемориалы в память отвоевавших Крым для нас, для сегодняшнего дня. И там, куда не дошла еще днепровская вода по рукотворным руслам Северо-Крымского канала и его о т т о к о в. А будущее, где эта вода давно уже работает, вступив в союз с мелиораторами, земледельцами и солнцем.

Канал, приведший воду от Каховки,— сооружение грандиозное; в «Огоньке» в свое время рассказывалось о невоевавших молоденьких солдатах с миноискателями, которые шли впереди бульдозеристов; о встрече вод Днепра под Армянском, о празднике в октябре 1963 года — открытии канала и вместе с ним новой страницы в истории земледелия в Крыму. Такова биография первой очереди легендарного СКК — Северо-Крымского канала.

С водой в Крым пришла иная культура земледелия, отныне поливного на семнадцати процентах посевных площадей. Орошаемые поля дают области более половины всей сельскохозяйственной продукции. Доход с одного орошаемого гектара в среднем составляет более тысячи рублей. Чистая прибыль с такого гектара — двести семьдесят рублей, это в десять раз больше, чем на богаре!

Пшеница, кукуруза, люцерна, кормовая свекла, овощи, сады и виноградники — вот жадные потребители воды. А рис! Рисовые чеки забирают половину воды из канала.

Весна и лето выдались на редкость неблагоприятными, местами температура на почве поднималась до сорока — сорока пяти градусов. День и ночь несут вахту у дождевальных установок, у широкозахватных «фрегатов», «днепров» тысячи поливальщиков.

Но вот никакая не машина времени, а «Волга» главного инженера облводхоза Виктора Максимовича Хорева перенесла нас в будущее. Далеко за Красноперекопск в сторону Тарханкута увело нас пока сухое русло Соединительного канала, который являет собою вторую очередь СКК. Обгоняем скачущие вдоль отсыпей ржавые шары курая (перекати-поле), пугаем сусликов. От солнца никуда не деться, оно зависло над равниной космическим пришельцем и откачивает последнюю влагу из земли. Виктор Максимович достаточно близко знаком с этими полупустынными местами, он здесь — уже после института — был рядовым строителем. На Соединительном у главного инженера немало знакомых и друзей еще по первой очереди, например, знаменитый бульдозерист — теперь бригадир — Виктор Золотой, автоскрепреист Иван Слипченко. Иван Константинович с нами в машине, везет к себе в бригаду. Спокойный, сильный, с темно-бронзовым загаром, со спутанными и навсегда выгоревшими волосами. Комсомольско-молодежная бригада автоскреперистов Героя Социалистического Труда Слипченко хорошо известна на трассе будущего канала. Он человек счастливой судьбы,— об этом догадываюсь после того, как бригадир, к слову пришлось, рассказал о нескольких драматических ситуациях, в которых успел за короткую жизнь побывать. Вот ведь и не на войне человек, мирный строитель, а прижимало его иногда так, что едва-едва, бывало, разминется с костлявой: вместе с автомашиной не по своей вине кувыркался, в высотном здании горел — не сгорел, пережил авиааварию в воздухе; только что не тонул, но шторм серьезный в открытом море перенести довелось...

Соединительный канал, вдоль которого мы ехали, пройдет по владениям Раздольненского района и упрется в потрескавшиеся земли самого нуждающегося в воде Черноморского района. Бригада Слипченко отсыпала дамбу на 36-м километре. И на дне будущей насосной, и на голых стенах водохранилищ, и вдоль всей трассы—повсюду шла непрерывная круговерть напряженной борьбы с миллионами кубов тяжелого грунта. Поразил напор, натиск, который чувствовался в размашистых разворотах глубоко ушедших в котлован однокубовых экскаваторов, в сосредоточенности и упрямстве гигантских самосвалов, потихоньку выбиравшихся из того же котлована под будущую насосную; в дружной челночной работе десятков бульдозеров, выравнивающих берега канала: вверх-вниз, вперед-назад. Но главное, тут торжествовали наука, забота о земле и будущих поколениях крымчан.

Дело в том, что во многих местах то ли по бездумности, то ли по бедности каналы, грубо говоря, только роют, роют и пускают по з е м л я н о м у руслу воду. Помню село в Скадовском районе на Херсонщине с уродливыми «личными» дамбами и плотинами: прошедшая мимо днепровская вода просочилась в недра, соединилась с грунтовыми водами и по известному закону физики подняла их почти к поверхности. Сады, корни которых оказались в глубинных болотах, почернели, погреба у селян налились водой, дома стали отсыревать, а люди недобрым словом поминали скорых на руку мелиораторов. Видел я заболоченные—с прекрасным камышом!— участки и вдоль СКК. Здесь тоже когда-то загнали воду в земляное русло, поскупившись на создание дренажной системы. Такая «экономия» обошлась и обходится не в копеечку... Опыт эксплуатации СКК многому научил крымчан. В Красноперекопском районе не без гордости обращали внимание на сады и озелененные улицы совхозных усадеб: преодолели непрошеные грунтовые воды, губившие и засолявшие лоно мелиорированной земли. Дренажи заложены в рисохозяйствах и всюду, где нужда взяла за живое. Теперь деревья зазеленели, и поселки любо-дорого взглянуть. О затратах и «экономии» на здравом смысле после пережитого ни слова...

Так вот я убедился, что ко второй очереди иной технологический подход. Главный инженер облводхоза Виктор Максимович показал, как дренируют трассу, как упаковывают земляное русло в бетон. Между двумя его слоями — обязательная пленочная прокладка, а сам бетон для прочности кладут на арматурную сетку. Из такого русла ни капли не просочится.

— И одновременно, заметьте, дренажная система,— боится, что не запишу, главный инженер. Мне показалось, что в нем говорит совесть свидетеля и соучастника того, как строилась первая очередь. Но то было давно, в «молодости» (кавычки обязательны, ибо Виктор Максимович и сейчас молод).

Постепенно выяснилось, что Соединительный канал, вообще вторая очередь Северо-Крымского канала чреваты не только радостным ожиданием новой воды в новых местах, но и глубокими огорчениями. На этот раз речь не о технологии строительных работ. Тут все в порядке: проект отличный, предусматривающий заботу об окружающей среде — о земле, главном богатстве, и о воде, которой в Крыму нет цены. Беда в том, что проект второй очереди усечен, это как бы полусистема орошения новых районов. Соединительному каналу еще до его рождения эксперты Минводхоза СССР отсекли... голову, то есть исключили из продуманного проекта «Укргипроводхоза» Головной участок протяженностью в 16 километров. Предложено — и так делается — подавать воду из Раздольненской ветки СКК (первой очереди). А ветка эта старая, «подгнившая», она являет собою земляное русло; она, эта ветка, не первой зелени, за ее берегами уже двенадцать лет нещадной эксплуатации, воды в ней кот наплакал. Например, Соединительный канал, способный пропускать 105 кубометров воды за секунду, будет подавать лишь... 28 кубов. Чтобы обеспечить водой перспективные площади орошения в огромной засушливой зоне Сакского, Черноморского, Красногвардейского каналов, надо бы сегодня же приступать к сооружению Головного участка второй очереди. Это требование крымчан настойчиво и научно обоснованно.

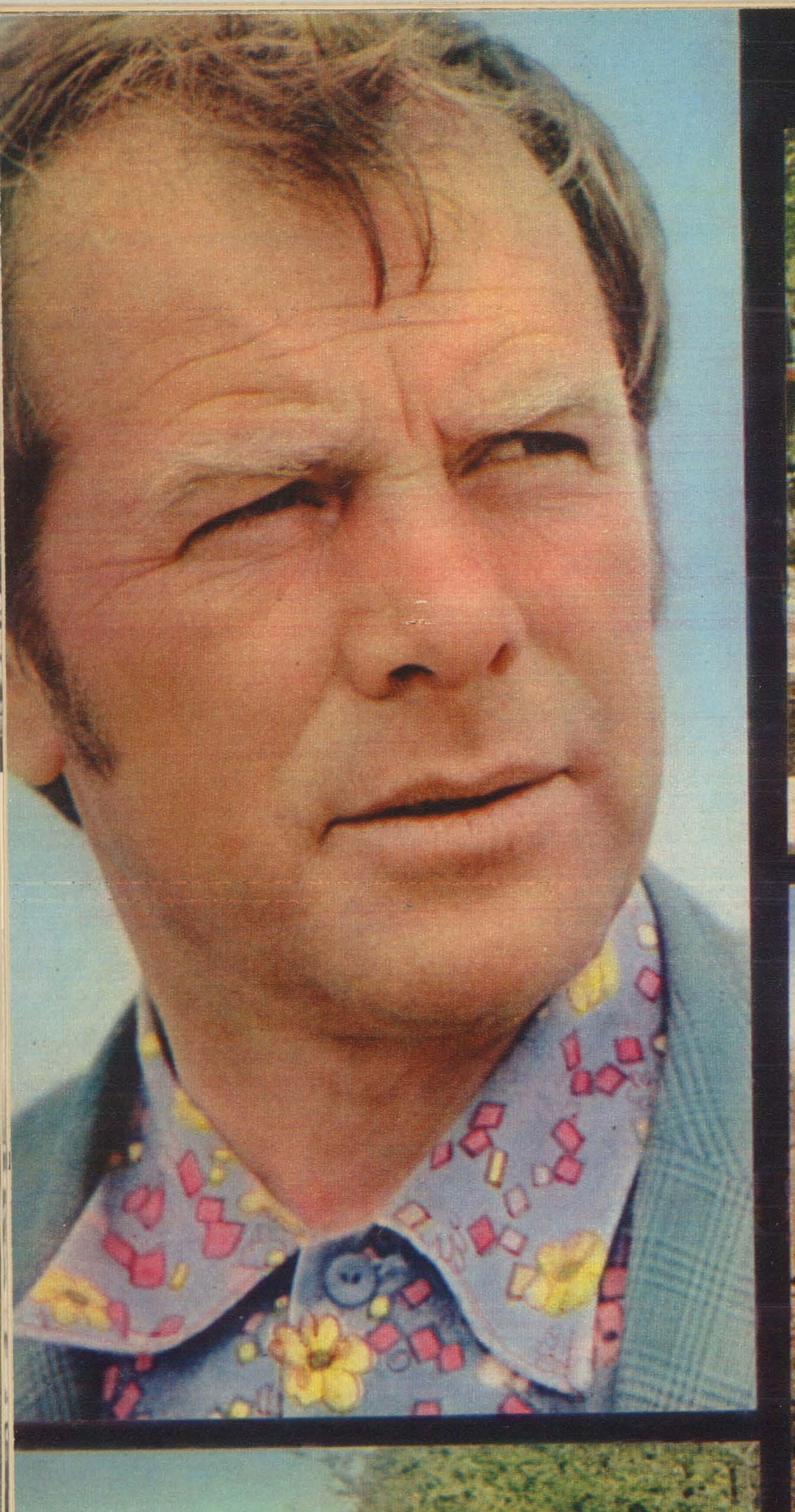
В Крымской области накоплен дорогостоящий опыт владения днепровской водой, окреп и возмужал многотысячный коллектив строителей голубых магистралей и поливных гектаров. Здесь воду полюбили, изучили, используют с огромной выгодой. Здесь жаждут новых порций могучего Днепра, жаждут напоить Тарханкут. И дать наконец-то в достатке питьевую воду Симферополю, Сакам, славному Севастополю, Большой Ялте, всему южному берегу с его кипарисами, пляжами и прославленными местами отдохновения и исцеления. Тарханкут хочет пить! И не он один.

Итак, намечалось когда-то оросить 124 тысячи новых гектаров. Огромное поле! Но пока все сделано для того, чтобы почти 44 тысячи гектаров остались вне зоны Соединительного канала. Вот почему вторую очередь окрестили, кто — мягко — «усеченной», кто — «безголовой», кто — «выхолощен-

Сквозь безводье и зной ведут строители русло Соединительного канала в Крыму ● Здесь вода работает уже пятнадцать лет; так выглядит новая Михайловка, центральная усадьба орденоносного колхоза имени Крупской, Нижнегорского района.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Хозяин дождя, гидротехник колхоза имени Крупской Евгений Федорович Писанюк — лауреат Государственной премии СССР ● Сердце канала, насосная станция № 1 ● Новшество Крыма — капельное орошение. Укладка трубопровода на месте будущего сада в колхозе имени Ленина, Красногвардейского района.

76-29

ной»... Словами делу не помочь, но разобраться в случившемся следовало бы в свое время, имея холодную голову и горячее сердце.

Конечно, бывают случаи, когда делают проекту усекновение искусственно, дабы втиснуть его в лимиты стройки. Но вторая очередь СКК явно не тот случай; ее проект рассматривался всесторонне, и вот теперь мнение Минводхоза СССР таково: «Урезали — значит, были на то основания. Либо технические, либо экономические, либо... Зря не урезали бы!» Такое объяснение задним числом (проект утверждался много лет назад) тоже что-то объясняет. Отрезал шестнадцать километров будущего канала на кальке, исключил десятки тысяч гектаров из будущих поливных площадей не кто-то один, такой несведущий и смелый... Сейчас уже трудно восстановить, кто именно, почему и на каком этапе утверждения проекта. И все же и все же... Крымчане даже много лет спустя, вот теперь, когда строительство укороченного Соединительного канала в разгаре, приводят убедительные доводы — тоже технически и экономически грамотные — в пользу улучшения давно утвержденного проекта.

Что дает уже сейчас союз воды, солнца, мелиораторов и мастеров завидных урожаев?

Есть в Крыму Михайловка — село, которое не узнают даже те, кто родился в нем, но давно не был у родителей. Впрочем, что значит «давно»? Не узнают Михайловки даже те, кто отсутствовал на родине лет пять — семь. Я не раз уж писал и о новой Михайловке, центральной усадьбе орденоносного колхоза имени Крупской, и о председателе колхоза, Герое Социалистического Труда Валентине Ивановиче Черфасе, тридцатитысячнике, делегате XXV съезда КПСС, великом энтузиасте воды. Только она, Вода с большой буквы, помогла Черфасу, давнему горожанину, пришедшему двадцать шесть лет назад в село из текстильной промышленности, включить те экономические рычаги, которые с наибольшим эффектом преобразили, в принципе перестроили все доверенное ему хозяйство. Колхоз примечательный во всех отношениях, и во многом — благодаря стратегическому чутью Валентина Ивановича на все новое, прогрессивное, прибыльное. Успех колхозной экономики, ее становления и взлета решили, как говорится, кадры — люди, которые у Черфаса как на подбор. Я знаю Женю Писанюка — Евгения Федоровича, скромнейшего, безотказного труженика новой степи, виртуозного гидротехника, лауреата Государственной премии СССР. Знаю и отличного бригадира, немногословного Дмитрия Семеновича Гарана, мастера потрясающих воображение урожаев, Героя Социалистического Труда. А заслуженный агроном республики Дмитрий Васильевич Письменный, главный агроном колхоза! Более тринадцати лет этот человек, влюбленный в зеленый мир, отдал строительству рекордных урожаев. Судите сами, возможно ли без главного агронома такое: поля пшеницы дают здесь почти по 70 центнеров с поливного гектара, кормовой свеклы, страшно писать,— по 1640 центнеров с того же гектара, кукурузы — по 73 центнера, овощей — по 350 центнеров. Как тут обойтись без восклицательных знаков: простая справка, подписанная председателем, вызывает и восторг и почтение к труду людей, самоотверженных и мастеровитых.

Что такое вода в Крыму? Она помогает вполне реально достичь высот колхоза имени Крупской, который спроектировал и построил свой поселок стоимостью в двадцать миллионов рублей, который затеял еще и торговый центр на полтора миллиона и плавательный бассейн, который в прошлом году, когда выпало осадков на тридцать процентов меньше даже скудной нормы Нижнегорья, получил доход более тринадцати миллионов рублей. Тринадцать миллионов — доход за год, а не за десять. Каждый гектар здесь дал более двух с половиной тысяч, а в среднем за три года нынешней пятилетки — почти по две тысячи четыреста рублей. Странно, что приходится специалистов, призванных поощрять, финансировать новые системы орошения, убеждать в пользе воды, в пользе того, чему они посвятили свой труд, свои знания и опыт. После знакомства с делами и достижениями нижнегорского колхоза имени Крупской, думаю, проблема второй очереди канала, а также проблемы удобрений, новой мелиоративной и землеройной техники, гербицидов будут решены. Логика жизни велит помочь крымчанам.

И тогда немедленно и логично встанет вопрос о третьей очереди Северо-Крымского канала. Да, да — о третьей! Вот мнение людей, думающих, жизнью наученных охватывать будущее экономики с перспективой. Строительство оросительной системы второй очереди завершится в 1982 году. Уже сейчас ясно, что подъем сельскохозяйственного производства в Крымской области неразрывно связан с дальнейшим развитием именно орошаемого земледелия. В этом убедили встречи и беседы с первым секретарем Крымского обкома КП Украины Виктором Сергеевичем Макаренко, с начальником Крымского облводхоза Александром Федоровичем Шавиным, с мастерами урожаев, Героями Социалистического Труда Надеждой Ильиничной Руденко и Владимиром Семеновичем Саранчой. Все они озабочены завтрашним днем поливного гектара.

Тревоги их обоснованны: срочно ремонтируя, технически перевооружая оросительные системы, связанные с первой очередью СКК, необходимо сегодня же, не теряя времени, позаботиться о третьей очереди Северо-Крымского канала и, таким образом, о достойном завершении грандиозного плана преобразования Крымского полуострова.

Да, потребности земледельцев опережают возможности заинтересованных ведомств. И фактом остается наплыв отдыхающих на южном берегу, рост населения, а прокормить в месяцы пик надо ни много, ни мало до десяти миллионов человек. С ростом благосостояния надо ожидать уже в следующие годы миллионов двенадцать жителей и отдыхающих. И если мясо в область можно привезти, то овощи, фрукты, молочные продукты должны быть крымскими. А Крым все еще лишен достаточного количества воды на полях и над полями. Вот почему нужны в перспективе 230 тысяч орошаемых гектаров — скупиться на них нет никакого экономического резона. Крыму грозит дефицит воды уже в будущем году, и далее нехватка воды, в том числе и питьевой, будет расти, если, например, не осуществить постройку Сакского канала. Проект Сакского канала все еще утверждается: а ведь он дал бы воду крупным городам-курортам и позволил бы напоить дополнительно более семидесяти тысяч гектаров. Строить, надо уже строить Сакский канал не позднее 1980 года. Я слышал от бригадира Слипченко: строители готовы к штурму!

Крымчане озабочены еще и тем, что запасы подземных вод истощаются на глазах, в артезианах появилась горьковатая вода, за последние десять лет жаждущие залезли в святая святых полуострова, и голубые горизонты понизились. Это обстоятельство тоже заставляет поспешать со строительством новых каналов. Сейчас проектный институт приступил к разработке технико-экономического обоснования третьей очереди, но темпы выполнения проекта, как в замедленном кино. А время не ждет.

Торопит и сам благородный Днепр, он старается, но дефицит воды в Каховском море — реальность близкого будущего. Горизонт воды и там постепенно понижается, не исключено, что наступит время, когда Крыму достанется на сто кубов воды меньше, чем требуют ежесекундно его каналы. Но специалисты не решили, как обеспечить подачу воды для полей перспективного орошения: либо срочно строить Головной насос, либо осуществить вариант подачи воды непосредственно из Главного Каховского магистрального канала?..

Экономика диктует. Ждет воду и Тарханкут на западе полуострова. А пока над ним побелевшее солнце и — ни облачка. Земля потрескалась. Жалобны попискивания сусликов.

...Непроизвольное и постоянное движение к барометру я заметил у обаятельного Александра Федоровича Шавина. Начальник Крымводхоза, можно сказать, хозяин миллионов кубов воды, нет-нет да и подойдет к настенному прибору, побарабанит пальцами по стеклу без всякой надежды на чудо. Тусклая стрелка за стеклом показывала на «ясно». Генерал орошения мечтал о дожде!

Бригадир автоскреперистов Герой Социалистического Труда Иван Константинович Слипченко ● Ишунь с приходом днепровской воды превратилась в оазис ● Преображенная усадьба знаменитого рисосовхоза «Пятиозерный» ● 43-й километр Соединительного канала ● Вольер с оленями в детском саду ордена Ленина рисосовхоза «Герои Сиваша».

ПОТОМКИ ЧАБАНА

...Жил некогда бедняк Махмуд. Родился у него сын. Дали сыну имя Ягмыр, что означает «Дождь», дабы потомство его было обильным.

Рано остался Ягмыр сиротой. Пас овец у бая, вдоволь наголодался, натерпелся обид и побоев.

Но вот свершилась Октябрьская революция. Пришел Ягмыр в колхоз и сказал: «Вот я и руки мои, примите меня». Его приняли, и до последнего дня своей жизни он пас колхозные отары.

...Родились у Ягмыра сыновья. Дал он им имена — Хамра, Бешим, Джумакулы, Ровшан, а дочь свою назвал Оглай. Все сыновья Ягмыра — коммунисты, получили высшее образование, работают в ауле учителями. Радовался старый Ягмыр-баба, когда приходили дети в отцовский дом. Гордился, что все они стали учеными людьми, знающими и уважаемыми. Хорошо ему было смотреть, как суетятся невестки, помогая свекрови печь чуреки, как шалят внуки. Много внуков, будет кому о нем вспоминать.

48 внуков и 87 правнуков у Ягмыра Махмудова. Колхозник и ученый, учитель и врач, инженер и юрист. Порой шутил Ягмыр: «Стареть я стал. Прежде всех овец в отаре помнил, а теперь вот внуков своих запомнить не могу». А они хорошо помнят своего дедушку.

Помнят потомки Ягмыра, что всем, чего они сейчас достигли, всем, что имеют, обязаны ему и Советской власти, в которую всем сердцем поверил безграмотный чабан из аула Осты.

...И стал род его обильным, как нива после дождя, который выпал в срок.

Х. САИТОВ,
заслуженный врач Туркменской ССР

Поселок Фараб.

Возвращение резидента

Олег ШМЕЛЕВ
Владимир ВОСТОКОВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки М. ПЕТРОВОЙ

Автомобиль «Жигули» с номером КИЖ 37—64 должен стоять на площадке перед зданием, в котором располагается трест «Оргтехстрой», а здание это находится в переулке, по которому шагал сейчас Брокман. Между прочим, запомнить название треста ему оказалось гораздо труднее, чем номер машины.

Переулок сделал крутой изгиб, и Брокман увидел слева за невысокой железной оградой с широким незакрывающимся проемом трехэтажное серое здание. Перед ним была прямоугольная асфальтированная площадка, а на ней — разноцветные автомобили. Брокман сосчитал — семь штук. Синие «Жигули» с номером 37—64 стояли в дальнем правом углу. И выезду другие машины не мешали.

Брокман сначала вошел в дверь, по обеим сторонам которой массивные вывески извещали золотом по черному, что именно здесь располагается «Оргтехстрой». В вестибюле несколько человек стояли у открытого окна и курили, разговаривая вполголоса. Они не обратили на него внимания. Вдохнув кисловатый запах почтенного учреждения, Брокман тут же повернул обратно, подошел к автомобилю с готовым ключом в руке, открыл дверцу, положил портфель на заднее сиденье и сел за руль.

Пошарив пальцами позади себя в щели между спинкой и сиденьем, нашел ключ зажигания, завел мотор, посмотрел на приборную панель. Бензина был полный бак.

Ветровое стекло сильно запылилось. Брокман достал из ящичка на панели (который, как учил его Михаил Тульев, называется у советских автовладельцев бардачком) доверенность на вождение автомобиля, а потом взял кусок старой замши, вышел, протер стекло. Потом нашел в машине щетки дворников, поставил их. И только после этого выехал с площадки в переулок. Он по справедливости считал себя первоклассным водителем. Ему приходилось ездить на машинах самых разных марок (к «Жигулям» он три дня приноравливался в разведцентре перед поездкой сюда). Но он давно усвоил правило, что в незнакомом городе каждый человек за рулем должен вести себя как новичок, строго соблюдать правила дорожного движения, а главное — ни в коем случае не превышать скорость.

Брокман поехал сначала к реке, потом повернул в центр, съездил к вокзалу, потом к рынку, опять в центр и, наконец, к дому академика Нестерова. Не выходя из машины, он оглядел все подъезды к дому, все подходы. И поехал на другой конец города.

Остановившись у телефона-автомата, он позвонил на квартиру Нестеровых. Трубку не поднимали.

Брокман сел за руль, закурил и тихо покатил по длинной улице, выводящей за город. Была половина второго, солнце только-только начало склоняться на запад и пекло очень сильно. Хотелось в тень, и Брокман решил поискать на окраине что-нибудь вроде парка или рощи.

Улица привела его к реке, и он увидел вдали висящий над водой мост, по которому двигались люди и автомобили. Противоположный берег был лесистым, а за грядой округлых крон поблескивали на солнце раскиданные по широкому полю маленькие озерца.

Брокман направился к мосту, переехал по нему, свернул на узкий асфальтовый отвилок и минут через пять очутился в прекрасной дубраве. Вековые деревья стояли редко, а между ними на свежей изумрудной траве отдыхали люди. Было много детей.

Проехав дальше, Брокман увидел на полого спускающемся к воде берегу густые заросли орешника, а в нем тут и там — туго растянутые палатки и автомашины с распахнутыми дверцами. В одном месте дымил костерок и возле него, отмахиваясь от дыма, сидела на корточках женщина в купальнике, помешивая ложкой в закопченном котелке. В стороне над кустами взлетал и опускался волейбольный мяч.

Брокман съехал с дорожки и выключил мотор.

С пляжа слышались веселые крики, плеск воды. Негромко играла музыка — у кого-то в машине был включен приемник.

Вид палаток навел Брокмана на счастливую мысль. Ему придется ночевать в этом городе, а воспользоваться советом Линды Николаевны — насчет того, чтобы потолкаться возле одной из гостиниц и найти кого-нибудь из местных жителей, сдающих комнаты командированным — он считал нежелательным, во всяком случае, лучше бы обойтись без этого. А вот если бы у него была палатка, он мог бы устроиться в этом туристском городке, не прибегая ни к чьему посредничеству. Правда, можно и в машине переночевать, заехав куда-нибудь поглуше. Но палатка казалась предпочтительнее.

Брокману не пришло в голову, что дотошный наблюдатель, увидев в этом междугородном стане автомобиль с номером города К., может удивиться: почему вдруг местный житель решил ночевать по-цыгански? Да, в общем, эта непредусмотрительность особой опасности в себе не таила, потому что лагерь автотуристов раскинулся километра на полтора, и кому придет охота вникать в номера машин, если их тут не менее пятисот.

Одобрив собственную идею, Брокман поехал в город с целью купить в магазине спортивных принадлежностей небольшую туристскую палатку.

Палаток в магазине не оказалось — ни больших, ни маленьких. И продавец, флегматичный молодой человек, лениво заверил Брокмана, что он не найдет никаких палаток и в других магазинах. Взамен продавец посоветовал купить брезентовые чехлы для лодок — два последних, оставшихся еще не проданными. Из них при известном терпении можно сшить одиночную палатку, правда, без пола.

Брокман шить палатку не собирался, поэтому купил один чехол, рассудив, что он может послужить ему матрацем, а на случай дождя — крышей.

В три часа он пообедал в тихом, малолюдном ресторане. А потом позвонил на квартиру Нестерова. По-прежнему никто не отвечал, и Брокман подумал, что он избавил бы себя от многих дополнительных хлопот, если бы осуществил намеченное сегодня же, не откладывая дальше. Однако благоразумие требовало осторожности. Пока что прошло всего пять или шесть часов с тех пор, как он первый раз звонил на квартиру, в которую должен проникнуть. Хозяева могут уехать на один день, а к вечеру вернуться. Надо выждать хотя бы сутки — так будет надежнее.

Начав рассуждать о предстоящем деле, Брокман испытывал нетерпение, а это в его положении никуда не годится. Нетерпеливый — значит торопящийся, а когда человек торопится, он действует непременно с ошибками. Ему, Брокману, следует настраивать себя таким образом, что, может быть, придется провести в этом городе не один день и даже не одну неделю. Все зависит от того, что обнаружит он в квартире Нестерова.

Тихо катался он по окрестностям города. Медленно тянулось время. Чтобы оно не терялось даром, он старался заниматься наблюдениями над дневной жизнью горожан, но это, во-первых, могло послужить ему, как говорится, только для общего развития, практической же цены не имело, а, во-вторых, он находился не в том состоянии, чтобы какие-то ничтожные подробности чужого быта могли отвлечь его от мыслей о предстоящем серьезном деле. Единственное, что немного развлекало его, это причудливые порядки содержания автотранспорта в черте города. Машины парковались, занимая половину проезжей части улиц. Никакой платы за стоянку, никакого контроля. А когда он пытался понять, каким образом машина, за рулем которой он сидел, могла безнаказанно, не привлекая ничьего внимания, неделями стоять на площадке перед государственным учреждением (а стояла она, наверное, не менее двух недель),— это оказалось выше его сил. Если бы даже ему растолковали, что в тресте «Оргтехстрой» владелец машины Кутепов не так давно работал внештатным юрисконсультом, это ничего бы ему не объяснило.

В восемь вечера он позвонил Нестеровым — телефон молчал.

Брокман поехал через мост в автотуристский лагерь, еще не затихший к тому времени.

Поставив машину в облюбованном раньше месте — там, где он видел взлетающий над кустами волейбольный мяч,— он вышел и потянулся так, что хрустнуло в затекших плечах, и с удовольствием вдохнул свежий реч-

Продолжение. См. «Огонек» №№ 17—29, 31.

ной воздух. И вновь услышал удары по мячу и увидел сам мяч. Такое впечатление, что эти отчаянные любители весь день только тем и занимались, что играли без сетки вперекидочку.

Вынув из портфеля припасы Линды Николаевны и разложив их на траве, он увидел, что мяч, сильно ударенный, летит по косой траектории в его сторону. Упал мяч в траву прямо у его ног и, отскочив, ударился о заднюю дверцу машины. Тут же из кустов выбежала тоненькая блондинка в ярко-красном купальнике. Когда она приблизилась, Брокман разглядел ее. Лет двадцати пяти, хорошенькая, глаза серые с голубым отливом.

— Здравствуйте,— сказала блондинка.

— Добрый вечер,— ответил Брокман.

Она поглядела на разложенную еду и спросила, подняв с земли мяч:

— Вы тут новенький?

— Да вот, только что прибыл.

— Всухомятку, значит?

— Вон, полна река воды.

— Это опасно в наше время. Мы сейчас самоварчик поставили, у нас тут целая компания. Хотите — присоединяйтесь.

И, пританцовывая на ходу, она ушла туда, откуда прилетел мяч. Фигурка у нее была точеная.

Чай был кстати — Брокману хотелось пить. И девушка была очень симпатичная и простая. Нет, никаких таких мыслей у него не возникло, хотя он давно тосковал по женской ласке, по женскому телу. Это все будет потом, потом... Но он не видел причин отказываться от предложения, сделанного так непринужденно и непосредственно.

Уложив еду в портфель, Брокман пошел по следам девушки. На небольшой поляне среди кустов стояла серая «Волга», около нее — белая палатка, маленькая, на одного человека, а перед палаткой на траве сидели вокруг попыхивающего самовара четверо — блондинка в красном купальнике, а с нею трое молодых людей, все по виду спортсмены, уже успевшие порядочно загореть.

Поздоровались, познакомились. Имена мужчин Брокман не запомнил. Девушку звали Нина.

Он присоединил свои запасы к их закускам. У них была и водка, но Брокман выпить отказался, сославшись на то, что завтра ему надо иметь ясную голову. Ему налили в большую фаянсовую кружку кипятку из самовара, а Нина предложила взять из жестяной банки пакетик для разовой заварки. Она распечатала опоясанную бумажной лентой коробку с мармеладом.

Молодые люди выпили водки и с аппетитом начали есть. Брокман от них не отставал, хотя водки и не пил.

Поглядев на «Волгу», он спросил у Нины:

— Это ваша?

— Да.

— Вы издалека?

— Ленинград.

Первой буквой номера на машине была «Л».

Закусив, все стали пить чай. И все, как и Брокман, брали пакетики для заварки и мармелад из коробки.

Начинало темнеть, когда Брокман взял свой портфель и поднялся.

— Ну, мне спать пора. Рано вставать. Спасибо вам большое.

— На здоровье,— сказала Нина.— Завтра приходите, опять чайку попьем.

Вернувшись к машине, Брокман расстелил брезент на траве, но тут же передумал. Он беспокоился за «Спидолу». Если лечь под открытым небом, а рацию оставить в машине — это рискованно: машину легко открыть, а мелкие воришки, специализирующиеся на кражах из автомобилей, есть в любой стране. Положить «Спидолу» под брезент и спать на ней, как на подушке,— это тоже ненадежно. Поэтому Брокман решил спать в машине.

Чтобы утром не иметь вид бездомного английского нищего, ночующего на скамье в Гайд-парке, он разделся до трусов, приспустил стекла, откинул спинку переднего сиденья, положил портфель со «Спидолой» под голову, укрылся лодочным чехлом и уснул под тихий плеск воды, доносившийся с пляжа.

Проснулся он от птичьего гомона в половине пятого. И первое, что обнаружил,— портфеля со «Спидолой» под головой у него не было. Пропала рация.

Знакомый ветерок опасности дунул ему в лицо. На плохой сон он никогда не жаловался, но спать так крепко, чтобы не услышать, как у тебя из-под головы вынимают подушку,— на это он способен не был.

Неужели та сероглазая дала ему в мармеладе снотворное? Значит, он давно на крючке? И ему таким способом дают понять, что его намерения относительно квартиры Нестерова известны?

Чепуха какая-то. В это он не мог верить.

Брокман пошел на полянку, где они вчера пили чай. Машина и палатка стояли на месте. На кусте орешника были развешаны красный купальник и лифчики сероглазой блондинки. Полог палатки был застегнут, но Брокман, заглянув в щелку, увидел спящую Нину.

Он выбрался из кустов на берег.

Река и пляж были еще пустынны, только какой-то поджарый старик делал зарядку метрах в ста от него.

Брокман искупался. Вода была холодная, как раз такая, какую он любил и в какой ему давно не приходилось плавать. Выйдя на берег и обсохнув, он почувствовал облегчение. И ясно осознал, что надо доводить дело до конца, независимо от того, кто взял у него «Спидолу» — контрразведчики или случайный воришка. Он не допускал, что это контрразведка,— зачем так грубо работать на полпути?

Когда плавки высохли, он оделся и поехал в город. В начале шестого позвонил Нестеровым из автомата неподалеку от их дома. Телефон по-прежнему молчал. И Брокман, повесив мерно сигналившую трубку, отбросил последние сомнения. Пришло время действовать.

Машину, как было намечено вчера, он оставил у первого подъезда, ближнего к въезду со двора. Квартира № 57 была в третьем подъезде на третьем этаже.

Брокман поднялся по лестнице не торопясь. Открыл один замок, другой — вполне спокойно, как будто уже не в первый раз приходил в эту квартиру. Тревоги он не боялся — ему было сказано, что никакой оградительной сигнализации тут нет. Войдя, запер оба замка и накинул цепочку.

В квартире было душно. Он обошел комнаты, заглянул в кухню. По всем приметам, хозяева уехали недавно, но уехали не на один день: в двух комнатах кровати, шкафы и кресла были наглухо укрыты линялыми покрывалами явно не парадного назначения. Настенные часы в гостиной стояли.

В кабинете Брокман снял пиджак, повесил на стул и приступил к тщательному осмотру.

Прежде всего, конечно, стол и секретер. В секретере должен быть несгораемый ящик — вот он. Ключа от него заполучить не удалось, но его можно открыть легко, как консервную банку.

Однако нужно все-таки поискать ключ.

Брокман хорошо был обучен делать обыски незнакомых помещений, не оставляя собственных следов.

Минут через десять он нашел ключ от ящика.

Прежде чем сфотографировать лежавшие в нем бумаги, он сделал два снимка самого ящика — с закрытой дверцей и открытой. Вроде того как во время войны летчики для документальности фотографировали сначала сброшенные ими бомбы, летящие на цель, а затем эту цель уже после бомбежки.

Он работал, можно сказать, без всякого волнения. Даже полюбовался обнаруженным в ящике перстнем и примерил его — он был в самый раз на его мизинец.

На каждый отдельный листок он сделал по два дубля, а на три листа в ученической тетрадке — по четыре. Эти три листа показались ему наиболее важными именно потому, что не были вырванными из тетради, а значит, содержали что-то цельное.

Уложив все строго в первоначальном порядке, Брокман надел пиджак и посмотрел на свои часы. Было шесть часов. Дом еще не проснулся. Брокман вышел из квартиры, запер оба замка. На лестнице ему никто не встретился.

Через двадцать минут он припарковал машину там, где взял,— на площадке перед «Оргтехстроем», еще пустой в это время. Он оставлял ее в полном порядке, даже щетки дворников положил точно на то место, где они лежали до него. Лишь бензина сильно поубавилось, но до первой заправочной колонки добраться хватит.

На вокзал он шел пешком — не хотелось потеть в троллейбусе или автобусе, которые все были переполнены.

Что касается задания, он как будто мог быть доволен сделанным, но, перебирая все по порядку, не испытывал особенной радости. Осуществленный вариант не был решающим — он не сумел добраться до самого академика Нестерова, а лишь заполучил какие-то обрывки его рукописей. Теперь надо переправить пленку, спецы проверят, что он наснимал, и если этого окажется мало, то ему еще придется пожить у Линды Николаевны неизвестно сколько. Получается, в общем, что это не лучший вариант...

На вокзале Брокман первым долгом отправился за билетом. В кассовом зале было полно — к каждому окошку длиннейшая очередь. Выбрав одну из них, он стал в хвост и приказал себе не злиться ни на советский пассажирский железнодорожный транспорт, ни на инструкцию, запрещавшую ему пользоваться услугами «Аэрофлота» на том основании, что разведчику не следует лишний раз предъявлять паспорт кому бы то ни было, а тем более в официальном учреждении, хотя бы и таком, как агентство «Аэрофлот». Впрочем, Линда Николаевна говорила, что для покупки билета на самолет надо потратить гораздо больше времени, чем потом будешь лететь.

Выстояв часа четыре, Брокман, наконец, оказался перед окошком. В спальный вагон билетов уже не было. И в купированный тоже. «Берите, что дают»,— раздраженно сказал кто-то из стоявших сзади мужчин, и Брокман получил плацкартное место в общем вагоне.

Поезд отправлялся точно так же, как из Москвы сюда,— в 21.40. Выполняя установления инструкции, требовавшей не маячить на вокзалах, Брокман поехал в город и скоротал время в знакомстве с предприятиями общественного питания. Аппетит у него был, как всегда, отличный.

Он вошел в вагон за пять минут до отхода.

По дороге он подбил итоги поездки. До логова академика Нестерова ему добраться удалось — это плюс. Но был и большой минус: он остался без рации, и теперь у него единственный способ связи — расписанные по дням и часам разовые подвижные тайники. Плохо, очень плохо. Но делать нечего...

Имея в виду возможность того, что сероглазая подкатила к нему неспроста, он решил провериться так тщательно, как если бы от этого зависела его жизнь.

В Москву поезд прибывал, как и в город К., без четверти девять. Брокман колесил по столице до темноты, а потом сел в электричку. Но по пути дважды выходил на маленьких станциях и уезжал на следующей электричке. Хвоста за ним не было. Линда Николаевна открыла ему дверь в половине первого ночи.

Глава 21

КУТЕПОВ ДАЕТ ПОКАЗАНИЯ

Давно известно: когда человек сидит в тюрьме под следствием, для него неизвестность хуже любой определенности, даже самой страшной. Ожидание суда мучительнее самого суда, а приговор, даже самый строгий, снимает с души невыносимую тяжесть неопределенности.

Угадать состояние Кутепова после первых коротких допросов было нетрудно. Он лихорадочно старался определить, что именно и в каких пределах известно следствию, в чем его могут уличить неопровержимо и что пока находится в области предположений.

Как адвокат, он понимал и видел, что в той части, которая относится к Светлане Суховой, его алиби, подготовленное им не лучшим образом, ничего не стоит и, как он и опасался, было легко опровергнуто. Сейчас коренным был вопрос: жива ли Светлана? Если она даст показания, все остальные доказательства его вины обретут силу неопровержимых.

Но, несмотря ни на что, он страстно желал, чтобы она осталась жива. Он наизусть помнил статьи уголовного кодекса и знал, что за покушение на убийство с целью сокрытия дру-

гого преступления его осудят не мягче, чем за совершенное убийство. Однако тут вступало в действие другое грозное обстоятельство.

Марков упомянул Карла Шлегеля, оберштурмфюрера СС. Это значит, что контрразведчикам известно его, Кутепова, военное прошлое, ради сокрытия которого он был готов на что угодно, и, как вырисовывается теперь, совершенно зря. История с этим проклятым негативом, из-за которого он проник в квартиру Дмитриевых, только навредила ему. Зачем же еще смерть? Светлана должна жить, пусть живет!

Слова полковника Маркова, что Кутепов усугубляет свою вину, не говоря чистосердечно всю правду, пытаясь запутать и затянуть следствие, постепенно становились для Кутепова той истиной, не признавать которую может лишь безумец или тупой дебил.

Двое суток он не спал и ничего не ел, только пил воду. На третьи сутки попросил тюремное начальство сообщить полковнику Маркову, что Кутепов намерен дать показания...

У Маркова в кабинете были Павел и Семенов.

На двух круглых столиках у стены Кутепов, войдя, заметил разложенные ключи и замки, которые проходят по делу как вещественные доказательства, и то, что было взято у него при аресте.

Увидев Павла, Кутепов приостановился и несколько секунд смотрел на него в глубокой задумчивости.

— Вы решили говорить? — спросил Марков, когда Кутепов после повторного приглашения сел на указанный ему стул.

— Да. Я расскажу все с полной откровенностью. Я готов помочь следствию всем, что в моих силах.

— От вас требуется только правда.

— Разрешите мне задать один вопрос? — совсем несвойственным ему тоном, умоляюще сказал Кутепов.

— Пожалуйста.

— Сухова жива?

— Да.

Кутепов как бы весь обмяк.

— С чего же мы начнем? — сказал Марков.— Давайте-ка с самого начала. На кого вы работали и как все это произошло?

— В пятьдесят третьем году, осенью, я имел несчастье согласиться на сотрудничество с одним человеком, дал обещание оказывать ему кое-какие услуги. Он работал тогда в каком-то посольстве в Москве. До прошлого года меня не тревожили, а в январе я получил привет от того человека, и мне поручили вот это дело, которое теперь столь печально кончилось.— Справившись с первым волнением, Кутепов обрел дар свободно льющейся, складной речи.

Марков, вероятно, счел это угрожающим симптомом и остановил поток:

— Прошу вас быть конкретным. Что это за человек? Имя?

— Он представился как Арнольд.

— Каким образом вы познакомились? Почему он вам представился?

— Он знал меня.

— Откуда?

— У нас были общие знакомые.

— С войны?

— Понимаете, какая вещь...

— Мы облегчим вашу задачу.— Марков вынул из папки служебный формуляр бывшего гауптмана.

Кутепов вскользь бросил взгляд на желтый лист и заговорил быстро, как будто только и ждал, чтобы ему сделали напоминание.

— Да-да, идет оттуда. Обстоятельства, к сожалению, сложились столь неблагоприятно...

— Об этом вы расскажете в другое время,— опять остановил его Марков.— Чьим преемником был Арнольд?

— Я служил под командованием оберштурмфюрера СС Карла Шлегеля, вы о нем упоминали в прошлый раз. А у него был друг Хайнц Вессель, из разведки. Он приезжал из Берлина.

— Вессель вас завербовал?

— Если это так называется...

— Хорошо. Кто передал вам привет от Арнольда? И как?

— Он не назвал себя. Только пароль. Мы говорили какой-нибудь час... Он прекрасно знает русский.

— О чем шла речь?

— Он сказал, что мне надо завязать дружеские отношения с двумя подругами — Светланой Суховой и Галиной Нестеровой. Дал их адреса.

— Для чего познакомиться?

— О конечной цели не упоминалось. Он сказал, я буду время от времени получать инструкции. Так оно и было.

— Каким же образом мыслилось завязать дружбу?

— Это зависело от моей предприимчивости. Вы понимаете, при колоссальной разнице в возрасте мне не приходилось рассчитывать на что-то такое... В общем, надо было проявлять изобретательность.

— Во имя бескорыстной дружбы?

— Я должен был расположить их к себе, сделаться, так сказать, духовным наставником. Чтобы они чувствовали необходимость во мне.

— В каком направлении вы должны были их наставлять?

— Не хочу себя выгораживать, я говорю вам все абсолютно откровенно, но этот человек был очень циничен. Он сказал, надо искать в людях червоточинку, а если ее нет — постараться, чтобы она завелась.

— Как же вы приступили к исполнению задания?

— Сначала наблюдал за ними. У меня образовалось много свободного времени, когда вышел на пенсию.

— Что значит — наблюдали?

— Часто заходил в универмаг, где работала Сухова. Иногда сопровождал их по улицам.

— Они могли насторожиться.

— Какие подозрения может вызвать безобидный старик? И потом — они беспечны.

— В чем состоял ваш план?

— Познакомиться, а потом использовать маленькие человеческие слабости. Все ведь любят получше одеться, особенно молодые женщины.

— Вы делали подарки?

— Да.

— От имени итальянского инженера?

Здесь Кутепов впервые ответил с задержкой: ему потребовалось время, чтобы по достоинству оценить степень осведомленности людей, ведущих следствие. Наконец он сказал:

— Этот итальянец появился случайно. Он прислал посылку Светлане, и тогда у меня возникла идея использовать, так сказать, сам факт его существования. Я подал идею, ее одобрили и даже развили. Я, видите ли, вошел во вкус, мне нравилось, я словно ставил психологический опыт. Но он мог провалиться в самом начале.

— Почему?

— Я попал в объектив фотоаппарата другу Суховой, молодому человеку по фамилии Дмитриев.

— Подруги видели вас на карточке?

— Да, но не обратили внимания на сходство. Карточка небольшая, я там был немного не в фокусе. Я говорю — они очень беспечны. По-моему, Светлана даже не заметила пропажу этой карточки и письма от итальянца.

— Вы их украли?

— Если угодно так квалифицировать.

— Вы так боялись этих фотокарточек, что не побоялись проникнуть в квартиру Дмитриевых. Чтобы идти на такой риск, нужны серьезные причины. Они только в прошлом?

— Не совсем. И в настоящем тоже. Нельзя оставлять собственный портрет на руках у людей, против которых злоумышляешь.

— Вы что же, с первого шага знали, что кончится уголовным преступлением?

— Нет, нет, упаси бог! — воскликнул Кутепов.— Я вообще не предполагал, к чему все это приведет. Но в июне ко мне опять приехал из Москвы этот человек, я изложил ему в подробностях все, что узнал сам,— ну, взаимоотношения между молодыми людьми, немножко об их характерах. Сказал и об итальянце и что можно скомбинировать с его помощью, отдал ему письмо итальянца. Тогда-то он мне и посоветовал обязательно заручиться каким-нибудь предметом, принадлежащим Дмитриеву.

— Вам так и сказали — предмет должен годиться для совершения убийства?

Кутепов замахал руками.

— Нет, нет! Просто с появлением итальянца возникали определенные коллизии. Знаете — треугольник... Дмитриев — юноша горячий... Если что произойдет — могут заподозрить и его...

— Это ваши собственные соображения?

— Я только описывал ситуацию. Решения принимал этот человек.

— Он так и не сказал своего имени?

— Нет. И мы больше не виделись.

— Дальше вы действовали самостоятельно?

— Я регулярно получал инструкции.

— Кто их передавал?

— Делалось довольно просто. Мне звонили по телефону. Голос был всегда один и тот же, но кто говорил, я не знаю. Только не тот. Называлось несколько цифр, и я знал, что они означают. Я ехал на железнодорожный вокзал, находил нужный бокс в автоматических камерах хранения, набирал нужный номер и брал оставленную для меня сумку или чемодан. Чаще — сумку. Обычно было и письмо.

— Шифрованное?

— Употреблялась тайнопись.

— Это и были так называемые посылки из Италии?

— Да.

— Сколько их было?

— Три. Но, кроме посылок, был еще довольно дорогой перстень.

— Для кого?

— Просили устроить так, чтобы он попал к матери Галины Нестеровой. Она обожает драгоценности. Я устроил.

— Подарили?

— Нет. Но она уплатила за него до смешного мало.

— Сам Пьетро Маттинелли больше посылок не присылал?

— Если бы присылал, я бы знал. Сухова от меня ничего не скрывала.

— Скажите, кто же был главным объектом — Сухова или Нестерова?

— Сейчас я могу заявить совершенно определенно: Нестерова. Вернее, ее отец.

— Почему вы так уверены?

— Все шло в этом направлении. Я понял, в чем дело, когда получил приказ сделать слепки ключей квартиры Нестеровых и выяснить, есть ли у него сейф. Академика в городе всякий знает, но я постарался вникнуть поглубже и выяснил, что главная его работа не подлежит широкой огласке, это нанесло бы ущерб государству.

— Что вы имеете в виду?

— Вообще. Его научные работы. Ничего конкретного я, поверьте, не узнал. Это невозможно.

— Вы достали слепки?

— Да. И мне велено было сделать по ним ключи.

— А от несгораемого ящика?

— Этого мне не удалось.

— Что с ключами?

— Я останавливался в гостинице «Минск». Двадцать седьмого мая пришел в номер человек от них, назвался, представьте, Ваней. У него был ко мне пароль. Он потребовал ключи, я их отдал.

— И от своей машины?

— Я все делал, как приказывали.

— И письмо Светланы к Маттинелли?

— Да. Так было велено.

— Хорошо, скажите теперь вот что. Вы, насколько можно понять, воздействовали больше на Сухову. Почему?

— Посылки можно было привозить только ей, ведь именно за ней ухаживал итальянец. К тому же я очень скоро заметил, что в этой паре Светлана — Галя верховодит Светлана.

— Как же вы решились на убийство?

— Я пытался привлечь ее к работе от имени Маттинелли. Все делалось под маркой Маттинелли.

— Ну и что же?

— Я в ней ошибся. Она отказалась. Но главное — все испортил приезд итальянца. Видно, его не ожидали. Мне пришлось спешить, а когда торопишься — сами знаете... Она бы увиделась с итальянцем, и всему конец.

— Для чего вам понадобилось письмо Светланы?

— Это, вероятно, приберегалось для другого раза. Его велели хранить. Я передал его вместе с ключами.

— Вам советовали держать в руках Светлану, чтобы воздействовать на Галину Нестерову. По-вашему, это достаточно мощный рычаг?

— Светлана действительно имела на подругу очень большое влияние. Но было не только это. Вероятно, намечалось что-то еще. Во всяком случае, меня просили сказать подругам, что у меня есть племянник и что он скоро приедет. Предполагалось подружить его с Галей.

— Он не приехал?

— Не успел, как видно.

— А кто он такой?

— Я же его не видел.

Марков встал, подошел к столику, где было сложено то, что обнаружили при задержании у Кутепова. В паузе задал вопрос Семенов:

— Вам не говорили, для кого понадобится ваш автомобиль?

— Для племянника.

— Стоянку сами подбирали?

— Я долго работал юрисконсультом в тресте «Оргтехстрой», меня там все знают. И после я тоже часто пользовался их стоянкой, так что искать не пришлось. Самое подходящее место.

— На машине, между прочим, номера вы сменили. Для чего — понятно. Чтобы милиция не нашла. А откуда новые?

— Взял у знакомого.

— Как так?

— Он в больнице, пролежит долго, да и не известно, поднимется ли, подозревают рак. Просил присмотреть за его машиной. У него хороший гараж.

— С его согласия взяли?

— Нет, он не знает.

— Это что же, все экспромтом делалось?

— Я же говорю — делал, как приказывали.

— Вы себя все-таки непоследовательно ведете, Виктор Андреевич,— жестко заметил Павел.— Начали с того, что, мол, буду откровенным, готов помочь следствию и так далее. А из вас приходится по капле выжимать.

Кутепов испуганно взглянул на него.

— Извините, я не умышленно. Какие-то детали ускользают.

— Может, вспомните еще что-нибудь из деталей?

Виктор Андреевич действительно вспомнил.

— Ну, например, меня просили сделать доверенность на мою машину.

— На чье имя?

— Если не ошибаюсь — Никитин.

— Уже с новым номером?

— Да.

— Вы заранее все рассчитали.

— Это было нетрудно. Мною руководили.

— Куда вы девали гаечный ключ?

— Бросил в реку.

— Значит, рассчитывали, что все равно подозревать станут Дмитриева?

— Я только выполнял инструкции.

Марков вернулся на свое место. В руке он держал половинку рубля.

— Откуда это у вас и для чего?

— Это пароль. Мне дал его так называемый Ваня. Тогда, в гостинице.

— Пароль к кому?

— Двадцать седьмого июня я должен был приехать в Тбилиси, пойти в гостиницу «Руставели» и там встретить одного человека. У него вторая половина рубля.

— Что за человек? Как бы вы друг друга нашли?

— Ваня показывал мне фотографию. Даже две. Фас и в профиль.

— У вас хорошая память на лица?

— Благодаря профессии.— Кутепов повернулся к Павлу.— По-моему, мне показывали ваш портрет.

Сказанное Кутеповым составлялось с тем, что сказал Павлу так называемый Ваня, подобно двум половинкам рубля.

— Похож? — спросил Марков.

— Сразу можно узнать,— подтвердил Кутепов.

Марков обратился к Павлу:

— Объясни гражданину Кутепову, для чего вас хотели познакомить.

— Простите за бесцеремонность, у вас, кажется, золотые зубы? — спросил Павел, наклоняясь к Кутепову.— Ваня просил меня взять их у вас.

— Довольно мрачная шутка,— печально сказал Кутепов.

Маркову не понравилась форма, в которую Павел облек свое объяснение.

— Шутка действительно сомнительная, но Ваня предложил ликвидировать вас,— сказал Марков.— Сегодня разговор пока закончим. Вам дадут бумагу. Напишите все подробно, всю свою жизнь.

Продолжение следует.

В КЛУБЕ «НА ОГОНЕК» ОГОНЁК В КЛУБЕ «НА ОГОНЕК»

НАУКА ВОСКРЕШАТЬ

Выступает Савелий Ямщиков.

Вот они, эти краски — бархатная вишневая, новгородская алая, праздничная киноварь и рублевский «голубец»: лиловая, глазуревая, синяя, золотистая, изумрудная, ослепительно белая и коричневая — предмет исследований, монографий, диссертаций и профессиональных споров.

Мы говорим о красках древнерусской живописи и старинных портретов, вернее, о том, как обретают они второе рождение, ибо гостем редакции недавно был **художник-искусствовед Всероссийского научно-реставрационного центра имени академика И. Э. Грабаря Савелий Васильевич ЯМЩИКОВ.**

Себя называет он чистым практиком, рассказывает, что в студенческие годы было серьезное увлечение античностью, а вот привязанность к Древней Руси подтвердилась и укрепилась прежде всего тем, что памятники были «под рукой»: садись в пригородный поезд и через час проверяй, пожалуйста, знания на деле. Ямщиков вообще решителен и резок в оценках (что может поначалу испугать деликатного дилетанта), но его упорная, без отдыха и выходных работа — исследовательская, реставрационная, организаторская, искусствоведческая, литературная — свидетельствует лучше любых слов: занимается он ею не оттого, что памятники «под рукой», а из-за любви к делу, без которого он не смог бы, наверное, существовать. Десятки же первоклассных выставок по искусству древней Карелии, Пскова, Ростова Великого, Вологды; десятки составленных и прокомментированных им (о мечта библиофила!) альбомов, каталогов и книг; наконец, его причастность, не побоимся сказать, к сенсационным открытиям забытых русских живописцев, таких, как Григорий Островский и Ефим Честняков, свидетельствуют о том, что это и не только любовь, но преданность до подвижничества, до того почти сумасбродства, когда по одному, сообщающему о новой находке ночному звонку можно без раздумий сменить теплую постель на самолетное кресло.

Сам Ямщиков говорит по этому поводу: «Такая уж особенность нашего дела. Грабарю и его сподвижникам после революции предоставили целый корабль — яхту бывшего московского вице-губернатора: на этой-то яхте он провел в общей сложности годы, совершая экспедиции в сторону Новгорода и Архангельска. Кстати, именно тогда и было открыто множество уникальных, мирового значения памятников, без которых не обходится теперь ни одно серьезное исследование по истории русского искусства...»

Многое было сделано уже в первые годы XX века, когда расцвел интерес к старине, появились журнал и содружество «Мир искусства», когда энциклопедически образованные Бенуа, Дягилев, Сомов сквозь организационные препоны вынесли из пыльных кладовых и запасников наше древнее искусство и когда (что очень важно) исследования проводились одновременно с открытием самих памятников. Ученые в те времена были реставраторами, а реставраторы — учеными, и эта органичность подкреплялась зачастую происхождением: многие из них, уроженцы вековых иконописных сел Палеха, Мстеры, северных деревень, сызмала впитали незыблемые этические и профессиональные установки, переходившие от деда к внуку, от старшего мастера к ученику.

«А кроме того,— говорит Савелий Ямщиков,— это были «золотые руки», творящие чудеса без всякой «вспомогательной аппаратуры» и химии: нож-скальпель, кисть, нашатырный или винный спирт, подсолнечное масло — вот и весь нехитрый инструментарий тех подвижников, хотя большую часть наших государственных коллекций заложили именно они. А ведь с какими трудностями и непониманием приходилось сталкиваться! Когда, например, в 1904 году для «Троицы» по просьбе императорского археологического общества было сделано исключение, с нее сняли (что приравнивалось к ереси) оклад и иконописец Гурьянов открыл живопись Рублева,— Синод решил, что представшее очам зрелище никакого отношения к иконе не имеет, что вещь эта «языческая», и Гурьянову приказали записать все заново».

А потом, после 1917 года, была создана Всероссийская реставрационная комиссия, и это стало замечательным временем для исследователей и художников: они получили возможность работать в соборах Московского Кремля, в Загорске, храмах Новгорода, Пскова, Суздаля, которые таили произведения, закрытые столетиями: под золотом и драгоценными каменьями риз скрывались шедевры домонгольского периода, живопись Дионисия и Феофана Грека. Время это (по сути, вся первая четверть XX века) было для культуры замечательным еще и потому, что его представляли люди высочайшего уровня образованности.

«Я знаю, как трудно писать о памятниках, которые ты годами ищешь, изучаешь и реставрируешь,— рассказывает Ямщиков,— лишнего здесь не скажешь, памятник сам не позволяет словоблудствовать, уходить в сторону от сути. Так по крайней мере было, когда старое русское искусство только открывали: труды первых ученых и по сей день являются настольными книгами как у теоретиков, так и у практиков нашего дела. Теперь же открыты тысячи новых произведений, но, к сожалению, кое у кого развился и дурной журнализм: за двадцать лет работы во Всероссийском реставрационном центре я узнал лишь единицы людей, которые приходят смотреть новые открытия, а пишут о них десятки, и это уже научная профанация. Скажу о себе: когда я просмотрел сто икон, мне казалось, что я знаю чрезвычайно много, когда я просмотрел их тысячу — стал самонадеянно уверен, что постиг все. А вот когда, несколько лет назад, мы решили составить полную, «от гвоздя до гвоздя», опись древнерусской живописи в музеях РСФСР и когда таких музеев мы описали восемьдесят, мне стало ясно, что я пока, увы, в лучшем случае подающий надежды ученик...»

Восемьдесят музеев, десятки городов — Калинин, Ярославль, Вологда, Ростов Великий, Смоленск,— Россия. Сколько грабежей, пожаров, сколько бед пережила она! Сосчитать невозможно. Вот пробился солнечный лучик сквозь зашторенное музейное оконце, и плащ Георгия Победоносца, как алая вспышка пламени, занялся на белковой, ослепительной белизне. Иконописцу надлежит быть «смиренну, кротку, благогейну, не празднослову, не смехотворцу, не сварливу, не завистливу, не грабежнику, не убийцу». Для всего нужно созреть: до этого искусства тем более. Ибо в страстях Феофана, доброте и надежде Рублева, отрешенной созерцательности Дионисия главное — ч и с т о т а, которую не подделаешь, не подменишь ловкостью рук. Здесь языком красок говорится только то, что может быть выражено красками: столь же натурально и простодушно цветет цветок — ничем другим, кроме как самим собою, он быть не должен. Арифметическая задача странной простоты: «В XIV веке население Пскова составляло сорок тысяч человек. Со всеми страшными потерями, после целых столетий, после войн и стихийных бедствий к 1940 году в этом же городе сохранилось семь тысяч икон. Сколько же было художников в старинном Пскове?»

Не забудем к тому: книги украшались миниатюрой и буквицами, ткани вышивались шелками, храмы расписывались изнутри фресками, ювелирные изделия паялись сканью, да еще тесали камень, резали скульптуру, красиво ковали металл.

Вдвойне радостно это ощущение красоты, когда видишь перед собой лучшее из лучшего, шедевры из шедевров, как на не столь давней выставке «Реставрация древнерусской живописи в СССР», приуроченной к V Генеральной ассамблее Международного совета по вопросам памятников и достопримечательных мест (ассамблея проводилась в Москве и в Суздале).

Реставрация — наука воскрешать — сравнительно молода. Но успехи ее поразительны, неоценимы для всей отечественной культуры.

«У нас в руках ключ к разгадке не одних русских, но и мировых загадок»,— утверждал Грабарь.

Реставрационные выставки особенно часто разворачивались в минувшем десятилетии. Многое изменилось в методике сохранения, изучения памятников древнерусской живописи. Прежде всего была практически решена проблема создания научной базы для реставрационных работ. Усовершенствовалась технология реставрационных процессов. Были введены новые, более унифицированные способы расчистки. Доказана эффективность универсального применения последних достижений науки и техники, важность связи между научными лабораториями и производственными участками на различных этапах раскрытия древней живописи.

Сегодня реставратору, помимо творческого подхода к работе и профессиональных навыков, необходимы глубокие знания в области физики и химии.

Микроанализ показал: тончайшие разделки, киноварные буквы, лежащие на золоте или серебре, воздушные красочные плави без утрат сохранялись только при использовании смесей органических растворителей, составленных реставраторами вместе с химиками.

Вот лишь один пример. В Москве, в Успенском соборе Кремля, художник-реставратор Ю. Мельников выполнял обычные работы по консервации. Дошел до иконы «Богоматерь Умиление». Добротная, хорошо сохранившаяся вещь XVIII века, она ни у кого прежде не вызывала особого интереса. Всего-то и должен был сделать Мельников, что снять потемневшую олифу и покрыть памятник свежим защитным слоем.

Реставратор убрал серебряный оклад, поставил с краю иконы пробный компресс. Как только из-под записи замерцало старое золото, памятник тут же отправили в рентгеновский кабинет: под слоем краски Мельников обнаружил шедевр живописи XII века. На древней доске открылось одухотворенное лицо женщины, которое художник создал восемьсот лет назад.

В последние годы сделано немало таких открытий. Они не только еще раз подтверждают общий высокий уровень древнерусской культуры и раздвигают наши представления о неповторимом своеобразии старой живописи, но и доказывают: местные мастерские играли в развитии национального искусства не менее важную роль, чем столичные школы и внешние заимствования.

Новые открытия подтверждают основную мысль советских исследователей и ученых, что заимствования никогда не были чисто механическими, всегда кардинально переосмысливались. Новгород, Псков, Владимир, Тверь — каждый из этих городов России соз-

давал произведения искусства. Они, эти произведения, отличаются разнообразием художественных приемов. Но их можно объединить общими гуманистическими устремлениями, поисками духовной красоты.

Памятники древнерусской живописи, как и все реликвии прошлого, охраняются в нашей стране бережно. Государственные мероприятия по собиранию и охране культурных ценностей помогли спасти уникальные образцы древнерусской живописи. Стараниями наших замечательных специалистов расширены древнерусские отделы таких крупнейших коллекций, как Третьяковская галерея и Русский музей. Заново созданы музейные экспозиции в Новгороде, Суздале, Пскове, Вологде, Ярославле, Ростове Великом и других исторических центрах Древней Руси.

С. В. Ямщиков рассказывает: «Когда я стал ездить по музеям с обследованием памятников древнерусской живописи, то не посмотреть, что лежало в соседней комнате, означало обокрасть самого себя. Так у меня появилась еще одна любовь — старый русский портрет. Любовь оказалась не безответной, и в Костроме я случайно столкнулся с живописью Григория Островского. Но что значит «случайно»? Не случайно я поехал в Кострому, не случайно мне вещи Островского директор музея Виктор Игнатьев показал. Но суть в том, что он до меня эти портреты показывал многим искусствоведам, реставраторам, и каждый говорил: «Ну и что, подумаешь, портретов XVIII века у нас немало. Пусть лежат, заприходуйте единицей хранения...»

Всему свой час: Григорий Островский, доселе никому не ведомый живописных дел мастер, явился весной 1972 года, в крохотном городишке Солигаличе: там в запасниках нашли его произведения. Сказать теперь просто — тогда же дело оказалось канительным, сложнейшим: из-за пелены разложившегося лака угадать руку мастера было равносильно дьявольскому ребусу. Кроме того, краска слоилась, еле держалась на разбухших, покоробленых, обветшалых холстах: брать их в руки, переворачивать, переносить можно было лишь с величайшей осторожностью. Везли в Москву, как вывозят неразорвавшиеся снаряды,— тихим ходом на автомашине, на «АН-2» до Костромы, на большом самолете до столицы. Затем в мастерских анализировали тканые волокна, просвечивали картины рентгеном, ультрафиолетовыми, инфракрасными и гамма-лучами, пропитывали рыбьим клеем, сажали «на место» пузыри, чинили дыры, снимали лак (стоит руке дрогнуть, и вместе с ним уйдет живопись), наконец, дописывали утраты. Вот они, аксаковскими словами говоря, «мои светлые и темные образы, мои добрые и недобрые люди... действующие лица великого всемирного зрелища»: Елизавета Петровна Черевина и Прокофий Иванович Акулов, Михаил Иванович Ярославов и пятилетняя Анна Сергеевна Лермонтова: ровные дуги темных бровей, полуулыбка, синие глаза, матовый отблеск жемчужной сережки и бисер на худенькой шее.

С. В. Ямщиков: «О Григории Островском писалось уже много, ему был посвящен целиком второй выпуск «Новых открытий советских реставраторов», специальный альбом. Озаренный ли это был гением художник, как считаю я, или «просто» чрезвычайно талантливый, каким называют его некоторые другие исследователи,— не об этом теперь хочу сказать, а о том, что Островский, в отличие от многих его знаменитых современников,— живописец чисто русский, тут самое главное и таится. О совершенстве формы и чистоте стиля, которых добивались мастера древнерусского искусства в незыблемом, отвлеченно-пластическом каноне, известно. И, конечно, накопленный в течение столетий «иконописный пошиб» не мог исчезнуть бесследно. Как верно подметил один из теоретиков: «Перенимая западный манер, петровское искусство не растворялось в европеизме. Скорее наоборот — древнерусская традиция цепко удерживала свое место в новаторстве, а западный манер неспешно, но неуклонно перестраивался на русский лад». Иконописная же выучка Григория Островского (как, впрочем, и Вишнякова, Антропова, Аргунова) очевидна, ему близок и понятен язык парсуны, и он сохраняет старинные навыки даже в своих самых светских портретах. Да и подписывался он, как это делали мастера XVII века. Здесь, по-моему, разрешение важнейшей искусствоведческой проблемы: до недавних пор некоторые исследователи почти не признавали так называемые русские примитивы позапрошлого столетия, совершенно не вдумываясь, что перед их авторами стояли другие, нежели, чем перед западными, живописные задачи. Причем не уверен, что последние в этом споре одерживали верх. Я ничего не имею против западных мастеров, но известно, что Петр I «на ловлю счастья и чинов» приглашал в свое время их целый «отряд», названный россикой (среди которого выявились и первоклассные художники: Рослен, Каравакк, Растрелли), однако ведь и те, кто были иконописцами, не бросили кисть, они продолжали работать — пусть не при дворе, а в «дворянских гнездах», в каких-нибудь Новоселках. Вот мы и решили сделать альбом памятников портретной живописи XVIII—XIX веков из музеев маленьких русских городов. Взяли Калинин, Кострому, Тулу, Смоленск, и когда все картины были сфотографированы, выложены в стройную систему, то оказалось, что ранний русский портрет — это серьезное историческое и художественное явление. А потом, обследуя Ярославль, Углич, Переяславль, мы открыли для себя и новые имена, например, переяславского художника XIX века Павла Календаса, пройти мимо которого было просто невозможно. Это, конечно, не Кипренский, не Брюллов, но это живописец удивительной точности, простоты и разительного своеобразия. Или углицкий мастер Иван Тарханов, который в двадцати трех замечательных портретах создал своеобразную летопись города Углича середины прошлого столетия. Или Дмитрий Коренев с его галереей тонких, умных, сложных психологических характеров. Перед ними всеми стояла тема бытописания, тема отражения той жизни, в которой они вращались: когда смотришь на их «типы», то невольно ловишь себя на мысли, что это великолепные иллюстрации к Пушкину, Гоголю, Островскому. Разве не похож на Петра Гринева молодой человек в красном кафтане на портрете Новгородского собрания? Разве живописец Меньшой Верзин еще в 1787 году, в портрете некоей Шатиловой, не предвосхитил образы к «Старосветским помещикам»?»

Савелий Ямщиков говорил о своей работе, и по мере его рассказа становилось ясно, что настоящая любовь к искусству действенна. Она не ограничивается лишь постижением колорита и валеров, очарованием обратной перспективы, объемом и плоскостью на доске или полотне — она еще и в том, чтобы сохранить наше прошлое.

Рассказ С. В. Ямщикова записали
А. БАСМАНОВ и Ю. ТЮРИН

Дмитрий Коренев. Портрет С. П. Шишкина. Конец XVIII века. Ярославский музей-заповедник. До реставрации.

Тот же портрет после реставрации.

ИЗ ПАМЯТИ НЕ ВЫЧЕРКНЕШЬ

До войны наша семья жила в поселке Приволжский Астраханской области на правом берегу Волги.

Осенью и зимой 1942 года через Волгу начали строить деревянный мост из бревен, скрепленных скобами. Фронт был уже близко, фашисты очень торопились занять Астрахань. Днем и ночью вражеские самолеты бомбили наш берег. Но, несмотря ни на что, солдаты продолжали опасную работу под командованием Ялозы Виктора Кирилловича. Я не помню, сколько ромбиков было у него на петлицах, но хорошо помню, как смел и отважен был этот коренастый, небольшого роста человек, говоривший с характерным украинским акцентом. Строительство моста он не прерывал, несмотря ни на что. Особенно страшно было во время ночных бомбежек. Фашисты спускали на парашютах светильники, и становилось так светло, что можно было найти иголку в стогу. А вражеский самолет преследовал бегущего человека до тех пор, пока тот не падал, расстрелянный. Мы видели воду Волги, розовую от крови людской. Она текла от Сталинграда, а по берегам стояли фанерные щиты с надписями: «Некипяченую воду не пить», «Осторожно — бомба!»

Много мы пережили: и холод, и голод, и лишения.

Наш маленький домик был всего в 500 метрах от строящегося моста. Дверь к нам не закрывалась, продрогшие, усталые солдаты часто заходили немножко обогреться, передохнуть.

Чуть подальше от Волги стоял красный кирпичный дом, вокруг него были установлены наши зенитки. Девушки-зенитчицы день и ночь отбивали яростные атаки фашистских самолетов. Даже нам было жарко от разрывов зениток и страшно от падающих осколков. Но самое главное — враг ни разу не попал в мост! Сейчас того моста нет, насыпи — тоже, все разровняли, как будто ничего и не было. Только наш маленький домик так и стоит на берегу Волги. В нем находится прорабская.

Прошло много лет после войны. Но мы помним наших героических защитников. Очень хотим узнать, жив ли тот командир — Ялоза Виктор Кириллович, который руководил строительством моста через Волгу.

П. КАСИМЦЕВА

Душанбе.

ЗЕМЛЯ ВРАЩАЕТСЯ К ВОСХОДУ

Владислав ШОШИН

●

Памяти Вс. РОЖДЕСТВЕНСКОГО

В пути, отмеренном судьбою,
Была всегда твоя строка
Улыбкой мая голубою,
Живой водою родника.
России радостные дали,
Зарю маячную вдали
Твои нам песни открывали,
Твои нам песни берегли.
Звучала в них твоя забота
О новых днях земли родной,
Звенел в них голос патриота,
В истоке нежности стальной.
Не будет больше встреч,
как прежде,
И скорбь не выразят слова...
Но к новой жизни и надежде
Спешит в рассвет твоя Нева.
Бегут страдой сентябрьской дети
С рассветом в самый первый
класс,
И, значит, снова на рассвете
Твой голос руку им подаст.
И будут песни — молодые! —
Все новых юношей вести,
Пока цветет твоя Россия...
А ей вовек не отцвести!

ТРЕВОЖНЫЙ ТРЕУГОЛЬНИК

А. МИГУНОВУ

Московская застава,
Простор во все концы,
Налево и направо
Высотные дворцы.
А я другое помню
И сердцем берегу —
Бревенчатый и скромный
Твой дом на берегу.
Страна войну узнала,
Наш город принял бой.
У тихого канала
Простился я с тобой.
И взмыл он в небо с болью,
Как жизнь моя сама,
Измятый треугольник
Солдатского письма.
Куда летишь крылато,
Мой голос огневой?
Не стало адресата
Блокадною зимой.
Лишь в небе с прежней болью
Спешит в простор полей
Тревожный треугольник
Печальных журавлей.
Летите, молодые,
Летите в путь другой.
Пусть крылья вам литые
Не опалит пургой.
Но пусть в дали огромной
Приснится сквозь пургу
Бревенчатый и скромный
Тот дом на берегу...

●

К жизни распахнуты двери,
К смерти открыты щедрей...
Хочется, хочется верить
В синее счастье морей!
Чайка летит над заливом,
Словно нет края у дня...
Хочется верить порывам
Жгущего сердце огня.
Ищет малышка беззубый
В лепете связную речь...
Кто же осмелится грубо
Поиски эти пресечь?
Знаю, и звезды дробятся,
Падают, сердце гася...
Тучи над миром клубятся,
Только им верить нельзя.
Хочется, хочется верить
В синее счастье морей!
К жизни распахнуты двери,
Солнце стоит у дверей.

●

Очарованная тропка,
Предрассветный холод рос,
То в лугах ты вьешься робко,
То ныряешь под откос.
От покоса до покоса
Твой извечный путь лежит,
Белоногая береза
След рабочий сторожит.
Ты выходишь из тумана
На простор страды большой...
Эй, друзья, вставайте рано
Все, кто молоды душой!
В чаще пасмурно и знобко,
Но недаром даль звенит:
Очарованная тропка
К новым подвигам манит.
К новым подвигам — великим
Достояниям веков,
Освященным огнеликим
Одобреньем облаков...

●

Прогалины, проселки,
Просторный небосклон,
Суровый холод елки,
Осинок перезвон.
Шексна-река красива,
Красна река Ловать,
Какая может сила
От счастья оторвать?
Лесной тоски приволье,
Ржаная зыбь полей...
Какая может доля
Привидеться милей?
Разливы медуницы,
Дождя косой ушат...
Весной вам даже птицы
Аукнуться спешат.
Летят от нильской сини,
Которой нет теплей,
В объятия России,
Единственной своей...

ТВОЕ ПИСЬМО

Я полон был тоски туманной,
Я был как ночь в сиянье дня.
Твое письмо пришло нежданно,
Твое письмо спасло меня.
Принес его случайный ветер
Иль почтальон принес его,
Но только нет теперь на свете
Меня счастливей никого.
Осенний мир дожди косили,
Тускнело золото берез,
Уж на исходе были силы,
И не хватало сердцу слез.
Твое письмо вдруг зазвенело
Превыше хора всех обид,
Не жаль, что роща облетела,—
В душе, зеленая, шумит.
За все тебя благодарю я,
За возвращенную зарю,
За горький трепет поцелуя,
За все тебя благодарю.
За мир — распахнутый и смелый,
В котором солнце зажжено,
Всего — за лист бумаги белой,
Что залетел в мое окно...

МАТЕРИНСКАЯ ПЕСНЯ

У дороги в ранней рани
Вольный дуб шумит листвой.
Возле дуба на поляне
Сын мой спит в земле сырой.
Прихожу я в час рассвета,
На закате прихожу...
Почему в могиле этой,
Почему не я лежу?
Дуба вечная вершина
Все стройней за тридцать лет.
Ну, а сына, ну, а сына,
Ну, а сына в мире нет.
Он красивый был, кудрявый,
Нежный был и озорной...
Что мне делать с вечной славой,
Если сына нет со мной?
У дороги в ранней рани
Вольный дуб шумит листвой.
Возле дуба на поляне
Сын мой спит в земле сырой.
Только снится образ милый...
Люди! В чем моя вина?
Пусть бы рухнула в могилу
Проклятая мной война!

●

Коршуном уходит мгла ночная,
Иволга приветствует зарю...
Многого на свете я не знаю,
То, что знаю, твердо повторю.
Честное да будет в мире честно,
Мужеством да славится поэт,
Сыну я сложу о правде песню,
Пусть ее он примет как завет.
Луч, еще несмелый, тронул воду,
Крылья расправляют камыши,
И земля вращается к восходу
Вечным обновлением души!

Ленинград.

ЗАБЛУЖДЕНИЯ КАК СТУПЕНЬ К ИСТИНЕ

Первая мысль, возникающая после прочтения новой книги Ирины Радунской: право ли издательство, предуведомляющее в аннотации, что сюжет книги — заблуждения великих ученых?

Действительно, Ирина Радунская анализирует влияние заблуждений ученых на ход эволюции науки, на развитие человеческой мысли, прослеживает, как некоторые ошибочные теории будили воображение, стимулировали азарт преодоления и в результате ускорили прогресс целых областей знания.

Но прежде всего эта книга — психологический анализ взаимоотношений людей, становления их характера и мировоззрения, возникновения и развития их научных пристрастий, и главное — анализ противоречий не только между людьми, но и внутри сферы их глубочайших интересов, противоречий внутри самой науки. Ибо заблуждения ученых, особенно если это крупные ученые, возникают не в результате простых ошибок, которые легко выявить и устранить. Заблуждения часто являются отражением глубочайших внутренних противоречий в самой природе, противоречий, проявляющихся в научных теориях.

Внутренние диалектические противоречия явлений природы невозможно устранить, они лежат в основе основ, и их нужно лишь понять. Правильно понять и понятно объяснить. И на этой стадии, к сожалению, возникают заблуждения — когда очевидное принимается за истинное и объявляется достоверным.

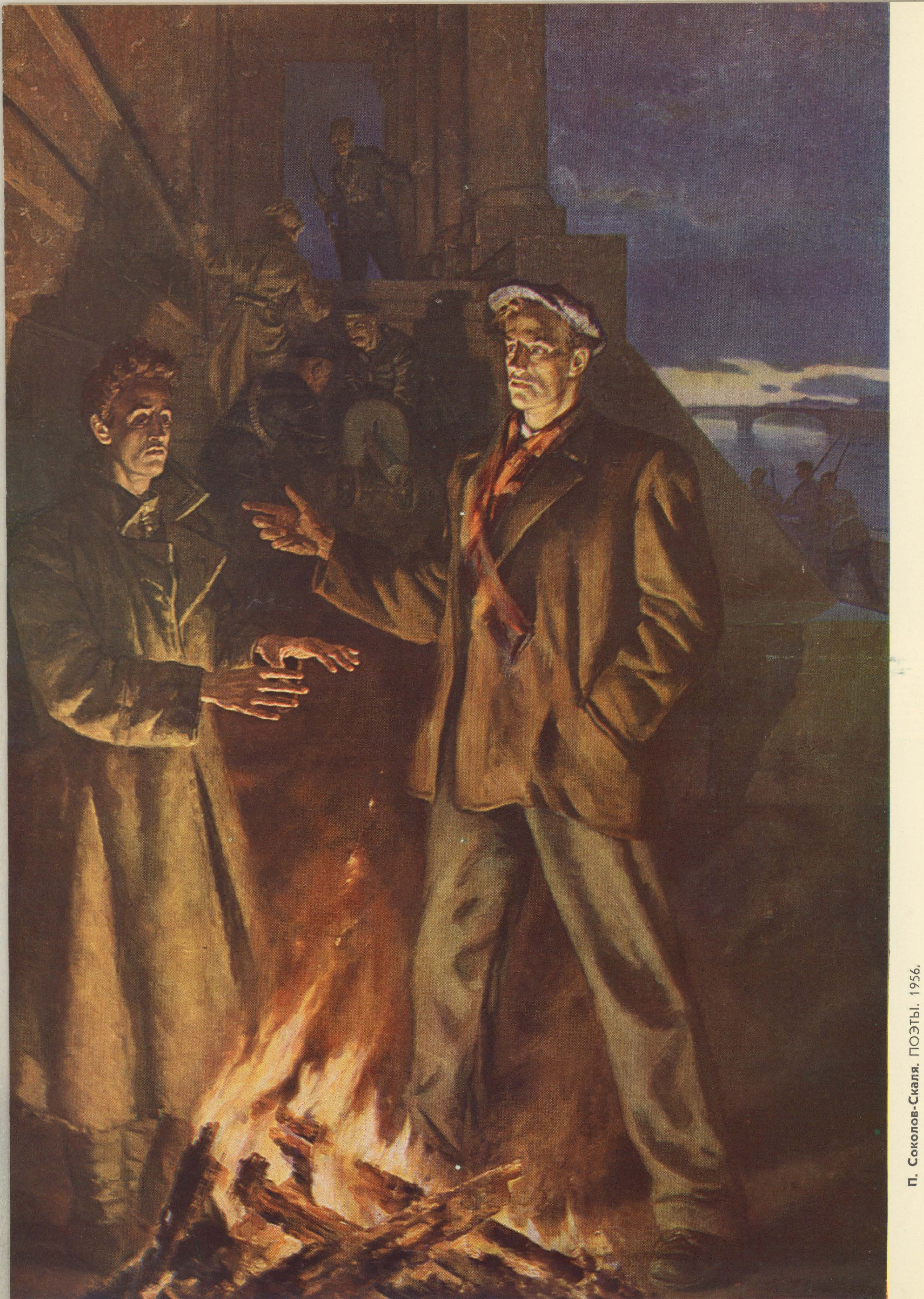
Достоинством книги «Предчувствия и свершения» является не только то, что она иллюстрирует, как на протяжении веков человеческий разум учился отделять истинное от ложного. Не только то, что она приоткрывает перед молодым читателем необозримые просторы для поиска и приложения сил. Но и то, что читатель, в том числе и давно вышедший из юношеского возраста, с неотрывным вниманием следит за жизнью людей, за развитием идей, связанных в неразрывное целое. В наш век научно-технической революции подобные книги соответствуют потребностям множества читателей, особенно интересам молодежи. Они способствуют формированию марксистского мировоззрения, стремления к активному творческому труду.

Е. Н. БАЗАРОВ,
профессор,
доктор физико-математических наук

Ирина Радунская. Предчувствия и свершения. М., «Детская литература», 1978, 350 стр.

П. Соколов-Скаля. КРАСНОДОНЦЫ. 1948.

КРЫМ. МЕЛАС. 1958.

П. Соколов-Скаля. ПОЭТЫ. 1956.

ПОДМОСКОВНАЯ САФРА

«Товарищ СЭВ» на нашем Люберецком заводе сельскохозяйственных машин имени Ухтомского — это тростниково-уборочные комбайны для Кубы. Я работаю в заводской многотиражной газете и каждый день встречаюсь с людьми, которые своими руками собирали эти машины, а потом отправлялись с ними на остров Свободы. Столько я слышал рассказов о сафре, что кажется, будто сам там побывал...

Больше двух тысяч машин работало в нынешнюю сафру на тростниковых плантациях Кубы. Машина заменяет сто и более мачетерос. Но комбайны не просто освободили от тяжелого труда десятки тысяч человек. Раньше сафра растягивалась на долгие месяцы, а убирать тростник лучше всего в марте — мае. Механизировать уборку — значит получить и более высокий урожай.

Заказ наш завод получил в 1963 году. Первыми были прицепные комбайны. За несколько лет собрали их на заводе без малого тысячу штук. Потом пошли самоходные. Но и те и другие обладали существенным недостатком: не могли убирать полеглый и перепутанный тростник. А на Кубе он не редкость: ливни и ветры превращают плантации в непроходимые заросли. Немало времени и сил затратили конструкторы, прежде чем появился нынешний КТП-1. В 1970 году два опытных образца, отправленные на полевые испытания, получили самую высокую оценку.

Но до того, как советские машины «освоились» на кубинских полях, им пришлось выдержать серьезную конкуренцию. В это время там работали также комбайны западногерманской и австралийской фирм. Испытать машины решили в провинции Орьенте, на обычной плантации.

— Отвели для работы,— вспоминает слесарь-сборщик Александр Гаришин,— участки метров по триста длиной. За штурвалы сели кубинские механизаторы. Тростник убирали зеленым — в нем сахара больше, но метелки, как у нашей кукурузы, и уборка с ними намного сложнее. Западногерманский «Либертадор», скоро ясно стало, не тянет против нашего — метелки забивают вентилятор. Да и австралийский плохо был приспособлен для уборки зеленого тростника. После уборки стали мы поле осматривать. Комбайн срезает тростник, очищает его от листьев, измельчает. Смотрим, у конкурентов вместе с листьями порядочно и тростника на поле осталось... Словом, наша взяла!

— А я был на сафре два года спустя, в провинции Пинар-дель-Рио,— продолжает слесарь Виктор Шиманский.— Мы проверяли машины уже в работе, учили кубинских друзей обслуживать их. Каждый из нас все старался «свой» комбайн найти, тот, который сам в Люберцах собирал. Нашел и я. Как тут удержаться, не поработать на «своем»? Луис, мой напарник, машет рукой: давай! Осторожно подъезжаю к тростнику. Дома непривычно было на сборке: кабина высоко расположена, весь агрегат словно на цыпочки приподнялся. А здесь в самый раз: тростник высокий, только кабина над ним и видна. Комбайн идет ходко, толстые стебли перед ним через мгновение уже очищены от листьев, изрублены. За час работы — тридцать тонн измельченного тростника. Оглядываюсь — Луис показывает большой палец.

...День двадцать шестого июля минувшего года — годовщина штурма Монкады — был праздничным и в Люберцах. Сотни людей собрались, чтобы проводить в дальний путь последний комбайн, собранный здесь по заказу Кубы. Виновник торжества, сверкая свежей желтой краской, медленно прокатил по центральному заводскому проспекту. В тот же день пришла телеграмма с Кубы: в Ольгине сошел с конвейера сотый КТП-1. И праздник стал праздником вдвойне. Ведь строили ольгинский завод, налаживали там выпуск комбайнов вместе с кубинцами и наши товарищи.

Совсем недавно вернулся из Ольгина Николай Семенович Васильченков. На заводе имени Ухтомского он с 1945 года, прошел все ступени от слесаря до начальника экспериментального цеха, где рождались комбайны для Кубы. Николай Семенович — один из тех, кто непосредственно занимался организацией производства этих машин и на Кубе. В первый раз он приехал в Ольгин в 1965 году, еще до начала строительства там завода. Был это тихий, провинциальный городок, а теперь крупный промышленный центр. Завод по выпуску комбайнов — это тридцать пять тысяч квадратных метров производственных площадей, самое новое оборудование.

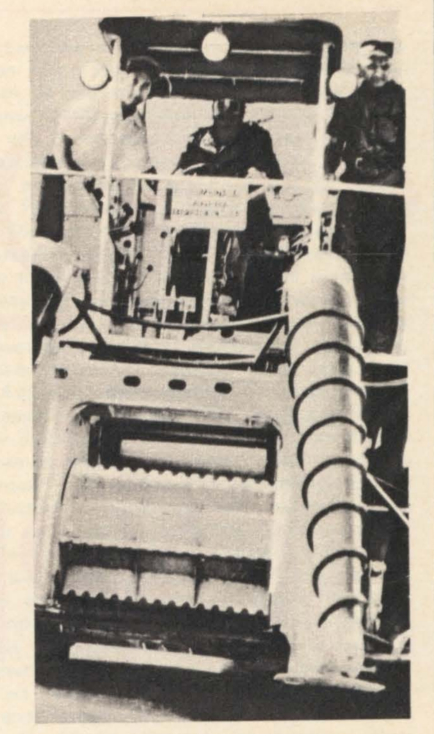
Большинство из тех, кто работает на нем, учились мастерству в Подмосковье. Прошло уже несколько лет, как последняя группа уехала на родину, но и сейчас в Люберцах дом, где они жили, по старинке называют «кубинским».

— И там, в Ольгине, нас не забыли,— улыбается Николай Семенович.— Вошел я в цех, меня окружили, стали расспрашивать. Вдруг кто-то трогает за плечо. Смотрю: молодой парень. «Узнаете?» — спрашивает по-русски. Присмотрелся — да это же Альгаберто! Потом подошли Пабло, Альберто, Андрес — все наши, «люберецкие». Альберто и Пабло стали опытными слесарями-сборщиками, Альгаберто — бригадиром, Андрес — заместителем начальника цеха. Ольгин был в центре внимания Кубы. Две задачи нужно было решить: завершить пусконаладочные работы и обучить большую группу кубинских рабочих. Наконец, 26 июля 1977 года — день пуска завода. На торжественном митинге первый кубинский комбайн вывел из цеха Фидель Кастро.

Совместная работа продолжается и сейчас. В Люберцах занимаются улучшением конструкции тростниковоуборочного комбайна. Отсюда в Ольгин идут комплектующие узлы и детали. На кубинском заводе работают специалисты из Люберец, передают свои опыт и знания друзьям. И каждый год их ждут на сафру — для всех них она стала общим делом.

А. АГАПОВ

Люберцы,
Московская область.

26 июля 1977 года. Первый тростниковоуборочный комбайн, собранный в Ольгине, выводит Фидель Кастро.

Н. С. Васильченков (второй справа) со своими кубинскими коллегами.

УРОК БОЛГАРСКОГО

В январе 1951 года на Кемеровский азотно-туковый завод прибыли болгарские рабочие. На их родине, в Димитровграде, строился химический комбинат, а кадров для него не хватало. Вот советские рабочие и обучали болгарских друзей. У моей сестры, старшего аппаратчика Валентины Григорьевой, было четыре болгарских ученика: Иван, Стоян, Цено и Никола. Ребят окружили вниманием и заботой, старались все показать, объяснить. Вместе они были на работе и в часы досуга. Болгарские друзья тепло отзывались о наших рабочих. Прощаясь, приглашали в гости к себе в Болгарию. А Цено, когда у него родилась дочь, назвал ее русским именем Валя в честь моей сестры, своего наставника.

Болгары провели в СССР девять месяцев. Но разлука была недолгой. В конце года Валя и еще три девушки из Кемерова поехали в Димитровград, чтобы участвовать в пуске комбината. Тут у них были новые ученики, а те, «кемеровские», уже работали самостоятельно и обучали других.

Было трудно: незнакомая страна, приходилось брать уроки болгарского и обучать русскому новых друзей. Тем приятней была победа — комбинат пустили на полгода раньше срока.

Особенно часто сестра вспоминает Петю Иванова, одного из своих болгарских учеников. Было ему тогда пятнадцать лет. Он очень старался, хотел поскорее начать работать самостоятельно. А у моей сестры быстрая речь, так Петя все ходил за ней от машины к машине и просил: «Чакай малко, чакай малко», то есть говори помедленнее. Они оставались после смены, работали по 10—12 часов в день. И через полгода Петя Иванов стал самостоятельным аппаратчиком.

Очень много рассказывала Валя о Болгарии, о своих друзьях. У одного из них, Николы Антонова, был сынишка лет двух, а уже знал много русских слов. На стене висела большая карта, и Антонов-младший всем показывал, где расположена Москва и далекий сибирский город Кемерово. Сам Никола подарил Вале свою фотографию с такой надписью: «На память о вечной нашей дружбе. Мы будем вместе строить коммунизм!»

Валентина Дмитриевна Григорьева и сейчас работает на азотно-туковом заводе в Кемерове. Она не забыла своих болгарских друзей, с которыми ее познакомил «товарищ СЭВ». Может быть, они в Болгарии прочтут «Огонек» и отзовутся?

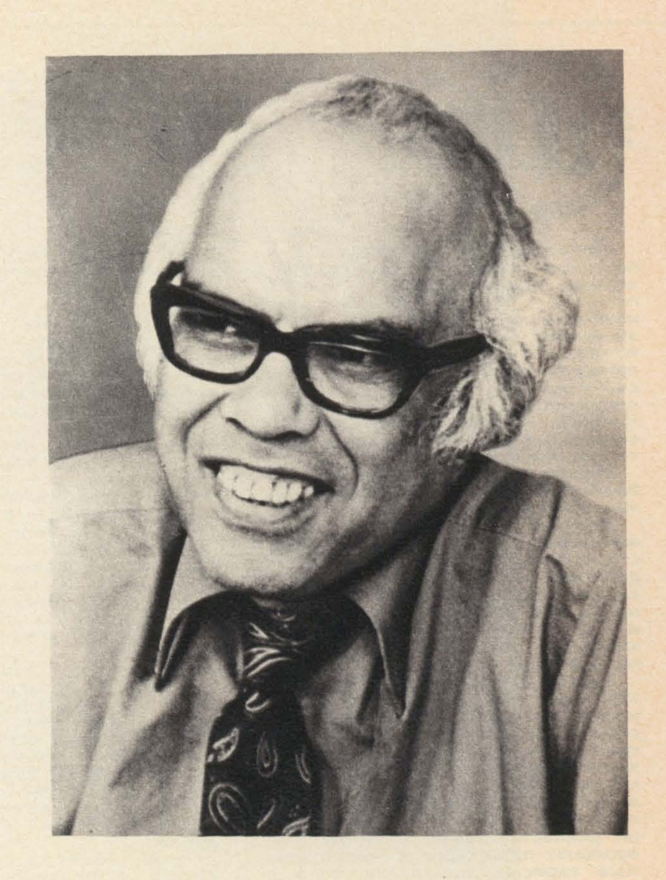
Л. МУРАТОВА

Томск.

Кемерово, 1951 год. Болгарские друзья среди рабочих азотно-тукового завода. Вторая слева в третьем ряду — В. Григорьева, в верхнем ряду первый слева — Стоян, второй — Цено, четвертый — Никола.

«МОЙ ПУТЬ — БОРЬБА»

Юрий **КОРНИЛОВ**

Выпущенный недавно московским издательством «Прогресс» сборник «Избранные произведения писателей Южной Африки» — первый такого рода сборник в нашей стране — включен наряду с другими рассказ Алекса Ла Гумы «Свой дом». Рассказ небольшой, всего в две с половиной странички, но прочтите его, и, уверен, вы почувствуете, как у вас защемило сердце. Сюжет этого произведения прост и в то же время глубоко трагичен, как трагична вся жизнь коренных обитателей ЮАР. Грузчик Джонас и его жена Кора, ожидающая ребенка, остались без крова, а между тем приближается зима, когда никак не обойдешься без крыши и очага. Скитаясь по дорогам страны, они обнаруживают на поляне огромный бак для воды, дырявый, старый, никому не нужный. Вот он, свой дом! Джонас и Кора скребут и чистят ржавые стенки, оклеивают их картоном, сооружают очаг и теплыми летними вечерами сидят у своего жилища рядышком, глядя на сверкающие машины, мчащиеся по шоссе. Это — почти счастье. И вот, когда в глазах Коры засиял тот свет, которым озаряется сама мать-земля ранней весной, к дому подъехал фургон с полицейскими: «Жить здесь запрещено указом министерства здравоохранения!» Полицейские ломами разрушают жилище, и тихо плачет Кора, и Джонас, оглушенный гневом и горем, видит, как меркнет свет в глазах жены... Как же родился этот рассказ?

— На окраине моего родного Кейптауна высится гора, на склоне которой лепится «тенемент» — убогий и нищий городок бедноты, целиком слепленный из гнилых досок, старых рекламных щитов, из кусков фанеры и ржавой жести,— рассказывает Ла Гума.— Там жили, да, думаю, и сейчас живут многие из моих друзей. Там я встретил и Джонаса — он, правда, был не грузчиком, а каменотесом, и звали его иначе, но все остальное совпадает почти в точности. Рассказ «Свой дом» — это кусочек реальной жизни народа Южной Африки...

Мы встретились с Ла Гумой в Москве, куда он приехал на несколько дней по делам Ассоциации писателей стран Азии и Африки. Писателю — за пятьдесят, серебристые пряди красиво оттеняют вишневую смуглость его твердого, спокойного лица, но он улыбчив, быстр в движениях, а темные глаза блестят задорно и молодо.

— Сейчас обдумываю план своего шестого романа; пятый, «Время птички-мясника», только что вышел из печати в Англии. Тема? Разумеется, я остаюсь верным избранной дороге: речь идет о борьбе против империализма и расизма на моей родине, в ЮАР. Сюжет не выдуман, он опять-таки взят из гущи жизни: главный герой, африканец, мстит белому, из-за которого погиб его брат. Эта месть жестока, жертвы велики, но пролитая кровь не приносит мстителю удовлетворения: он видит, что на смену одному расисту приходит другой, еще более жестокий. Постепенно, шаг за шагом, жизнь подводит моего героя к мысли, что с расизмом, с апартеидом нельзя покончить средствами индивидуального террора — для этого нужна массовая организованная борьба...

Каждый писатель приносит в литературу крупицы своей биографии, своего личного жизненного опыта. Это вдвойне верно для Ла Гумы, чья жизнь сама по себе могла бы послужить канвой для героической и увлекательной повести о человеческой стойкости, мужестве, верности избранным идеалам. Он родился в Кейптауне в семье рабочего-сапожника Джимми Ла Гумы, который еще в юности прочел Маркса и Гегеля, а к тридцати годам приобрел известность как видный деятель рабочего движения, один из основателей Южноафриканской коммунистической партии (ЮАКП). Когда Алексу было два года, его отец — первым из южноафриканских коммунистов — побывал в Москве, на праздновании 10-й годовщины Октябрьской революции. Из советской столицы он привез в Кейптаун портрет человека в скромном костюме и матерчатой кепке, с зорким взглядом светлых, чуть прищуренных глаз. Этот портрет стал единственным украшением крошечного домика Ла Гумы, прижавшегося к другим таким же домишкам в рабочем квартале Кейптауна, и маленький Алекс, подрастая, часто был свидетелем того, как рабочие, собиравшиеся по вечерам у отца, подолгу вглядывались в лицо человека на портрете, и в тесной, бедно обставленной комнатушке, где плавали клубы сигаретного дыма и лежали на столе плотные, еще пахнущие типографской краской пачки листовок, звучало как партийный пароль и боевой лозунг имя, так хорошо знакомое пролетариям всего мира: «Ленин».

Дорога отца — это часто и дорога детей: Алекс был еще безусым юношей, не окончившим школу, а рабочая молодежь Кейптауна уже знала его как активного комсомольца, организатора бурных молодежных манифестаций, участники которых, сжимая в руках транспаранты с призывами покончить с эксплуатацией и расизмом, смело шли навстречу солдатским штыкам. В 19 лет рабочий кейптаунского металлического завода Алекс Ла Гума становится членом коммунистической партии. Его дальнейшая жизнь — это полная горения, невзгод и опасностей жизнь коммуниста-подпольщика, страстного публициста. Один за другим следуют аресты: центральная тюрьма Кейптауна, что на улице Ролландстрит, «Яма смерти» — тюрьма на каменистом, бесплодном острове Роббен, созданная на месте бывшей колонии прокаженных, страшный каменный мешок в Иоганнесбурге, известный под названием «Форт». Там, в «Форте», заключение было особенно тяжким: Алекс знал, что вместе с ним полиция схватила и Бланш, его невесту, занятую организацией партийных ячеек в одном из рабочих предместий. Где она, что с ней? Эти мучительные вопросы рождали бессонницу... И вдруг (это было в день 7 ноября) в перечеркнутое стальной решеткой оконце камеры ворвалась мощная мелодия «Интернационала». Пели в женском отделении тюрьмы, и этот звонкий, задорный голос он узнал бы из тысячи голосов: то пела Бланш! Он подхватил песню, за ним последовали другие заключенные, и вот уже слова славного пролетарского гимна звучат над тюрьмой, заглушая проклятия и ругань тюремщиков...

— На протяжении ряда лет я активно сотрудничал в прогрессивных органах южноафриканской печати, таких, как «Драм», «Файтинг ток», «Нью Эйдж», но о писательстве не помышлял,— вспоминает Ла Гума.— Но вот однажды — это было в конце пятидесятых годов,— роясь в нетронутых книжных завалах в лавке знакомого букиниста, я обнаружил увесистый том: «Максим Горький. Избранное». Горький? Но ведь это запрещенный, «красный» писатель, о нем не раз с восхищением говорил отец. Поздним вечером, вернувшись с завода, я при свете коптилки читал, точнее — глотал новую книгу, и у меня

было отчетливое ощущение человека, который долго находился в тесном, душном помещении, где не хватало кислорода, и вдруг неожиданно получил возможность полной грудью вдохнуть свежий воздух. Поражали не только открыто бунтарский дух горьковского слова, не только удивительно яркие, выпуклые образы героев. Сразу же, с первых страниц, возникла и прямо-таки вгрызлась в мозг неожиданная, как мне тогда казалось, мысль: да ведь всех этих людей я знаю, знаю! Пусть у нас, в Южной Африке, они живут во многом иначе, чем там, в далекой России, но ведь это те же самые люди: рабочие, мастеровые, обитатели городских трущоб... Мы вместе росли, мы играли на пустырях и делили пополам единственную маисовую лепешку, мы дружим и сейчас — но неужели эти люди могут быть героями литературы? А если это так, то почему бы и мне не попробовать рассказать о тех, кого я так хорошо знаю?.. Тогда-то я и послал в газету «Нью Эйдж», проводившую литературный конкурс, свой первый в жизни рассказ «Ноктюрн» — речь в нем шла об отчаявшемся бродяге, голодном и бездомном, который, решив совершить кражу, вдруг застывает как зачарованный под окном дома, где девушка играет на пианино... Через неделю меня пригласили в «Нью Эйдж» и старый редактор, чье имя с уважением произносили в партии, сказал: «У тебя талант, Алекс. Но помни: слово, как птица,— рождается с крыльями. Всегда, что бы ни случилось, рассказывай правду и только правду о нашей стране и о нашей борьбе».

Говорить правду, только правду! — эти слова были и остаются девизом Ла Гумы. Именно поэтому каждая его повесть, каждый сборник рассказов — беспощадное обвинение империализма. Кто не знает, что представляет собой ЮАР, этот бастион расизма, где насчитывается более 26 миллионов жителей, но всеми делами заправляет "белое меньшинство», подвергая свыше 20 миллионов черных и «цветных» самой жестокой эксплуатации, лишая их элементарных человеческих прав? Это страна, где африканцы (а их доля в общей численности населения составляет более 70 процентов) имеют право лишь на 13 процентов земли, да и эта земля представляет собой бесплодную пустыню. Страна, где на 44 000 африканцев приходится один врач, где детская смертность среди африканцев впятеро выше, чем среди белых, а три процента населения постоянно находятся за тюремной решеткой. Страна, которая наряду с другими мрачными «рекордами» держит мировой рекорд по числу собранных полицией в расчете на душу населения отпечатков пальцев: в гигантской, оборудованной электронной техникой «дактилоскопотеке» зарегистрировано почти 15 000 000 африканцев! Обо всем этом мы хорошо знаем, но Алекс Ла Гума, бесспорно, добавляет к нашим знаниям нечто новое: его творчество помогает миллионам людей глубже понять, какие огромные опасности несет империализм народам Африки, дает возможность вблизи, крупным планом увидеть звериный оскал расизма. Со страниц его произведений Южная Африка встает такой, как она есть: гигантские «гетто» для черных и цветных, где в скученности, в болезнях, в тяжелом, непосильном труде влачат существование огромные массы бесправных людей; полицейские участки с их неистребимым кислым запахом крови и рвоты; старые тюрьмы, построенные еще во времена королевы Виктории, и тюрьмы новые, сооруженные уже в наш «просвещенный век»; покосившиеся, продымленные рабочие бараки, для обитателей которых наличие грошовой работы — уже счастье, а самое редкое праздничное блюдо — горшок убоины по шесть пенсов за фунт. И снова тюрьмы, и лачуги безработных, и выложенные холодным, равнодушным камнем камеры пыток, и залы судебных заседаний, где само слово «закон» звучит как издевательство или горькая ирония, ибо черных и «цветных» тут не судят — с ними расправляются.

Да, страшная страна, страна-тюрьма, страна-застенок встает перед читателем со страниц книг Ла Гумы — но с какой любовью, с каким уважением и гордостью говорит он о своих соотечественниках — обитателях расистских гетто! И как хорошо он знает их — и этих суровых, молчаливых черных горняков с золотых и алмазных приисков, и портовых грузчиков, и водителей грузовиков, и измученных тяжелой долей женщин, и оборванных, худых ребятишек, пытающихся отыскать что-либо съестное в мусорном ящике, и бродяг, которых суровая, беспощадная жизнь столкнула на самое «дно», но которые и там стараются сохранить главное — свое человеческое достоинство. А рядом — вереница иных персонажей, говоря о которых писатель не скрывает презрения и гнева. Современные рабовладельцы, принадлежащие к верхушке «белой элиты». Их подручные — бесчисленный сонм полицейских, сыщиков, платных и бесплатных доносчиков, судей, палачей. И все это — отнюдь не некая аморфная масса. Вот жалкий уголовник Солли, играющий в тюрьме роль добровольного шута: «Он был смятой, смазанной, набранной петитом, жалкой копией человека, с глазами как два расплывшихся плюса под морщинистыми веками, со ртом, как нечеткое тире между двумя глубокими скобками». Налетчик, ограбивший бакалейную лавку: «У него было круглое коричневое лицо, и улыбался он до ушей, показывая красные десны — словно взрезали арбуз». Полицейский сержант: «Красное лицо хищно улыбалось белыми губами, как раскрытый капкан». Тюремный писарь: «Он ухмыльнулся — его угрюмое лицо словно рассекли топором от уха до уха». Всего несколько строчек, жесткое, но всегда неожиданное и меткое сравнение, острая метафора, зорко подмеченная деталь — и любой, даже второстепенный персонаж, приобретает четко выраженную индивидуальность, его видишь, запоминаешь...

— Правители ЮАР жестоко расправляются с безоружными демонстрантами, они устраивают массовые кровавые побоища в африканском пригороде Иоганнесбурга Соуэто — но особенно безжалостно эта свора гиен преследует тех, кто стремится говорить правду,— рассказывает Ла Гума.— В ЮАР, этом расистском заповеднике, который словно в насмешку именуется «республикой», любое проявление свободомыслия рассматривается как тягчайшее преступление против «безопасности государства» — я уж не говорю о том, что империалисты и расисты издавна и с особой страстью подвергают гонениям африканскую культуру и литературу, стремясь представить их как нечто хаотичное, не имеющее какой-либо ценности и не связанное с мировой цивилизацией. Стоит ли удивляться, что и моя литературная, журналистская работа с самого начала вызывала взрыв ярости в Претории? Более 11 лет я провел за тюремной решеткой. Когда же создалась ситуация, при которой даже и насквозь лицемерный расистский суд уже не решался открыто, на весь мир обвинять писателя в «подрывной деятельности», министерство юстиции прибегло к другой, особо изощренной форме преследования, особым декретом приговорив меня к пятилетнему «домашнему аресту». Это означало полную изоляцию: пять лет я был не вправе покидать свой дом, мне было запрещено встречаться с друзьями, видеть родных. В 1966 году, когда стало известно, что «домашний арест» будет продлен еще на пять лет, друзья из руководства Африканского национального конгресса посоветовали мне: вам нужно уехать, Алекс, здесь, в ЮАР, расисты твердо решили задушить вас, как писателя. Месяц спустя мы с Бланш уже сходили по судовому трапу на английскую землю. В скромном багаже, доставленном на нашу новую квартиру в Лондоне, находились рукописи книг, которые не удалось опубликовать в Кейптауне и, конечно, портрет Ленина, привезенный из Москвы покойным отцом.

Может ли быть для человека наказание страшнее, чем лишение его Родины? Можно ли ранить писателя глубже, чем толкнув его в эмиграцию, вырвав из родной почвы, которая всегда питала его творчество, лишив возможности общаться с соотечественниками, которым он прежде всего и адресовал свои выношенные, выстраданные, кровью написанные строки? Правители ЮАР, вынудив Алекса Ла Гуму покинуть родные края, рассчитывали, что тем самым нанесли «бунтовщику из Кейптауна» смертельный удар. С тех пор прошло 13 лет. И что же? Ла Гума признан ныне крупнейшим современным писателем Южной Африки, его произведения изданы и издаются огромными тиражами почти в 20 странах мира, в том числе в СССР и ГДР, США и Англии, Португалии и Вьетнаме, Польше и Швеции. Он удостоен высокого звания лауреата международной премии «Лотос». Его страстные призывы к борьбе против империализма, расизма, за мир и дружбу между народами в полный голос звучат на многих важных международных форумах, проводимых Организацией солидарности народов Азии и Африки, Всемирным Советом Мира. На состоявшейся в июне 1979 года в столице Анголы — Луанде VI конференции писателей стран Азии и Африки он единогласно избран генеральным секретарем этой авторитетной международной писательской организации. Нужны ли иные доказательства того, что творчество Ла Гумы признано и высоко оценено и самым широким кругом читателей в разных странах и его собратьями по перу? И Алекс Ла Гума продолжает борьбу, он полон ярких творческих замыслов и, обращаясь к расистским правителям ЮАР, он говорит им устами одного из своих героев — стойкого борца против апартеида, чей образ выведен им в повести «В конце сезона туманов»: «Вам больше ничего не остается как стрелять, пытать, убивать. Народ отвергает вашу власть. Ваш конец близок. Вы катитесь с горы в бездну и хотите прихватить с собой побольше народу, чтобы не подыхать в одиночку...»

— Повесть «В конце сезона туманов» написана несколько лет назад, но уже тогда стало окончательно ясно, что расизм в ЮАР обречен,— говорит Ла Гума.— И дело не только в том, что против этого варварского режима и его покровителей на западе все более решительно выступает вся международная общественность. Главное в том, что в самой ЮАР выросли, созрели, окрепли силы, способные взять в свои руки развитие событий. Времена, когда один из друзей моей юности, пастух, всю жизнь перебивавшийся подаяниями деревенской общины и выведенный в той же повести под именем Элиас, мучительно ломал голову над вопросом: «В чем же дело? Ведь мы такие же, как они. Почему же мы целый день батрачим на них, а на свой надел времени не остается?»,— эти времена прошли навсегда! Теперь миллионы людей на моей родине хорошо понимают, «в чем дело», отчетливо знают, кто подлинный виновник бесчисленных человеческих трагедий, повседневно, ежечасно разыгрывающихся на юге Африки. Это империализм. Народ ЮАР борется не против белых — борьба идет против реакции, угнетения, фашизма, расизма, гнев прорастает в сердцах миллионов, его горькие зерна все сильнее стучат в их мозг. И я верю, убежден, что не за горами час, когда над моей родиной загорится рассвет, когда над ней будет поднято знамя свободы...

Медленным движением он стряхнул голубоватый пепел с дымящейся сигареты, помолчал, улыбнулся.

— И знаетѐ, о чем мы мечтаем иногда вдвоем с Бланш? У нас есть внук, его назвали Джимми — в честь моего отца, которому, как я уже говорил, еще более полувека назад выпала честь и счастье побывать в СССР, на родине социализма. Маленький Джимми никогда не видел Африки. И вот, раздумывая с Бланш о будущем, мы видим в мечтах нашу свободную страну, навсегда разорвавшую цепи рабства, и родной красавец — Кейптаун, и просторные книжные магазины, путь книги к которым не преграждает злобная и тупая цензура, и светлый дом в новом рабочем квартале, где живет наш внук Джимми, свободный гражданин свободной страны. А на стене его квартиры — портрет человека в скромном костюме и матерчатой кепке, тот самый портрет, который мой отец, Джимми-старший, много лет назад привез из советской столицы и который с тех пор бережно хранится в нашей семье как самая драгоценная реликвия...

Он еще с минуту помолчал и закончил:
— Так будет, будет! Но путь к этому один: борьба.

«Лючия ди Ламмермур» — Е. Мирошниченко.

Л. Сморгачева—«Жизель».

Д. Гнатюк в роли султана («Запорожец за Дунаем»).

ТЕАТРУ СТО ЛЕТ И ДВА ГОДА

гастроли

В. МОРОЗОВА,
фото А. СТЕПАНОВА

Настало лето, и Москва запестрела афишами, извещающими о приезде в столицу гостей — театральных коллективов из самых разных городов страны. Куда же пойти, что окажется самым интересным?

Завзятые театралы эту проблему решили для себя давно. И когда у подъездов Большого театра и Кремлевского Дворца съездов появились афиши ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени академического театра оперы и балета Украинской ССР имени Т. Г. Шевченко с его лучшими пятнадцатью спектаклями, мнение любителей оперного и балетного искусства оказалось единодушным: слушать и смотреть надо все работы коллектива, славного своими музыкально-сценическими традициями,— ищущего, неповторимого...

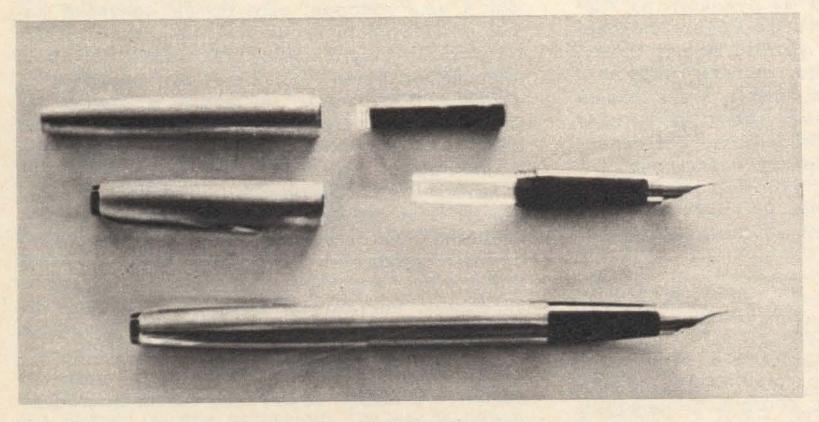
Два года назад этому театру с берегов Днепра исполнилось сто лет. Сколько же прекрасных образов появилось за это время на его сцене, начиная с первой постановки — оперы А. Верстовского «Аскольдова могила». Какие прославленные певцы были в труппе: М. Литвиненко-Вольгемут, И. Кипаренко-Даманский, И. Паторжинский... Украинский театр славен и своими выдающимися режиссерами, такими, как Н. Смолич, С. Сергеев, В. Манзия, В. Чабукиани, В. Вронский. Дирижеры В. Бердяев, А. Орлов, А. Пазовский, В. Пирадов и многие, многие другие мастера множили эту славу, укрепляли широкую известность талантливой труппы.

— Наш сегодняшний коллектив объединяет более тысячи чело-

ВЕЧНЫЕ «ВЕЧНЫЕ» РУЧКИ

РАССКАЗЫ
О ПРОСТЫХ ВЕЩАХ

К. БАРЫКИН

Авторучка со сменными баллончиками — новинка Московского завода пишущих принадлежностей, та самая, что пока без названия.

Фото И. Тункеля

Стефан Цвейг то ли восхищается, то ли сетует: «Двадцатипятилетний Бальзак ежемесячно изводит пять дюжин вороньих перьев...» Чем только в старину не писали: тростниковыми палочками, соломинками, вороньими перьями. Но «Азбука российского правописания» советовала: лучшими являются гусиные перья. Грамотных становилось все больше, и туго пришлось бы гусям, не придумай Джозеф Брама «вечное» перо, «авторучку» прошлого века. Это было сооружение! Под потолком висел бачок с чернилами, и они по резиновым трубочкам сбегали вниз, к металлическим стерженькам. Чуть сожмешь такой пальцами, чернила не стекают, а отпустишь — пошла писать контора! Именно контора: «вечные» перья устанавливали в банках, нотариатах, иных присутственных местах...

Когда появилось металлическое перо, оно не сразу вошло в обиход. Поль Сезанн в письме Камилю Писсаро извинялся: «Дорогой Писсаро, я принужден отвечать на Ваш волшебный карандаш металлическим острием, то есть металлическим пером». Уже в наше время Юрий Олеша попытался отыскать тот временной рубеж, за которым осталось птичье перо: «...в эпоху, когда писал Гоголь, нет, пожалуй, позже — ну, скажем, в эпоху Герцена, уже пребывавшего в Лондоне,— можно было услышать обсуждение, кто чем пишет. Один говорил, что пишет, конечно, стальным пером! Другой: «Что вы, что вы! Я только гусиным! Разве можно что-нибудь написать стальным?»

Мы вспоминаем обо всем этом в одном из цехов Московского завода пишущих принадлежностей имени Сакко и Ванцетти — солидного, авторитетного поставщика современных авторучек.

— В производственной программе нашего завода гусиных перьев, как известно, нет.— Директор предприятия Г. Николаев говорит серьезно, без улыбки.— Но известно такое предположение: форму свою, форму маленькой заостренной трубочки закрытое перо скорее всего позаимствовало у гусиного. И это не консерватизм, а рациональность природной конструкции.

Однако ныне закрытое круглое перо встречается все реже. Дирек-

век,— рассказывает главный режиссер театра Д. Н. Смолич.— Сюда входит шестьдесят солистов оперы и сто пятьдесят артистов балета. У нас большой хор и оркестр. В репертуаре театра 22 оперы и 20 балетов. Ну, вот теперь, кажется, с цифрами мы покончили,— улыбается Дмитрий Николаевич и знакомит меня с заместителем директора по творческим вопросам Игорем Андреевичем Энгстремом, предлагая ему включиться в нашу беседу.

— В Москву мы приезжали с лучшими нашими спектаклями, зная, как строга, взыскательна и, может быть, даже избалованна московская публика,— говорит Энгстрем.— Тем более нас волновало, что гастроли в столице проходили в год 325-летия воссоединения Украины с Россией. Это делало гастрольную поездку серьезным и почетным творческим отчетом. И надо сказать, что рукоплесканиями, цветами и улыбками москвичи одарили нас щедро, с поистине русской широтой и хлебосольством, но мы-то не обольщаемся: возвращаясь домой, много раз и строго обсудим все наши удачи и просчеты, вспомним каждый отдельный спектакль, каждую роль и даже каждую сцену...

Вернемся и мы в тишину зрительного зала... Звучит прекрасная музыка Доницетти. На сцене влюбленные: Лючия — народная артистка СССР Е. Мирошниченко и В. Федотов в роли Эдгара; они клянутся в верности, обмениваются кольцами... Чистое, нежное, яркое колоратурное сопрано выдающейся певицы на редкость гармонично сочетается с открытым, свободно льющимся голосом молодого певца В. Федотова. Нет слов, чтобы выразить, как прекрасна «Лючия ди Ламмермур».

Неповторимы и герои оперы С. Гулак-Артемовского «Запорожец за Дунаем». Искрометным юмором блещут дуэты Одарки (в этой роли народная артистка УССР З. Христич) и Ивана Карася (заслуженный артист УССР В. Герасимчук). Неподражаемо комичен хитрый царедворец Селихага в исполнении заслуженного артиста УССР В. Скубака.

Эту оперу привезли в Москву в новой редакции, очень свежо осуществленной народным артистом СССР Д. Гнатюком. Выступив в новой для себя роли режиссера, сам певец с блеском исполняет роль могущественного турецкого султана. Простота, естественная веселость героев сделали это представление изысканным и чарующим.

Успеху всех спектаклей в большой мере способствовали не только живость и выразительность вокальных характеристик, не только наличие звезд (А. Кочерга, А. Мокренко, В. Третьяк, Л. Юрченко, Е. Колесник и другие), но и хор, редкий по красоте звучания (хормейстер — народный артист УССР Л. Венедиктов).

Достаточно вспомнить мощные колористические хоры «Хованщины», где раскрываются и душевные движения больших народных масс, комментируются, обобщаются психологические ситуации, относящиеся к жизни главных героев. Кажется, что мелодия, возникая по мановению дирижерской палочки, переливается всеми тончайшими оттенками удивительного инструмента — человеческого голоса...

Вообще этот спектакль, где участвует большая часть труппы, раскрыл особенно ярко дарования украинских артистов. Цельный, глубоко драматический спектакль показал огромные возможности всего сценического ансамбля. Интересна работа режиссера И. Молостова, художника Ф. Нирода, музыкального руководителя и главного дирижера С. В. Турчака.

— Стефан Васильевич,— обращаюсь я к Турчаку,— наверное, опера М. Мусоргского — одно из ваших любимых сочинений?

— Да. Мне особенно близки по духу большие русские оперы: «Хованщина», «Борис Годунов», «Князь Игорь», «Иван Сусанин». А в итальянской опере мой любимец — Верди, его «Аида», «Отелло»... Конечно, есть в моем репертуаре и балеты; совсем недавно мы поставили «Дафниса и Хлою» Равеля. Естественно, я исполняю всю украинскую советскую классику, в том числе три оперы Г. Майбороды: «Милана», «Ярослав Мудрый» и «Тарас Шевченко». Нравится мне музыка В. Губаренко, это один из наиболее ярких представителей плеяды молодых украинских композиторов; я дирижирую его оперой «Гибель эскадры», где органично сплавлены черты монументальной оратории с типично оперными выразительными средствами... Замыслы большие: хочу вернуться к мировой классике — Моцарту, Бетховену, Веберу... Есть в планах Стравинский — балет «Весна священная» и опера «Соловей». Сейчас ставлю «Тоску» Дж. Пуччини. Считаю, что обязательно должны возродить «Тараса Бульбу» Н. Лысенко, «Золотой обруч» Б. Лятошинского, «Богдана Хмельницкого» К. Данкевича... Когда все эти планы осуществятся, можно будет в полный голос говорить о нашем театре как о подлинно академическом. Сейчас в нашей труппе и в оркестре много молодежи. Это и хорошо и трудно, скажу напрямик. Почему хорошо, это ясно. А трудно потому, что требуется еще много усилий, чтобы молодежь органично вошла в нашу труппу, не нарушая целостности коллектива...

Интересно прозвучали у киевлян не только новинки, но и традиционные спектакли: «Фауст» Гуно, «Жизель» Адана, «Тихий Дон» Дзержинского, «Катерина Измайлова» Шостаковича, «Ромео и Джульетта» Прокофьева, «Спартак» Хачатуряна...

Вспоминая балеты, хочется особо сказать именно об искусстве молодых — Л. Сморгачевой (Жизель), С. Лукине (принц Альберт), Е. Косменко (Меркуцио), Н. Прядченко (Красс), Р. Хилько (Эгина).

Они показали высокую культуру танца, хороший вкус, отменный профессионализм. Четок и слажен у киевлян и кордебалет.

Порадовал театр зрителей и новыми для москвичей спектаклями: балетом М. Скорульского «Лесная песня» по одноименной пьесе Леси Украинки (балетмейстер В. Вронский, постановщик Н. Скорульская, дирижер К. Еременко, художник А. Волненко) и балетом Г. Жуковского «Девушка и смерть» (постановка Г. Майорова, дирижер А. Ануфриенко, художник А. Бурлин).

Впереди у театра снова работа и работа — и нет ей конца.

— Сейчас нам предстоит подготовка к 1500-летию Киева. Относится эта торжественная дата к 1982 году, но мы,— сказал на прощание главный режиссер Д. Н. Смолич,— должны заранее готовить достойный репертуар.

Сцена из оперы Г. Майбороды «Милана».

тор показывает мне авторучку, перо которой имеет форму несколько непривычную: сложный изгиб переходит в прямую плоскость, а она завершается крохотным, едва заметным, добротно отшлифованным шариком. Пробую: отлично пишет!

— Это одна из новых разработок. Перо упрочнено рутением.

Если обычное перо должно без порчи «пробегать» около десяти километров, то рутениевое — двадцать. Много это или мало? Посчитайте: за минуту человек — в среднем — успевает написать столько букв, что, растяни их, получится линия всего лишь в сто сорок сантиметров.

Новое перо создано на Ярославском заводе объединения «Союзоргтехника» и очень подходит московской авторучке, чернила для которой расфасованы в небольшие полиэтиленовые ампулы. Заменить опустевшую ампулу на полную проще простого. А чернил в таком баллончике достаточно на два дня работы.

— Полагаем, что уже в конце этого года новая авторучка АР-602 поступит в магазины,— говорит директор завода.— Перо у нее, как видите, стальное. Но есть модели и с золотыми перьями. Какие лучше? Кому что нравится. У стального — если позволительно так сказать — характер стальной. У золотого — золотой, оно мягче.

Кстати, заводы проектируют выпуск ручек с регулируемой линией письма. Перья будут мягкими, средней жесткости, жесткими.

Ведущие предприятия страны готовятся к выпуску моделей экстра-класса. Образцы уже одобрены. Но это не значит, что такие авторучки появятся через месяц-другой. Автоматическое перо — прибор сложнейший. Точности такие, что и часовая промышленность может им позавидовать. А начнут испытывать авторучку, диву даешься — как только она терпит такое? При мне — было это уже на ленинградском заводе «Союз» — заправленные чернилами ручки заложили в какое-то подобие чертова колеса, раскрутили его, и вдруг на всем скаку — бац! Замерло колесо, как вкопанное. Проверку на «экстремальные условия» ручка прошла...

На ленинградском заводе «Союз» создали перья (простите, шарики) для работы в космосе. Я видел такую ручку, немного даже писал ею. Прямо скажу, приятно было писать ручкой, которой пользуются на орбите. Завод имеет отзывы на свою продукцию. Один из них пришел непосредственно из космоса, от В. А. Шаталова, с борта «Союза-4», по горячим, как говорится, следам: «Благодарю ленинградских рабочих за изготовление автоматических ручек. Пишут хорошо во всех положениях...»

На заводе я поинтересовался основными тенденциями в производстве авторучек. Предпочтение ныне отдается ручкам — перьевым и шариковым — с корпусом из металла. Бóльшая надежность, прочность, совершенство формы и современный вид, конечно, при хорошей отделке. Будущее, говорят специалисты, принадлежит ручкам с корпусом из нержавеющей стали. Они практически «вечны», не поддаются коррозии, не изнашиваются. Конструкторы отдают предпочтение открытому перу, наборному механизму в защитном корпусе, сменным баллонам. В шариковых ручках наметился переход к уменьшению диаметра шарика. У нас уже делают шарик не миллиметровый, а меньше — тонкая линия письма, меньше расход пасты, и, следовательно, увеличивается срок службы ампулы. Вот бы такую да Джозефу Браме...

В перспективе — инкографы: внешне все, как у шарика, а пишет чернилами. И перографы — авторучки с капиллярными «перьями», чем-то похожими на древний калам — палочку для письма.

Но пока идут ручки с обычными перьями — из стали или из золота. С конвейера «Союза» уже сошла миллиардная ручка!

— Сейчас наши заводы ежегодно выпускают несколько миллионов перьевых авторучек, еще больше шариковых и около 20 миллионов фломастеров,— говорит начальник Всесоюзного объединения «Союзоргтехника» Н. Лукоянов.— План по фломастерам увеличивается до тридцати миллионов в год. К сожалению, нас нередко подводят поставщики сырья: нет достаточного выбора пластмасс, нет ярких чернил для заводской заправки фломастеров. Но особо остро встанет вопрос с сырьем при выпуске ручек экстра-класса. Тут нужны специальные пластмассы, очень добротный, стабильного качества металл...

В заключение вернусь к разговору с директором завода, где делают ручку АР-602. Я заметил, что у новорожденной не очень-то привлекательное название. Он согласился и предложил:

— Мы будем признательны читателям «Огонька», если они придумают «имя» новой авторучке. Победителям такого своеобразного конкурса вручим приз...

Редакция принимает такое предложение. Ждем ваших писем, дорогие читатели. Они будут переданы жюри.

Боевые вертолеты и танки поддерживают атаку мотострелков.

НАД НЕМАН

Фото А. НАГРАЛЬЯНА, специального корреспондента «Огонька»

В районе городов Алитус, Паневежис и Таураге проходило учение войск Прибалтийского военного округа, оно называлось «Неман». Здесь, прикрытые лесами, спрятанные под маскировочными сетками, изготовились к бою войсковые подразделения, штабы, боевая техника «южных» и «северных».

А потом грянул «бой». Сбросив маскировку, устремились навстречу друг другу десятки танков и боевых машин пехоты. В небе разгорелись жаркие воздушные бои, боевые вертолеты огнем поддерживали свои войска.

...К концу третьего дня боевых действий «южные» вышли к Неману и форсировали водную преграду на широком фронте. Своим ходом и на паромах переправлялись танки. Затем саперы навели понтонные мосты, и по ним устремились колонны войск. А истребители-бомбардировщики наносили удары по глубине обороны «северных».

«Неман» явился серьезным экзаменом на войсковую зрелость и боевое мастерство. Мотострелки и танкисты, летчики и десантники, ракетчики и артиллеристы, саперы и связисты — все воины этот экзамен выдержали с честью.

Руководитель учения командующий войсками Прибалтийского военного округа генерал армии А. Н. Майоров дал высокую оценку частям и подразделениям, принимавшим участие в учении.

Хлеб-соль участникам учения.

Воздушный десант.

ОМ

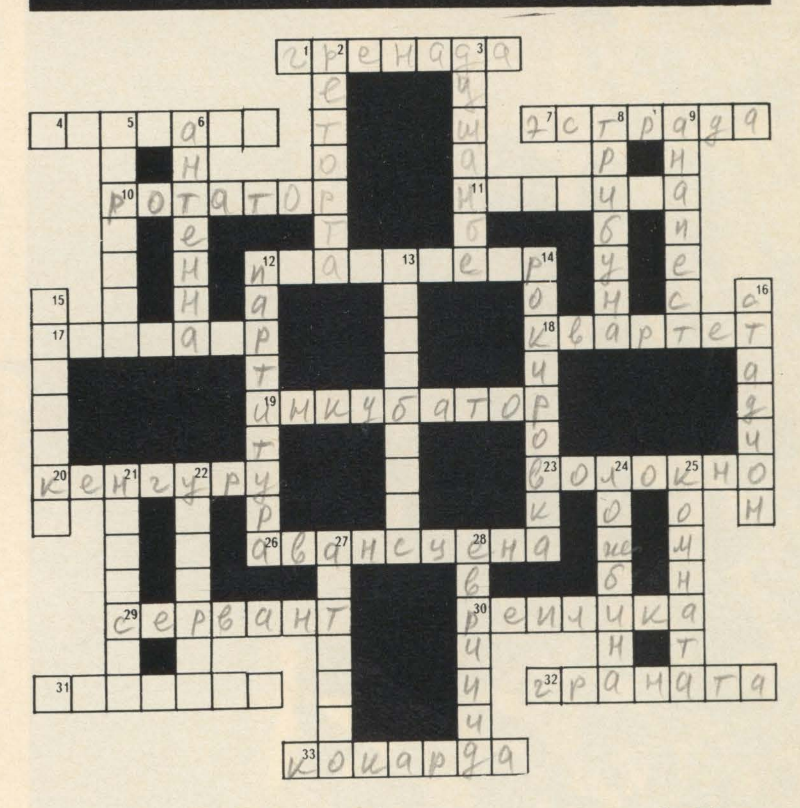

Заместитель командира роты, коммунист, инструктор-парашютист В. Масленников.

Политбеседа.

КРОССВОРД

По горизонтали: 1. Песня на слова М. А. Светлова. 4. Приток реки Урал. 7. Площадка для концертов. 10. Аппарат для печатания копий. 11. Спутник Нептуна. 12. Прибор для определения площадей на чертежах, картах. 17. Звезда, наиболее яркая в созвездии Орла. 18. Басня И. А. Крылова. 19. Аппарат для искусственного вывода птенцов. 20. Сумчатое животное. 23. Нить для пряжи. 26. Место между занавесом и рампой. 29. Низкий буфет. 30. Короткое замечание, возражение. 31. Металл. 32. Артиллерийский снаряд. 33. Знак на форменном головном уборе.

По вертикали: 2. Лабораторная посуда. 3. Столица союзной республики. 5. Военное судно. 6. Часть радиоустановки. 8. Возвышение для оратора, лектора. 9. Стихотворная стопа. 12. Нотная запись произведения для оркестра, хора. 13. Советский скульптор. 14. Шахматный ход. 15. Болгарский народный смычковый инструмент. 16. Спортивное сооружение. 21. Река в Канаде. 22. Химический элемент. 24. Узкий неглубокий овраг. 25. Жилое помещение. 27. Действующее лицо оперы В. Моцарта «Свадьба Фигаро». 28. Древнегреческий драматург.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 31

По горизонтали: 1. Муром. 4. Пружина. 7. «Героическая». 10. Панель. 11. Одетта. 14. Экскурсия. 17. Каравайка. 19. Максимова. 21. Белоусова. 24. Фигаро. 26. Котлас. 27. Волейболист. 28. «Энергия». 29. Рейка.

По вертикали: 1. Морковь. 2. Рожечник. 3. Монисто. 5. Шедевр. 6. Фанера. 8. Маяковский. 9. Стратостат. 12. Аксуат. 13. Октава. 15. Саго. 16. Яшма. 17. Краб. 18. Риал. 20. Мрамор. 22. Оттиск. 23. Гербарий. 25. Олеандр. 26. «Колхида».

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Кироваканский завод химического волокна. Наставница Л. Оганесян (в центре) передает свой опыт молодежи. (См. в номере материал «Наставники».)
Фото А. Награльяна

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Забурлила вода под кормой, и белоснежный лайнер стал медленно отходить от причала. Провожающие покинули пристань, а студенты-художники остались. Они правильно выбрали место для своих этюдов: вскоре огромный туристский теплоход, как две капли воды похожий на тот, что отплыл, отшвартовался на Химкинском речном вокзале Москвы.
Фото С. Портера

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ, Н. А. ИВАНОВА, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456. Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Н. И. БУДКИНОЙ.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 214-33-70; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 212-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-32-45.

Сдано в набор 16.07.79. Подписано к печати 31.07.79. А 00686.
Формат 70×108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55.
Тираж 1 800 000 экз. Изд. № 1783. Заказ № 908.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

НА АР

В. ВИКТОРОВ

Фото А. БОЧИНИНА

Представьте себе книгу, созданную двенадцатью тысячами авторов. Не попадалось вам такое чудо? А это не чудо. Пройдет всего несколько месяцев, и книга появится на прилавках магазинов, займет свое место на библиотечных полках. Называться она будет очень просто: «VII летняя Спартакиада народов СССР». В этот объемистый том листов в тридцать — сорок вместятся итоговые результаты по всем тридцати видам спорта, входящим в программу летней Спартакиады, все события, связанные с самыми различными соревнованиями, начиная от первого удара по теннисному мячу и кончая последним ударом по мячу футбольному. И, только досконально изучив содержание этой книги, ее рецензентам и ее многочисленным авторам удастся увидеть Спартакиаду во всем ее великолепном размахе. А сейчас, когда Спартакиадный том находится еще в процессе создания, нам остается лишь почаще заглядывать в его оглавление, как можно было бы назвать программу соревнований, и снова и снова поражаться неисчерпаемому богатству событий, свидетелями которых мы стали. Их не описать, даже если останавливаться только на самых ярких, потому что этих «самых-самых» накопилось уже столько, что их никак не уложить в рамки журнального репортажа.

Ну, с чего, в самом деле, надо продолжить рассказ о VII летней Спартакиаде, начатый в двух предыдущих номерах «Огонька»? С событий, развернувшихся на большой спортивной арене, отданной сразу же после открытия Спартакиады представителям спорта номер один — легкоатлетам? Или, может быть, дать первое слово в этом репортаже неутомимому племени борцов, которые без устали сменяли друг друга на коврах? Самбисты, одними из первых вышедшие на спартакиадную арену, передали эстафету борцам классического стиля, те, разыграв призовые медали, уступили место «вольникам», а они, в свою очередь, дзюдоистам, которые и завершили этот парад силы в самый канун закрытия Спартакиады. Ну, а разве наши блистательные гимнасты и гимнастки, столь ярко проведшие турнир, не должны быть здесь упомянуты первыми? А пловцы? Ведь в табели об олимпийских рангах они занимают место сразу после легкоатлетов и выступили отлично.

Да, трудная стоит перед нами задача. Ведь для того, чтобы поспеть за событиями хотя бы одного лишь дня Спартакиады, ну к примеру, 26 июля, нам надо было бы присутствовать на финальных соревнованиях борцов вольного стиля, велогонщиков, гребцов, пловцов, стрелков, а также посетить в Ленинграде состязания штангистов, в Вильнюсе и Каунасе матчи баскетболистов и в Таллине парусные гонки.

Таково «оглавление» лишь одного спартакиадного дня. И так как мы совершенно условно избрали день 26 июля, который был для легкоатлетов выходным, то с легким сердцем предоставляем первое слово гимнастам.

Трудно представить себе более выразительное и яркое зрелище, чем то, которое предложили нам гимнасты. После того, как гимнасты Российской Федерации завоевали командное первенство и у мужчин и у женщин, в упомянутый нами день решалась судьба личного абсолютного первенства, и чемпионами Спартакиады у мужчин стали сразу двое — Эдуард Азарян (сын знаменитого гимнаста Альберта Азаряна) и Александр Дитятин, набравшие одинаковую и притом рекордно высокую сумму баллов — 116,025. А победа Наташи Шапошниковой, представляющей команду РСФСР, разве не порадовала нас? Эта восемнадцатилетняя девушка, ученица известного тренера Владислава Растороцкого,— одно из самых ярких дарований нашей гимнастической школы, и ее победа вполне закономерна.

У каждого спорта своя судьба. Одни являются баловнями болельщиков — им всегда обеспечено внимание, вокруг них всегда бушуют страсти. Другие привыкли к пустоватым трибунам, смирились с равнодушием зрителей. К последним принадлежит велоспорт на треке. В очень давние времена велогонщики были у нас так же популярны, как теперь хоккеисты. Но все это в прошлом, и соревнования трековиков, проходившие на старенькой арене стадиона Юных пионеров (наверное, в последний раз, пока достраивается великолепный олимпийский трек в Крылатском), не отличались многолюдством. А между тем зрители, посетившие трек, не пожалели об этом, потому что стали свидетелями яркого, азартного спортивного зрелища. И когда диктор во время финальной гонки преследования обратился к зрителям с просьбой поддержать спортсменов, это встретило горячий отклик на трибунах. Победил наш известный гонщик Николай Макаров, и он утверждает, что поддержка болельщиков очень помогла ему.

А завершились выступления велосипедистов на олимпийской трассе в Крылатском, где была разыграна групповая гонка протяженностью в 189 километров. В этот день олимпийская новостройка прошла пусковые испытания и получила высокую оценку как спортсменов, так и зрителей. Победитель групповой гонки Александр Гусятников из команды РСФСР вместе со своим товарищем — победителем последней велогонки Мира — Сергеем Сухорученковым подарили нам зрелище, которое может сравниться по своему азарту только с марафонским бегом. Да, велосипедный спорт заслуживает большего внимания, и мы будем рады вскоре вернуться к нему, когда начнется чемпионат мира в Амстердаме, куда направится наша представительная команда.

Гоночный круг в Крылатском протяженностью в 13,64 километра был чуть ли не весь обрамлен стеной зрителей, которые горячо поддерживали велогонщиков. Увы, на другой арене, значительно более представительной, где выступали легкоатлеты, самая горячая поддержка болельщиков не всегда приносила желанные результаты. Неделю выступали на большой арене советские легкоатлеты и их многочисленные гости, разыгрывая сорок два комплекта наград, и если наши женщины порадовали нас целым рядом высоких результатов, и прежде всего в беге, то о мужчинах этого не скажешь. Из четырнадцати беговых номеров, входящих в мужскую программу Спартакиады, советские спортсмены выиграли лишь пять. Что и говорить, тревожные цифры. Они заставляют подумать о том, что легкая атлетика требует значительно большего внимания и более радикальных решений, чем до сих пор.

Мы вряд ли ошибемся, если скажем, что у мужчин-легкоатлетов особо глубокое впечатление оставили выступления двух спортсменов — юного шестовика Константина Волкова, завоевавшего золотую медаль с новым мировым рекордом для юниоров (5 метров 55 сантиметров), которого тренирует его отец Юрий Волков, создавший в Иркутске свою школу, и испытанного нашего десятиборца Александра Гребенюка, проявившего колоссальную волю к победе.

А Спартакиада народов СССР, когда пишутся эти строки, еще продолжается, и впереди такие яркие зрелища, как финальные турниры боксеров, баскетболистов, волейболистов, футболистов. Да и те соревнования, что завершились, требуют тщательного и углубленного рассказа, а это — дело будущего.

Олимпийская трасса в Крылатском в день групповой гонки.

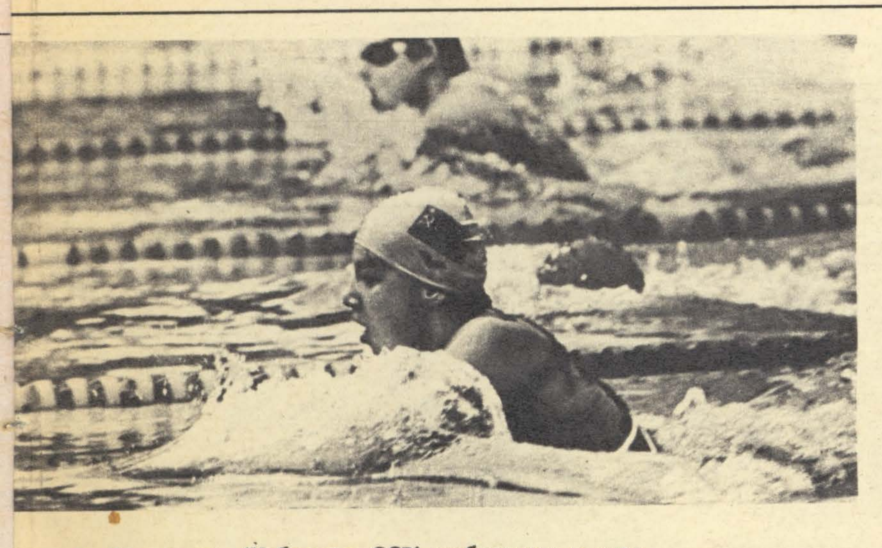

Л. Мосеев (РСФСР) на последних метрах марафона вырвал победу у знаменитого японского бегуна С. Со.

Ф. Пашек, спортсмен из ГДР, стал чемпионом Спартакиады по прыжкам в длину.

ЕНАХ СПАРТАКИАДЫ

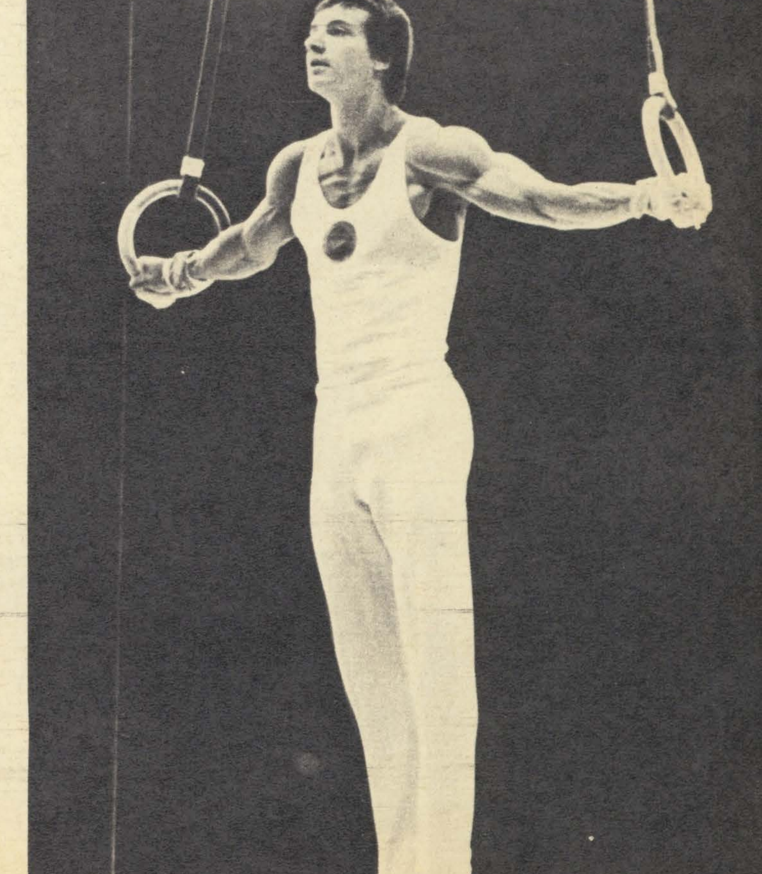

Л. Качюшите (Литовская ССР) завоевала первенство на дистанции 200 метров брассом.

◄

В. Дворянинов (Узбекская ССР), победитель в троеборье.

Абсолютный чемпион Спартакиады Эдуард Азарян (Армянская ССР). Его отец Альберт Азарян в свое время был сильнейшим гимнастом мира на кольцах, а теперь он судья.

Цена номера 35 коп.
Индекс 70663